

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

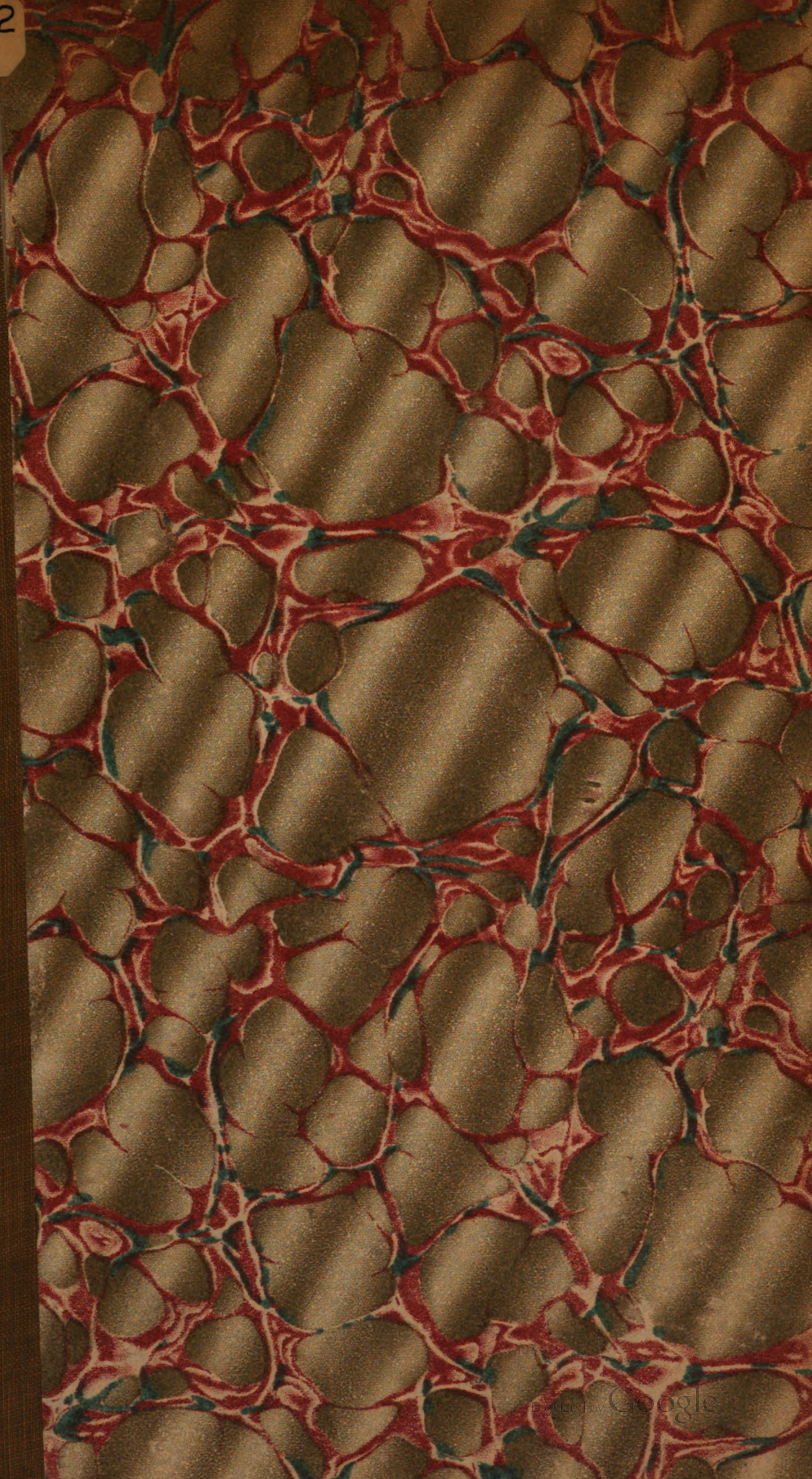
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

27222
90

МАРКОВЪ - РУССКІЙ БЫЛЕВОЙ ЭПОСЪ.

27222.90

Harvard College Library

FROM

.....

.....

.....

А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ I-й.

(Оттискъ изъ XLI и LXII кн. «Этнографическаго Обзорѣнія»).

ПОСТАВШ. ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

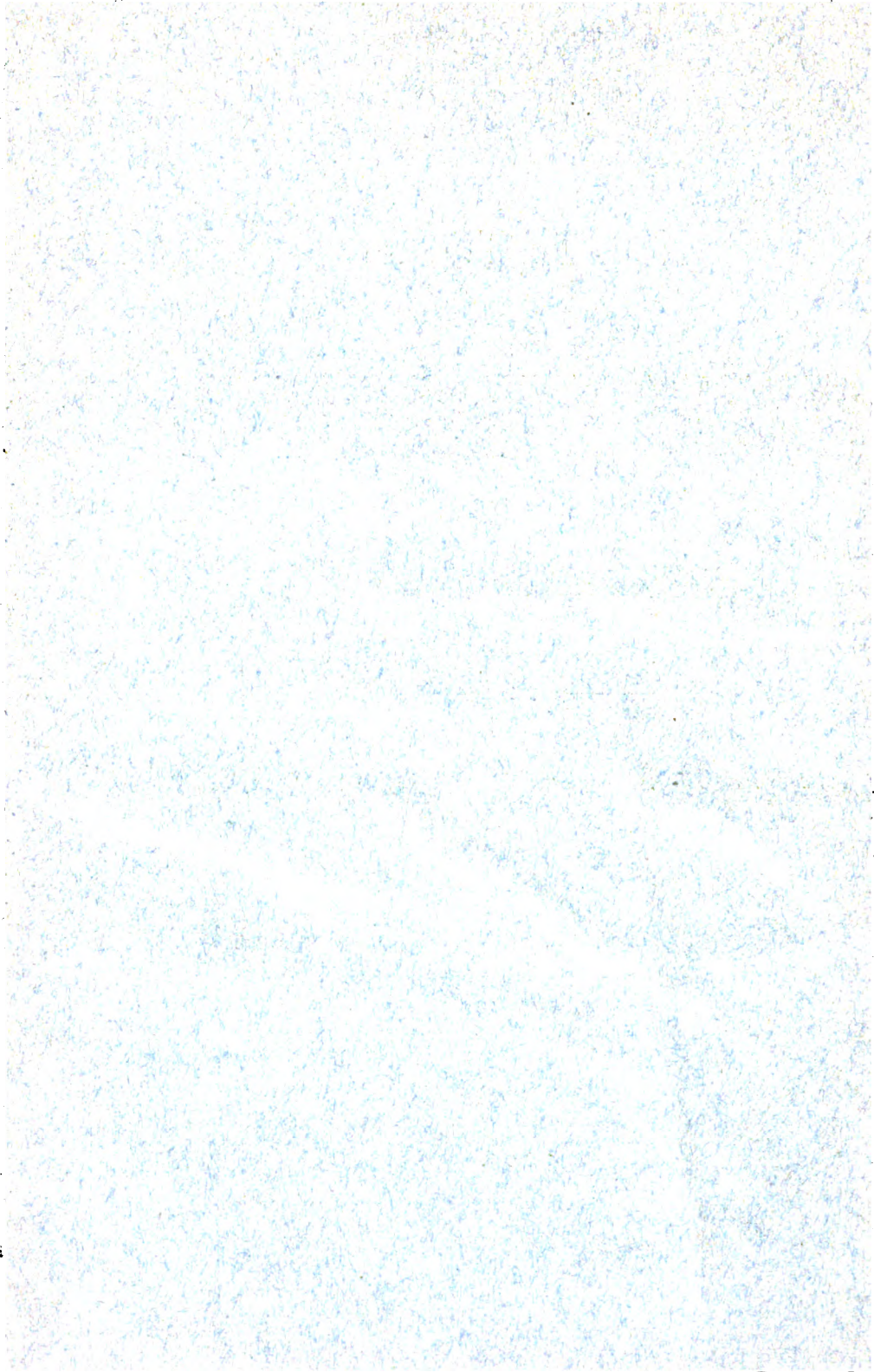
ИЗД-во СКОРОПЕЧ. А. Г. ЛЕВЕНСОНЪ

МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,

МАМОНОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.

1905.

М. Карпов.

А Марковъ.

3/XII/1910.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО ВЫЛЕВОГО ЭПОСА.

Выпускъ I-й.

(Оттискъ изъ XLI и LXII кн. «Этнографическаго Обзорѣнія»).

ПОСТАВЦЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА

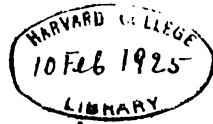
СТ-ВО СМОРОПЕЧ. А. Г. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, МАМОНСВСКІЯ ПЕР., СОВ. Д.

1905.

27222.90

J. L. Ritledge

L

Доволено цензурою. Москва, 4 июня 1905 г.

Изъ исторіи русскаго былевого эпоса.

Наиболѣе важными вопросами при изученіи русскихъ былинъ слѣдуетъ—признать слѣдующіе: 1) о происхожденіи нашего эпоса и его первоначальномъ составѣ, 2) о мѣстѣ и времени его сложенія и 3) о его литературной исторіи, т.-е. о тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергались его основы въ теченіе вѣковой жизни въ памяти пѣвцовъ; сюда относятся образованіе эпическихъ типовъ и сведеніе цѣлаго ряда произведеній къ одному Кіевскому циклу.

Моя статья содержитъ нѣсколько замѣтокъ по исторіи отдѣльныхъ былинъ, а также касается нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ относительно строенія былины, какъ исторически выработавшагося опредѣленнаго вида поэтическихъ произведеній. Въ отдѣльныхъ замѣткахъ я не задаюсь цѣлью детально изслѣдовать ту или другую былину. Въ виду обилія матеріала, привлекаемаго теперь для уясненія средне-вѣкового фольклора, работа надъ изученіемъ былинъ по необходимости носить пока характеръ случайныхъ экскурсовъ, находокъ и догадокъ и не можетъ быть, хотя бы до нѣкоторой степени, цѣльно выполнена однимъ лицомъ; мысль о всестороннемъ изслѣдованіи былинъ—прямо скажу—еще преждевременна. Въ своихъ замѣткахъ я стараюсь, во-первыхъ, вскрыть литературный матеріалъ, который наслоился на былевую основу пѣсенъ и такимъ образомъ затушеваль составляющія ее первоначальныя историческія воспоминанія; во-вторыхъ—опредѣлить, хотя бы до извѣстной степени вѣроятности, дѣйствительныя событія, на которыя въ извѣстныхъ намъ пересказахъ былинъ сохранились только неясныя намеки. Послѣдняя статья касается технической стороны былинъ и историческихъ пѣсенъ.

Сравнивая эти два вида былевой поэзии съ лирическими пѣснями, преимущественно обрядовыми, я пытаюсь подтвердить историческую теорію образованія русскихъ былинъ; согласно съ этой теоріей, за ихъ основу признаются короткія лиро-эпическія пѣсни, преимущественно величальныя, появленіе которыхъ вызывалось тѣмъ или другимъ историческимъ событіемъ.

I.

Одинъ изъ источниковъ былины о сорока каликахъ со каликою.

Романическую завязку былины о сорока каликахъ составляютъ отношенія одного изъ каликъ къ княгинѣ Апраксіи. Цѣломудренный атаманъ, отвергшій любовь сластолюбивой женщины, возбуждаетъ къ себѣ ея ненависть и, оклеветанный ею, терпитъ жестокое наказаніе отъ своихъ спутниковъ. Давно уже указывали на библейскій рассказъ объ Іосифѣ и женѣ Потифара, какъ на источникъ, которымъ слагатель воспользовался для романической части былины. Но библейскій рассказъ не давалъ объясненія тому факту, почему этотъ эпизодъ былъ привлеченъ слагателемъ былины, рассказывающей о хожденіи сорока каликъ въ Іерусалимъ. Въ своей замѣткѣ я укажу на житіе, которое легко могло быть присоединено къ историческому преданію о хожденіи сорока новгородскихъ паломниковъ, такъ какъ заключало въ себѣ необходимую для этого обстановку. Это—житіе св. Михаила-черноризца (IX вѣка), встрѣчающееся въ славянскихъ Прологахъ XV—XVI вв. второй редакціи. Здѣсь я привожу житіе Михаила по тремъ рукописнымъ Прологамъ изъ бібліотеки Румянцевскаго музея, почти тождественнымъ, не считая нѣсколькихъ описокъ и подновленій языка. Рукописи эти слѣдующія: 1) Ундольскаго № 228, начала XVI в. полууст. 2) Румянцевскаго музея № 321, конца XV или начала XVI в. полууст. 3) Ундольскаго № 226, первой половины XVI в. полууст. Во всѣхъ трехъ рукописяхъ житіе помѣщено подъ 23 мая.

„Страсть отца нашего Михаила мниха.

Сий бѣ отъ Едеса града, благовѣрною родителю сынъ. Родителя же преставльшимася блаженный Михаилъ раздая все имѣніе нищимъ, и отъиде въ Іерусалимъ, и поклонися святымъ мѣ-

стомъ, и иде в лавроу святаго Савы, и бысть мнихъ. Посланъ же бысть оучителемъ въ Иерусалимъ продати роуководѣлье свое. И срѣте и скопецъ Сѣиды парици, и поимъ приведе и предъ Сѣидоу имоуща съсоуды зѣло горазды. И видѣвши и цараца зѣло добра и лѣпа взоромъ и тѣло соухо имоуща отъ поста, и начатъ лѣстити его, яко егоуптянины Юсифа, глаголющи: „Се нынѣ благоволихъ о тобѣ, и боуди мнѣ угажая; да аще боленъ еси, изврачюу ты; аще ли нищъ еси, обогачюу ты; аще ли рабъ чий еси, искуплюу ты“. И рече Михаилъ:—Болю о грѣсѣхъ, нищъ же быхъ Бога ради, рабъ же есмь Иисусъ Христовъ; тобѣ же не хоцоу повинуютися.—Она же ноудяшеть его на дѣло зло. И рече ей:—Нѣсть ми того лѣзъ створити, зане мнихъ есмь.—И не могъши его оувѣщати, повелѣ растягши бити немилостивно палицами. Посемъ посла и связана къ цареви, оклеветавъши, яко поругася ей, не далоче соущоу Иерусалима. Царь же, испытавъ о немъ, раздрѣши и и моляше и причаститися вѣрѣ Божичи. И рече Михаилъ: „Не боуди мнѣ оставити Бога жива и въслѣдовати дьяволоу“. И глагола царь:—Изволи паче животь и честь, и царствовати съ мноу, нежели злѣ оумрети. Нынѣ же проси оу мене егоже хоцещи.—Михаилъ же рече: „Въ троємъ единого оу тебе хоцоу: ли къ старцю моемоу поусти мя, ли въ имя Бога моего крестися, ли мечемъ твоимъ къ Христу послѣ мя“. Разгнѣвавъ же ся царь повелѣ напоити и смертнаго ядоу. Испивъ же святой неврежень бысть. Царь же, срама понести не могый, повелѣ оуслѣкнути его мечемъ. И приведше и посредѣ Иерусалима, оуслѣкнуша и мечемъ. Черноризци же святаго Савы, въземше тѣло его, несоша в лавроу и положиша и съ святыми отци“.

Когда явилось у насъ это житіе, сказать нельзя вслѣдствіе отсутствія у насъ опредѣленныхъ данныхъ о времени появленія Пролога второй редакціи. Впрочемъ, опредѣленіе этого времени не имѣетъ особенно важнаго значенія, потому что русскіе паломники могли слышать устный пересказъ того, о чемъ повѣствуется въ житіи. Это можно предполагать на основаніи того, что игумень Даниль, ходившій въ Палестину въ началѣ XII вѣка, видѣлъ въ монастырѣ св. Саввы, близъ Иерусалима, гдѣ было его главное мѣстопребываніе, мощи св. Михаила, и сообщаетъ объ этомъ въ описаніи своего путешествія. Извѣстно, что па-

домники во время своих странствований слышали различные легенды о местных палестинских святынях. Поэтому можно думать, что рассказ о подвиге св. Михаила могъ дойти до слагателя былины и устнымъ путемъ. Какъ бы то ни было, но несомненно то, что этотъ рассказъ послужилъ однимъ изъ источниковъ для слагателя былины.

Сходство между житиемъ и былиной таково, что не можетъ быть сомнѣнiя во влiянiи одного на другую. Прежде всего, сходны имена: въ большинствѣ известныхъ намъ пересказовъ былины невинно страдаетъ отъ сластолюбивой княгини подъятаманье Михайло Михайловичъ. Въ нѣсколькихъ вариантахъ его мѣсто занимаетъ атаманъ Касьянъ, но эпитетъ, который даютъ последнему нѣкоторые пересказы, „не милостивый“, указываетъ на то, что онъ долженъ играть другую роль—роль жестокаго карателя провинившагося калики; именно такую роль онъ и играетъ въ пересказахъ, гдѣ невинно страдающимъ мученикомъ выступаетъ подъятаманье Михайло Михайловичъ.

Въ житiи Михаилъ—нищiй „Бога ради“,—раздавши свое имущество, идетъ въ Иерусалимъ поклониться святымъ мѣстамъ. Въ былинѣ калики тоже идутъ въ Иерусалимъ „святой святыни помолитися“ и по дорогѣ, какъ нищiе, собираютъ подаванiе. Св. Михаилъ „зѣло добръ и лѣпъ взоромъ“; таковъ же и каличiй подъятаманье, котораго былина называетъ „красавчикомъ“ или „Красотой“.

«Отъ лица ево молодецкова,
Бакъ бы отъ солнучка отъ краснова,
Лучи стоятъ великiя 1)».

Прельщаемый парицей св. Михаилъ отвѣчаетъ ей: „Нѣсть ми того лѣзъ створити, зане мнихъ есмь“. То же говоритъ и Михайло Михайловичъ княгинѣ Апраксiн:

«Ай нельзя миѣ створити любовь-сердечныя:
У насъ кладена заповѣдь великая...
Еще кто-то изъ насъ-то да за блудомъ пойдетъ...
А судить-то мы будемъ все своимъ судомъ 2)».

Послѣ отказа Михаила, какъ въ житiи, такъ и въ былинѣ слѣдуетъ клевета на него женщины. Но въ житiи парица окле-

1) Сборникъ Кириши Данилова, 95.

2) Вѣдомскiя былины, 493—6; ср. 526.

ветала передъ царемъ Михаила, будто бы онъ надъ ней надругался; въ былинѣ же, благодаря продѣлкѣ Апраксіи, Михайло оказывается передъ царемъ воровъ, укравшимъ его чару. Далѣе между житіемъ и былинной не можетъ быть близкаго сходства, п. ч. послѣдняя, вмѣсто иновѣрнаго царя, выводитъ православнаго князя Владимира. Поэтому подъятаманье каликъ не гибнетъ отъ руки князя, а терпитъ казнь отъ своихъ спутниковъ, которые были убѣждены въ томъ, что онъ измѣнилъ одной изъ ихъ заповѣдей—не воровать. Впрочемъ, и въ послѣдней части житія есть нѣкоторыя общія черты съ былинной; какъ здѣсь, такъ и тамъ Михайлъ, прежде чѣмъ ему отрубать голову, подвергается различнымъ мученіямъ: въ житіи царица приказываетъ его бить палицами, а царь пытается его отравить; въ былинѣ—Михайла жестоко наказываютъ: бьютъ его клюками, вытягиваютъ у него языкъ, вырѣзаютъ глаза, отсѣкаютъ руки и ноги, ломаютъ ребра, жгутъ на груди селитру и закапываютъ въ землю. Наконецъ, какъ въ житіи, такъ и въ былинѣ играютъ роль сосуды: въ житіи Михайлъ предлагаетъ царицѣ „съсуды зѣло горазды“, въ былинѣ Апраксія кладетъ въ сумку подъятаманья золотую чашу. Послѣдній эпизодъ, можетъ быть, черезъ какое-нибудь посредство, восходитъ къ библейскому разсказу объ Іосифѣ и Веніаминѣ, но этотъ разсказъ удобно было вставить въ романическую фабулу былинны именно потому, что уже въ житіи упоминалось о сосудахъ.

Сравненіе житія съ былинной не только указываетъ намъ взаимное ихъ отношеніе, но также позволяетъ сдѣлать выводъ относительно первоначальнаго вида былинны. Большая часть пересказовъ оканчивается казнью Михаила и его воскресеніемъ; нѣкоторые же пересказы прибавляютъ къ этому разсказъ о болѣзни, которая была послана княгинѣ Апраксіи въ наказаніе за ея грѣхъ, и объ ея исцѣленіи Михайломъ. На основаніи сравненія былинны съ житіемъ Михаила-черноризца можно сказать, что первоначальный видъ былинны соответствовалъ извѣстнымъ намъ краткимъ пересказамъ и оканчивался или смертью Михаила, или его воскресеніемъ.

Сравненіе житія съ былинной интересно еще въ методическомъ отношеніи: оно показываетъ намъ, какъ легко слагатели былинъ, усвоивъ иноземную фабулу, націонализировали ее, пользуясь

русскими историческими преданіями и готовыми рамками кievскаго былиннаго цикла. Въ данномъ случаѣ мы видимъ очень интересную мозаичную работу слагателя: для созданія былины онъ пользуется преданіемъ о хожденіи сорока новгородскихъ каликъ въ Іерусалимъ (это преданіе извѣстно намъ въ записи XIV вѣка), искусно сливаетъ съ нимъ фабулу житія, усиливаетъ фантастическій элементъ, присоединяетъ къ этому нѣкоторые эпизоды изъ церковной литературы и все это заключаетъ въ рамки былины Владимірова цикла. Иновѣрныхъ царя и царицу онъ смѣло замѣняетъ ласковымъ Владиміромъ стольно-кievскимъ и его княгиней Апраксіей и выставляетъ популярныхъ богатырей, Добрыню Никитича и Алепу Поповича, въ роли придворныхъ княжескихъ чиновниковъ.

II.

Историческая основа былины о князѣ Романѣ и литовскихъ королевичахъ.

Съ легкой руки покойнаго Безсонова мнѣніе о тождествѣ нашего былиннаго князя Романа съ знаменитымъ галицкимъ княземъ XII вѣка повторяется до сихъ поръ почти всѣми изслѣдователями русскихъ былинъ. Ждановъ въ своей большой статьѣ, посвященной пѣснямъ о князѣ Романѣ¹⁾, старался обосновать это мнѣніе на подробномъ изученіи фактическаго матеріала. Того же взгляда на историческую основу былинъ о кн. Романѣ держатся акад. Пыпинъ²⁾ и проф. В. Θ. Миллеръ³⁾, упоминавшіе объ этихъ былинахъ послѣ статьи Жданова. В. Θ. Миллеръ, не вполне соглашаясь въ частностяхъ съ изслѣдованіемъ послѣдняго, признаетъ, „что указанный авторомъ ходъ литературной исторіи былинъ объ этомъ князѣ соответствуетъ въ общихъ чертахъ и характеру историческихъ преданій о немъ, и составу сохранившихся о немъ пѣсень“, а потому въ пѣсняхъ о Романѣ видитъ слѣды галицкихъ сказаній о знаменитомъ князѣ XII столѣтія. Несмотря на такую, безпримѣрную у изслѣдователей бы-

¹⁾ Русскій былевой эпосъ, стр. 425—523.

²⁾ Исторія русской литературы I, 121; III, 41.

³⁾ Очерки р. народной словесности, 98, 115, 142.

линь, солидарность во взглядах на этого былинного героя, высказана была мимоходомъ одна догадка¹⁾, которая предлагаетъ видѣть въ одной изъ былинъ о Романѣ слѣды историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ: пѣсня говоритъ о походахъ двухъ литовскихъ князей въ Ливонскую землю и на Русь, о сборѣ Романомъ войска на берегу рѣки Березины, упоминаетъ о Москвѣ. Авторъ догадки предлагаетъ искать Романа среди смоленскихъ, брянскихъ и рязанскихъ князей XIV или XV вѣка, изъ которыхъ нѣкоторые носили это имя. Въ виду этого факта, мнѣ думается, что пересмотръ нѣкоторыхъ выводовъ Жданова можетъ быть небезполезнымъ и, пожалуй, приведетъ къ совсѣмъ иному пониманію исторической основы былинны о Романѣ и двухъ королевичахъ.

Основной чертой изслѣдованія Жданова является то, что онъ ограничивается общими соображеніями о томъ или другомъ положеніи дѣйствующихъ въ былинѣ лицъ и старается игнорировать имена и географическія названія. Прежде всего, онъ не объясняетъ названій, которыя даются королевичамъ различными пересказами былинны: Ливики, Витники, Витвики. *Г. А. С—кій* предполагаетъ въ формѣ „Витвикъ“ искаженіе историческаго имени Витовтъ. Ждановъ (стр. 516), не соглашаясь съ такимъ объясненіемъ, припоминаетъ чешское слово *vítlik*—витязь, удалецъ. Но необходимо найти такое названіе, которое объясняло бы всѣ три формы, очевидно, искаженныя. Королевичи называются племянниками литовскаго короля; поэтому можно думать, что первоначально они назывались „литовниками“, какъ именуются литовцы въ I Псковской лѣтописи²⁾, при чемъ необходимо допустить удареніе въ этомъ словѣ на первомъ слогѣ.

Ливики просятъ у своего дяди войско и казну, чтобы имѣть ѣхать на Русь. Король предупреждаетъ ихъ объ опасности такого предпріятія, войска имѣть не даетъ и совѣтуетъ ѣхать въ богатую Ливонскую землю и тамъ собрать войско и дань. Ждановъ не понялъ цѣли перваго похода Ливиковъ; онъ согласно съ нѣкоторыми пересказами считаетъ этотъ походъ военнымъ предпріятіемъ, но изъ словъ короля ясно видно, что Ливики

¹⁾ *Г. А. С—кій* въ *Живой Старинѣ*, вып. I, отд. III, стр. 19.

²⁾ Полное собраніе русскихъ лѣтописей, IV, 181 (годъ 1265 г.), 188 (годъ 1341 г.).

принуждены ѣхать въ Ливонію только съ цѣлью получить войско и провіантъ и имѣть возможность совершить походъ противъ русскихъ.

Тутъ-то два братца два ливика
 Скоро сѣдлали добрыхъ коней,
 Скорѣ того они поѣздъ чинять
 Во тую-ли землю во Левонскую...
Получили они добрыхъ коней,
 Получили они добрыхъ молодцевъ,
 Получили они цвѣтно платьеце,
 Получили они безсчетну золоту казну ¹⁾.

По другому пересказу, Ливики *обрали* коней, платье и золоту казну ²⁾; по третьему пересказу, они сѣздили въ поле и взяли золото, которое было насыпано въ глубокихъ погребяхъ ³⁾.

Въ другихъ пересказахъ эта поѣздка въ Ливонскую землю описывается, какъ военный походъ. Такое измѣненіе вполне естественно въ нашихъ былинахъ, такъ любящихъ битвы; конечно, оно могло произойти тогда, когда забылся смыслъ перваго похода, какъ подготовительнаго предпріятія для военнаго набѣга на Русь. Рядомъ съ упоминаніемъ Ливоніи пересказы былины даютъ другія географическія названія (Индія, Корела, Кіевъ), указывающія, по мнѣнію Жданова (стр. 504), на то, что мѣстомъ дѣятельности двухъ Ливиковъ первоначально была не Ливонія, а какая-то другая область. Въ одномъ пересказѣ, вмѣсто Ливонской земли, упоминается „Индія богатая, Корела проклятая“. Авторъ напоминаетъ, что это двойное названіе въ другихъ былинахъ обыкновенно соединяется съ другимъ географическимъ названіемъ „городъ Галичь, Волянъ-земля“, а это наводитъ на догадку, что первоначальной географіей былины была Галицко-Волинская область. Этотъ натянутый выводъ сдѣланъ вопреки всѣмъ принципамъ критики текста: нѣтъ никакого сомнѣнія, что названіе Индіи-Корелы, представляющее общее мѣсто въ нашихъ былинахъ, замѣнило собою Ливонскую землю, упоминаемую въ большинствѣ пересказовъ нашей былины, но въ другихъ былинахъ не встрѣчающуюся. Къ этому нужно прибавить, что само

1) *Рыбниковъ*, I, 423.

2) *Тихомировъ и Миллеръ*, II, 262.

3) *Гильфердингъ*, № 42.

по себѣ названіе Корелы имѣеть въ нашей былинѣ нѣкоторый смыслъ: извѣстно, что кореляки жили по сосѣдству съ Ливоніей, и „упрямая“ Корела доставляла много безпокойства новгородцамъ. Замѣчательно, что въ одной былинѣ, записанной у корелки ¹⁾, родина Юнки (т. е. Дюка) Степановича названа Клиномъ, а не Корелой: дѣло въ томъ, что въ XII—XIII вв. часть теперешняго Юрьевского (Дерптскаго) уѣзда называлась „Клиномъ“, что было русскимъ переводомъ эстонскаго слова *Waija* или *Wajja* ²⁾. Можно думать, что Ливонская земля была замѣнена въ одномъ пересказѣ былины о кн. Романѣ Индией-Корелой только потому, что съ этимъ названіемъ соединяется идея богатства, а королевичи отправились въ Ливонію именно за золотой казной; по словамъ короля, —

Ай какъ та земля есть пребогатѣюща:
Много есть злата и серебра,
Много есть безсчетной золотой казны;
Силы-войска-рати—мала мошца. ³⁾.

Этой же идеей объясняется замѣна Ливоніи въ одномъ пересказѣ *Золотой* ордой.

Какъ я указалъ выше, Ждановъ игнорируетъ въ своей статьѣ большую часть географическихъ названій, упоминаемыхъ въ былинѣ. Между прочимъ, онъ вездѣ называетъ Ливиковъ племянниками *польскаго* короля, между тѣмъ какъ король во всѣхъ пересказахъ былины называется *литовскимъ*. Только въ одномъ мѣстѣ онъ оговариваетъ свою неточность (стр. 507, прим.): „Послѣ соединенія Польши съ Литвой, говоритъ онъ, русскіе люди привыкли въ теченіе долгаго времени представлять себѣ одного короля польско-литовскаго. „Литва“ была, конечно, болѣе извѣстна, болѣе близка; поэтому, говоря о королѣ, упоминали часто только о Литвѣ“. Такіе доводы приводитъ изслѣдователь, конечно, для того, чтобы убѣдить читателя въ галицко-волинскомъ происхожденіи пѣсенъ о кн. Романѣ. Но эти доводы легко рушатся, если только взглянуть на дѣло безъ предвзятой мысли. Легко замѣтить, что въ старыхъ былинахъ короли литовскій и поль-

¹⁾ Рыбниковъ, I, 308; см. также III, Зам., LI.

²⁾ Соловьевъ, *Исторія Россіи*, новое изд. I, 365.

³⁾ Т. е. малая мошка. У Рыбникова (I, 431) „маломошца“, у Гильбердинга (№ 71) „мало можется“

скій различаются; напр., въ былинѣ о Дунаѣ, ведущей свое начало дѣйствительно изъ Волынской области, король, съ которымъ Дунай вступаетъ въ сношенія, называется обыкновенно *ляховинскимъ* (а земля его— „Чаховой-Ляховой“¹⁾).

Приблизительно такъ же Ждановъ поступаетъ и съ другими географическими названіями. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины упоминается Москва, какъ область, принадлежащая князю Роману. Въ этомъ наслоеніи былины нельзя не видѣть, вмѣстѣ съ г. А. С—скимъ, слѣдовъ историческихъ воспоминаній о литовско-русскихъ отношеніяхъ XIV—XV вѣковъ. Ждановъ, напротивъ, замѣчаетъ въ былинахъ о Романѣ наслоенія другой исторической эпохи. „Передъ мыслью народныхъ пѣвцовъ, говоритъ онъ, открывалось какое-то сходство между содержаніемъ пѣсенъ о Романѣ и явленіями московской исторической жизни XVI вѣка. Этою только аналогіей и можно объяснить, какъ въ былины о Романѣ пробрались Никита Романовичъ и самъ грозный царь Иванъ Васильевичъ. Этою же аналогіей объясняется и упоминаніе Ливонской земли“ (стр. 506). Но какія явленія московской жизни XVI вѣка могли имѣть отношеніе къ содержанію пѣсенъ о Романѣ и что это была за аналогія, авторъ намъ не объяснилъ, да и не могъ объяснить, потому что указать здѣсь какую-нибудь аналогію нѣтъ никакой возможности. Если въ двухъ пересказахъ былины (Гильфердингъ, №№ 12 и 42) мѣсто кн. Романа занимаютъ старый Никита Романовичъ и Грозный царь Иванъ Васильевичъ, то эту неудачную замѣну нужно объяснить вліяніемъ позднѣйшихъ историческихъ пѣсенъ. Въ былинѣ говорится о князѣ Романѣ и его сестрѣ Настасѣ; въ популярныхъ пѣсняхъ объ Иванѣ Грозномъ часто упоминаются царица Настасья Романовна и ея братъ Никита Романовичъ,—и вотъ простое сходство именъ побудило какого-нибудь пѣвца внести въ старую былинку новыя имена историческихъ личностей. Что это внесеніе произошло очень поздно, видно изъ того, что одинъ изъ пѣвцовъ (Калининъ) поселилъ Никиту Романовича „на горочки на Вшивы“ (№ 12), гдѣ, согласно пѣснѣ объ Иванѣ Грозномъ, стояли палаты его шуриня (пѣсня эта извѣстна Калининцу), а другой пѣвецъ (Прохоровъ) въ началѣ былины упоминаетъ Романа,

¹⁾ См. Этнографич. Обзорніе, кн. XLVI, 81.

а затѣмъ рассказываетъ о Грозномъ царѣ Иванѣ Васильевичѣ (№ 42). Нужно прибавить, что второй пѣвецъ могъ вполне осмысленно замѣнить Никиту Романовича московскимъ царемъ, какъ это сдѣлалъ сказитель Рябининъ, передавая Гильфердингу путаную пѣсню о борьбѣ Скопина и Никиты Романовича съ Литвой¹⁾. Въ этой пѣснѣ легко разглядѣть соединеніе исторической пѣсни о Скопинѣ-Шуйскомъ²⁾ съ былинной о князѣ Романѣ.

Что касается другихъ географическихъ названій, встрѣчающихся въ былинѣ, то Ждановъ не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, только перечисляя въ примѣчаніи (къ стр. 465) названія русскихъ селъ и улицъ, разоренныхъ королевичами. Я обращаю вниманіе прежде всего на то обстоятельство, что литовскіе королевичи, разоривъ владѣнія князя Романа и увезши съ собою его сестру, на возвратномъ пути домой должны были переѣхать черезъ рѣку Березину. Эта рѣка упоминается въ двухъ пересказахъ³⁾; въ трехъ другихъ пересказахъ⁴⁾ рѣка названа Смородиной. Нѣтъ сомнѣнія, что первое названіе болѣе древнее, потому что оно извѣстно только въ одной нашей былинѣ; что же касается Смородины, то это эпическое названіе попало сюда, вѣроятно, изъ пѣсни о томъ, какъ „князь Романъ жену терялъ“, не имѣющей къ былинѣ никакого отношенія.

Итакъ, королевичи производили свои опустошенія на востокъ отъ Березины. Городъ, около котораго они воевали, въ большинствѣ пересказовъ называется Москвой, но въ двухъ пересказахъ⁵⁾ Москва не названа, а въ одномъ городъ князя Романа названъ Сребрянскимъ⁶⁾. Въ названіи этого города и надо искать разгадки исторической основы былины. Что Москва замѣнила собою въ болѣе позднюю эпоху названіе этого города, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія: мало извѣстное всегда замѣняется болѣе извѣстнымъ, а никакъ не наоборотъ. Итакъ, первоначально городъ князя Романа назывался Сребрянскимъ,

1) Рыбниковъ I, 408 + III, стр. XLVII; Гильфердингъ, № 88; ср. Рыбник. IV, 95.

2) Кирьевскій VII, 7, 12.

3) Рыбниковъ I, 429 (= Гилье. № 71), 438.

4) Рыбн. I, 422; Гилье. № 61; Тихомировъ и Миллеръ, II, 262.

5) Рыбн. I, 422; Гилье. № 42.

6) Рыбн. I, 438.

а это названіе представляет собою легкое искаженіе старинной формы „Дьбрянскъ“, какъ назывался г. Брянскъ въ XII—XV вв. ¹⁾.

Такимъ образомъ, историческая основа былинны является въ слѣдующемъ видѣ. Два племянника литовскаго короля задумываютъ устроить набѣгъ на владѣнія брянскаго князя Романа. Не имѣя достаточно средствъ, они нападаютъ на Ливонію и тамъ легко добываютъ войска и средства. Перешедши черезъ рѣку Березину и вступивъ въ русскіе предѣлы, они разорили въ окрестностяхъ Брянска нѣсколько селъ, принадлежавшихъ князю. Заѣхать въ Брянскъ они не осмѣлились и повернули назадъ. Когда они вновь переѣхали черезъ Березину и расположились въ шатрахъ отдыхать, князь Романъ нагналъ ихъ, разбилъ и отомстилъ имъ.

Чтобы опредѣлить эпоху, отразившуюся въ этомъ былинномъ рассказѣ, обратимъ вниманіе на характеръ выставленныхъ здѣсь литовско-ливонскихъ и литовско-русскихъ отношеній. Въ былинѣ рисуется образъ могущественнаго литовскаго короля. Племянники находятся у него въ полномъ подчиненіи; безъ его помощи они не могутъ собраться въ походъ. Король презрительно смотритъ на слабую, хотя и богатую, Ливонію, но труситъ передъ русскимъ княземъ:

«Сколько я на Русь ни ѣзживалъ,
«А счастливъ съ Руси не выѣзживалъ»,

говоритъ онъ племянникамъ. Королевичи имѣютъ успѣхъ въ Ливоніи; здѣсь они не столько бьются, сколько грабятъ. Нападеніе ихъ на владѣнія Романа представляет собою тоже разбойничій набѣгъ: они разоряютъ беззащитныя села и увозятъ молодую женщину съ ея младенцемъ. При первомъ столкновеніи съ княземъ они терпятъ пораженіе, и князь, презрительно назвавши ихъ „щенятыю бѣлогубою“, легко съ ними справляется.

Все это характерно для русско-литовскимъ отношеній въ половинѣ XIII столѣтія. Въ это время литовскія племена начинаютъ объединяться подъ властью Миндовга. Хитрый и жестокій князь

¹⁾ *Соболевскій*, *Лепція по исторіи русскаго языка*, 104; *Лятопась по Ипатскому списку*, 239, 242, 568—9, 575; *П. Собр. Р. Лвт. XII*, 69, 252.

не брезговалъ никакими средствами, чтобы прибрать къ своимъ рукамъ какъ можно больше чужихъ владѣній. Онъ посылаетъ своихъ родственниковъ въ походъ противъ Смоленска, а самъ въ ихъ отсутствіе захватываетъ ихъ области и имущество (1252 г.). Боясь дружбы одного изъ нихъ, Тевтивила, съ Ливонскимъ орденомъ, онъ крестится и получаетъ отъ магистра ордена *корольевскій отънецъ*; опасность со стороны Ливоніи устранена; Тевтивиль принужденъ бѣжать изъ Риги. Не выступая открыто противъ русскихъ князей и даже стараясь скрѣпить миръ съ ними брачными отношеніями, онъ въ то же время посылаетъ свои войска съ сыномъ и другими воеводами грабить русскіе предѣлы. Между литовскими князьями происходятъ постоянные раздоры. Жмудскій князь Выкынтъ заключаетъ союзъ съ Ливонскимъ орденомъ и, съ помощью нѣмцевъ и лтвяговъ, вмѣстѣ со своимъ племянникомъ Тевтивиломъ возстаетъ противъ Миндовга. Ливонцы стоятъ то за Миндовга, то за его родственниковъ. Но и тотъ, и другой союзы недолговѣчны. Въ 1252 г. орденъ помогаетъ Миндовгу, а черезъ семь лѣтъ литовцы опустошаютъ Курляндію. Несомнѣнно, что отношенія между нѣмцами и литовцами были двойственныя; таковыми они изображаются и въ былинѣ.

Когда такимъ образомъ опредѣлилась эпоха возникновенія первоначальной версіи былины, уже нетрудно найти ея героя, князя Романа. Это—князь брянскій Романъ, сынъ извѣстнаго Михаила Черниговскаго, убитаго въ ордѣ (1245 г.) и признаннаго святымъ. Романъ Михайловичъ—довольно крупное лицо среди русскихъ князей XIII столѣтія. По родословнымъ, онъ былъ послѣ отца своего на княженіи въ Черниговѣ и Брянскѣ, гдѣ мы его видимъ съ 1263 г. и гдѣ протекла его главная дѣятельность. Поводомъ къ сложенію былины послужило первое столкновеніе этого князя съ литовцами, случившееся въ 1263 году. Волынская лѣтопись довольно подробно описываетъ это событіе.

„Послалъ бяшетъ Миндовгъ всю свою силу за Днѣпръ на Романа на Дебряньскаго князя“. Далѣе лѣтопись рассказываетъ о томъ, что случилось въ Литвѣ послѣ выступленія войска въ походъ: именно, Довмонтъ, который отправился вмѣстѣ съ другими князьями, улучивъ удобную минуту, неожиданно вернулся въ Литву и умертвилъ Миндовга съ обоими его сыновьями. Отсюда видно, что походъ былъ предпринятъ не самимъ Миндовгомъ, а

другими мелкими князьями (Довмонтъ былъ княземъ нальщанскимъ), хотя по его инициативѣ. Вѣроятно, цѣлью Миндовга было удалить изъ Литвы своихъ родственниковъ, какъ это онъ сдѣлалъ въ 1252 году по отношенію къ племянникамъ Тевтивилу и Эрдивилу.

Послѣ разсказа объ этомъ событіи и о другихъ, происшедшихъ въ Литвѣ, лѣтопись описываетъ конецъ похода литовскихъ князей. Въ это время Романъ выдавалъ замужъ свою четвертую дочь Ольгу за волынскаго князя.

„Бысть свадьба („веселье“) у Романа князя у Дбрянскаго, и нача отдавати милую свою дочь, именемъ Олгу, за Володимера князя, сына Василкова, внука великаго князя Романа Галичкаго. И в то веремя рать приде литовская на Романа. Онъ же бися с ними и побѣди я, самъ же раненъ бысть, и немало бо показа мужество свое, и прѣйха во Дбрянскъ с побѣдою и честию великою, и не мня раны ¹⁾ на тѣлеси своемъ за радость. И отда дочь свою: бѣхуть бо у него иныѣ три, а се четвертая; сія же бѣшетъ ему всихъ милѣе. И посла с нею сына своего старѣйшого Михаила и бояръ много“ ²⁾.

Отмѣтимъ въ этомъ разсказѣ нѣсколько фактовъ, съ которыми можно сблизить былинну. Литовцы на Брянскъ не нападаютъ: Миндовгъ посылаетъ войско за *Днѣпръ, на Романа*; и далѣе повторяется, что рать пришла на Романа, а не на Брянскъ. Во время нападенія князь занятъ приготовленіями къ свадьбѣ дочери: узнавъ о набѣгѣ, онъ самъ бѣтается съ врагами и одерживаетъ славную побѣду.

По былинѣ, во время набѣга королевичей князя Романа нѣтъ дома. Они разоряютъ три села подъ городомъ,

„Не дождучись до князя Романа Митріевича“ ³⁾; заѣхать въ городъ они „не смѣютъ“ ⁴⁾. Романъ отправляется въ погоню за королевичами, настигаетъ ихъ на берегу Березины и мститъ за нападеніе.

Какіе именно литовскіе князья произвели набѣгъ на владѣнія Романа, Волынская лѣтопись не сообщаетъ. Но несомнѣнно, что въ этомъ походѣ не участвовали сыновья Миндовга, такъ какъ

¹⁾ Т. е. не думая о ранѣ.

²⁾ Лѣтопись по Ипатскому списку, 569.

³⁾ Рыбничковъ, I, 424.

⁴⁾ Тамъ же, 432.

оба сына, находившіеся при отцѣ, были убиты Довмонтомъ, а третій сынъ, Войшелгъ, находился въ это время въ Волинской землѣ, у Данила и Василька. Изъ племянниковъ Миндовга въ походъ не могли участвовать ни Тройнатъ (Тренята), который въ это время исполнялъ порученіе Довмонта, убивалъ Миндовга, ни Тевтивилъ, который уже одиннадцать лѣтъ княжилъ въ Полоцкѣ, помогая русскимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ нѣмцами и при томъ въ томъ же 1263 году былъ убитъ въ Полоцкѣ Тройнатомъ. Изъ родственниковъ Миндовга въ походъ могли принимать участіе два молодыхъ князя: Эрдивиль и Зивибундъ. Эрдивиль былъ племянникомъ Миндовга; въ 1252 году онъ произвелъ набѣгъ на Смоленскъ и занялъ нѣсколько городовъ въ Друцкомъ княжествѣ (часть Полоцкой области); т. н. „литовскія“ лѣтописи, а также польскій хронистъ Стрыйковский, пользовавшійся ими, называютъ его первымъ великимъ княземъ новогрудковскимъ (Новогрудокъ—въ зап. части Минской губ.). Въ какой степени родства находился Зивибундъ по отношенію къ Миндовгу, достовѣрно не извѣстно; „литовскія“ лѣтописи называютъ его жмудскимъ княземъ, преемникомъ Выкынта, а послѣдній, судя по Волинской лѣтописи и по позднему западно-русскому своду ¹⁾, былъ дядей Тевтивила ²⁾ и Эрдвила, слѣд., братомъ или, скорѣе, своякомъ Миндовга.

Итакъ, въ набѣгъ на владѣнія Романа могли участвовать Эрдивиль и Зивибундъ. Стрыйковский рассказываетъ объ одномъ походѣ на Русь, предпринятомъ этими двумя молодыми князьями. По словамъ польскаго хрониста, князья захватили города: Суражъ, Брянскъ и Бѣльскъ. Что касается послѣдняго города, то его названіе попало въ это извѣстіе, вѣроятно, по ошибкѣ, такъ какъ походъ на этотъ западный городъ (правда, принадлежавшій

¹⁾ См. Лѣтопись по Ипатскому списку, 541, 543; Narbutt, Pomniki do dziejów Litewskich. Kronika Litewska, 7, 8. Стрыйковский ошибочно называетъ Эрдвила братомъ Выкынта. См. у Тихомирова, о составѣ т. н. литовскихъ лѣтописей: Ж. Мин. Нар. Пр. 1901, май, стр. 118.

²⁾ Соловьевъ (Исторія Россіи, I, 865, прим. 1) различаетъ двухъ Тевтивилей—сына брата Миндовга и сына его сестры. Но такое различіе было бы правильнымъ только въ томъ случаѣ, если бы западно-русскіе лѣтописцы хорошо были освѣдомлены относительно литовскихъ событій, чего въ дѣйствительности не было.

еще русским князьям; теперь—въ Гродненской губ.) трудно соединить съ походомъ на Черниговскую область, въ составъ которой входили Суражъ и Брянскъ. Тѣмъ не менѣе нѣтъ основанія не довѣрять разсказу польскаго хрониста, который всегда очень добросовѣстно излагалъ свои источники и ничего не выдумывалъ самъ. Поэтому въ этомъ разсказѣ нужно видѣть иное извѣстie о томъ же походѣ на князя Романа въ 1263 году, который описанъ въ Волинской лѣтописи. Что касается нѣсколько иной окраски результатовъ похода, то она не можетъ возбуждать недоумѣнiя: Волинская лѣтопись лучше знаетъ о томъ, что произошло въ Черниговской области, хотя не знаетъ литовскихъ князей, участниковъ похода; наоборотъ, литовская или польская хроника, которую излагалъ Стрыйковскiй, лучше была освѣдомлена относительно участвовавшихъ въ нападенiи князей, хотя не имѣла опредѣленныхъ свѣдѣнiй объ его результатѣ.

Если Волинская лѣтопись и Стрыйковскiй говорятъ объ одномъ и томъ же событiи, то соединенiе этихъ извѣстiй еще болѣе отвѣчаетъ былинному разсказу. Князья, двигаясь отъ Новогрудка или Бѣльска къ Суражу и Брянску, не могли миновать переправы черезъ Березину; на обратномъ пути домой также необходимо было переправиться черезъ эту рѣку. Былинный образъ двухъ королевичей вполне отвѣчаетъ двумъ молодымъ князьямъ, новогрудковскому и жмудскому, которые довольствуются своими удѣлами и не пытаются спорить ни съ „королемъ“ Миндовгомъ, ни съ сильными князьями, въ родѣ Довмонта, Тройната или Тевтивила.

Теперь посмотримъ, насколько образъ былиннаго героя отвѣчаетъ тому, что намъ извѣстно о Романѣ Брянскомъ.

Это, несомнѣнно,—одинъ изъ наиболѣе выдающихся князей XIII вѣка. Къ сожалѣнiю, намъ о немъ извѣстно очень мало. Въ общерусскихъ лѣтописныхъ сводахъ его имя попадаетъ только въ одномъ мѣстѣ (подъ 1285 г.). Нѣкоторое представление о личности князя Романа можно составить только по западно-русскимъ лѣтописямъ, преимущественно по Волинской лѣтописи. Въ 1274 г. Романъ, по приказанiю татарскаго хана Меньгу-Темира, помогалъ галицкому князю Льву въ его борьбѣ съ литовцами. Меньгу-Темиръ послалъ на помощь Льву татарское войско, всѣхъ заднѣпровскихъ князей: „Романа Дѣбряньскаго (с) сыномъ

Олгомъ, и Глѣба князя Смоленскаго, (и) иныхъ князей много⁴. Здѣсь, какъ мы видимъ, Романъ поставленъ на первомъ мѣстѣ въ ряду заднѣпровскихъ князей. Нѣсколько князей и татары встрѣтились съ Львомъ, который, не дожидаясь другихъ князей, воевавшихъ въ это время Полѣсье, хотѣлъ осадить Новогрудокъ; „татарови же“, говоритъ лѣтописецъ, „*всѣми жадахуть Романа, абы притягль*“ (присоединился). Только на другой день послѣ взятія Новогрудка пришли „Романъ и Глѣбъ *съ великою силою*“. Разгнѣванный тѣмъ, что его не дождался, Романъ отказался отъ продолженія похода, хотя раньше князя предполагали идти въ Литовскую землю, и вернулся домой. Его зять, Владимиръ Васильковичъ, упрашивалъ его погостить у него и повидаться съ дочерью; „Романъ же отопрѣся ему, тако река: „Сыну мой Володимеру, *не могу отъ рати своей ѣзати; се хожу въ земли ратной, а кто ми допроводитъ рать мою домовъ*“¹⁾ Въ этомъ разказѣ довольно ярко обрисовывается образъ идеальнаго князя, который, заботясь о своей дружинѣ, не можетъ никому ее довѣрить и самъ провожаетъ ее домой изъ вражеской земли. Насколько силенъ былъ этотъ князь, видно изъ того, что безъ него татары боялись напасть на Новогрудокъ; войска брянскаго и смоленскаго князей прямо названы „великою силою“. Немудрено, что въ 1285 г. Романъ пытался даже овладѣть Смоленскомъ, при чемъ онъ разорилъ много селъ и сжегъ пригородъ²⁾. Авторитетъ, которымъ онъ пользовался въ Смоленской области, виденъ изъ грамоты рижскаго епископа къ смоленскому великому князю Оедору: въ этой грамотѣ, написанной между 1281 и 1284 гг., жители Витебска жалуются на рижанъ передъ брянскимъ княземъ, котораго называютъ „наместникомъ“ великаго князя Смоленскаго³⁾.

Вотъ всѣ историческія свѣдѣнія о князѣ Романѣ. Западно-русскія лѣтописи, отличающіяся отсутствіемъ точности въ передаваемыхъ ими свѣдѣніяхъ, повѣствуютъ еще о борьбѣ Романа съ Гедиминоуъ. Краткое извѣстіе объ этомъ находится въ Густынской лѣтописи:

1) Лѣтопись по Ипатскому списку, 575—577.

2) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 207.

3) Ждановъ, ор. с., 569.

„Паки Гедиминъ, князь Литовскій, Овруче и Житомиръ взять подъ княземъ Кіевскимъ Станиславомъ. Въ то же время и самого князя Станислава Кіевского, и Лва Луцкого, и Романа Брянского и прочихъ порази, и Кіевъ подъ нимъ взять, и потомъ Каневъ, Черкасы, Путивль, Брянско и Воынь¹⁾“.

Это извѣстіе поставлено подъ 1305 годомъ. Въ другихъ лѣтописяхъ обозначены другіе года. „Кіево-Печерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя кіевского Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени и, выгнавши татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ“²⁾. Объ этомъ рассказывается и въ польскихъ хроникахъ, но тамъ происшествіе отнесено къ 1321 году. О татарахъ тутъ нѣтъ рѣчи; на помощь Станиславу выступаютъ переяславскій князь Олегъ брянскіе князья Святославъ и Василій и луцкій князь Левъ. Послѣ пораженія на р. Ирпени Станиславъ бѣжитъ въ Брянскъ съ тамошними князьями³⁾. Отнесеніе этого событія къ 1321 году представляетъ анахронизмъ. Святославъ со своимъ племянникомъ Василюмъ княжилъ въ Брянскѣ только до 1309 года, а въ слѣдующемъ году онъ былъ убитъ. Василій умеръ въ 1314 г.⁴⁾

Такимъ образомъ, большаго вѣроятія заслуживаетъ годъ, выставленный въ Густынской лѣтописи, но тамъ мы, къ удивленію, встрѣчаемъ, вмѣсто Святослава и Василя, князя Романа. Объ этомъ же князѣ говоритъ и подробный рассказъ литовской лѣтописи, изданной Нарбутомъ⁵⁾. Князь Левъ (Юрьевичъ) былъ выгнанъ Гедиминомъ изъ Луцка, „и онъ не смѣлъ противустати ему, и побѣжить до князя Романа, до зятя своего, ку Браньску“.

Гедиминъ зиму провелъ въ Берестѣ (Воынской губ.), „и скоро Великдень минуль, и онъ, собравши вси свои силы, Литовскіи, Жомойтскіи (жмудскіа) и Рускіи, и на другой недѣли по Велицѣ дни поиде на князя Станиславля Кіевского... И князь Станиславль Кіевски, обославшиися зъ княземъ Ольгомъ Переславльскимъ, и зъ княземъ Романомъ Браньскимъ и зъ княземъ Львомъ Воыньскимъ, и сподкалися (встрѣтилися) зъ княземъ великимъ

1) П. С. Р. Л. II, 348.

2) Соловьевъ, оп. с. I, 933, прим.

3) Ib., 932—933.

4) П. С. Р. Л. X, 177, 178.

5) Narbutt, op. с., 15.

Гидиминомъ на рѣцѣ на Рпени, и вчинили бой и сѣчу великую. И поможе Богъ в. кн. Гидимину: побьетъ всихъ князей рускихъ на голову, и войско ихъ все побитое на мѣспу зостало... И въ малѣ дружинѣ Станиславль Кіевски и зъ Романомъ Браньскимъ втекутъ до Браньска⁴.

Разсказъ носить на себѣ слѣды устной передачи: Гедиминъ отправляется въ походъ послѣ Пасхи¹⁾; на пути изъ Луцка въ Овручъ, въ Волинской землѣ, онъ ухитрится собрать все силы литовскія и жмудскія; нѣкоторыя выраженія прямо какъ будто взяты изъ народнаго преданія: „князи-бояре волинскіе“; „вчинили бой и сѣчу великую“; „и поможе Богъ в. кн. Гидимину“. Последнее выраженіе очень часто встрѣчается въ былинахъ, напр. въ былинѣ о Романѣ:

„Во землѣ во Ливонской.

„На бою имъ (королевичамъ) пришла Божья помощь“²⁾.

Нужно думать, что о покореніи южной Руси Гедиминомъ ходили народные разсказы, впоследствии записанные лѣтописцемъ. Этимъ только можно объяснить разницу между извѣстіями различныхъ лѣтописей.

Мы видѣли, что польскія хроники упоминаютъ брянскихъ князей Святослава и Василия, но единственная рукопись полнаго свода литовской лѣтописи и краткое извѣстіе Густынской лѣтописи говорятъ уже о Романѣ Брянскомъ. Ясно, что имя послѣдняго замѣнило болѣе отвѣчающія правдѣ имена Святослава и Василия, и замѣна эта объясняется тѣмъ, что имя Романа было популярно въ Западной Россіи, и потому, если рѣчь шла о брянскомъ князѣ, то онъ назывался Романомъ. Лѣтописецъ представляетъ себѣ брянскаго князя самымъ сильнымъ изъ южныхъ князей: у него ищеть убѣжища побѣжденный литовцами луцкій князь, у него просить помощи кіевскій князь и находятъ себѣ пріютъ послѣ пораженія.

Въ былинѣ Романъ изображается старикомъ. Что касается брянскаго князя, то онъ дожилъ, несомнѣнно, до глубокой ста-

¹⁾ Въ той же лѣтописи есть легендарное сказаніе о нападеніи Ольгерда на Москву. Ольгердъ, давши обѣщаніе похристоваться съ московскимъ княземъ краснымъ яйцомъ, подступаетъ къ Москвѣ на самый день Пасхи. См. Ж. М. Н. Пр. 1901, май, стр. 34; Narbutt, op. c. 21—22.

²⁾ Рыбниковъ, I, 431.

рости. По лѣтописямъ извѣстно, что сестра Романа Марья вышла замужъ въ 1227 г.; въ 1263 г. Романъ выдавалъ замужъ уже свою четвертую дочь; слѣдов., ему было въ это время не менѣе 45 лѣтъ. Въ 1285 году, мы знаемъ, онъ самъ ведетъ свое войско къ Смоленску и опустошаетъ его окрестности; въ это время ему уже не менѣе 67 лѣтъ. Слѣдовательно, онъ предводительствуетъ войскомъ, будучи старымъ старикомъ.

Теперь обратимся къ вопросу объ отчествѣ Романа. Во всѣхъ пересказахъ былины о двухъ королевичахъ Роману придастся отчество Дмитріевичъ. Настоящее отчество Романа Брянскаго— Михайловичъ—въ этой былинѣ не сохранилось, но, быть можетъ, оно сохранилось въ одномъ пересказѣ распространенной пѣсни о томъ, какъ „князь Романъ жену терялъ“. Въ большинствѣ вариантовъ этой пѣсни¹⁾ Романъ не называется по отчеству. Въ сборникѣ Кириши Данилова и въ двухъ записяхъ А. Д. Григорьева²⁾ онъ носитъ отчество Васильевича, но въ пересказѣ, записанномъ мною на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Варзугѣ, это отчество носитъ его жена Марья, а самъ Романъ называется Михайловичемъ. Если отдать предпочтеніе въ вѣрности старинѣ бѣломорскому пересказу и считать отчество Романа „Васильевичъ“ перенесеннымъ отъ имени его жены, то обратной замѣной можно объяснить, почему въ одномъ пересказѣ жена князя называется „Михайловной“³⁾. Отчество Романа „Михайловичъ“ могло перейти въ эту пѣсню изъ былины о королевичахъ, а впоследствии въ былинѣ оно замѣнилось другимъ отчествомъ.

Нужно сказать, что отчество Романа во всѣхъ пересказахъ былины⁴⁾ строго соотвѣтствуетъ отчеству его сестры Настасьи, похищаемой королевичами. Ждановъ, на основаніи одного пере-

1) Соболевскій, Великор. нар. пѣсни, I, №№ 90—96.

2) Одна изъ этихъ записей была сдѣлана въ 1900 г. на р. Пивегъ, въ д. Лохновъ, другая—въ 1901 г. на р. Мезепи, въ д. Тиглявъ. Вторая запись сохранила имя княгини, которая называется Марьей Ондреяловной. Первая запись недавно напечатана: см. Архангельскія былины и историческія пѣсни, запис. А. Д. Григорьевымъ, I, 460.

3) Соболевскій, № 96 = Рыбниковъ, III, стр. 342. Эта замѣна могла явиться вслѣдствіе искаженія такого предполагаемаго выраженія: * „княгиня Романа, баска-хороша свѣтъ-Михайловича“.

4) Кромѣ путанаго пересказа Гильфердинга, № 12, гдѣ похищаемая женщина названа Авдотьей Ивановной, племянницей Никиты Романовича; пѣвецъ

сказа, называющаго Настасью женой Романа, рѣшаетъ, что въ основной редакціи былины говорилось о похищеніи жены, а не сестры Романа (стр. 466, 492, прим. 2). Онъ говоритъ, что къ такому рѣшенію склоняетъ сравненіе былины со сказаніями о похищенной женѣ Соломона: „подробности этихъ послѣднихъ сказаній могли оказаться въ былинахъ о Романѣ только въ томъ случаѣ, если похищенною изображалась жена“. Въ сущности Ждановъ отмѣчаетъ одну только такую подробность— „вызовъ дружины троекратнымъ звуковымъ сигналомъ“ (стр. 483), при чемъ онъ самъ же говоритъ, что этотъ эпизодъ представляетъ общее мѣсто въ эпической поэзіи разныхъ народовъ. Такимъ образомъ, этотъ аргументъ уничтожается. Другимъ аргументомъ Ждановъ выставляетъ сравненіе нашей былины съ былинной о похищеніи Марьи Юрьевны, жены князя Романа. Но авторъ ничѣмъ не доказываетъ, что эта послѣдняя былина представляетъ собою хотя бы даже отдаленный вариантъ былины о королевичахъ. Итакъ, нужно думать, что въ этой былинѣ говорилось о похищеніи сестры князя Романа.

Соотвѣтствіе отчества князя и его сестры заставляетъ думать, что въ той версіи нашей былины, гдѣ уже говорилось о похищеніи сестры князя, послѣдній назывался Дмитріевичемъ. Теперь является вопросъ, къ какой эпохѣ можно отнести появленіе такой, вторичной, версіи? Мы уже знаемъ, что въ большинствѣ пересказовъ упоминается Москва, но Москва не царская, а еще княжеская, потому что ея правитель упорно называется княземъ. Это соображеніе опредѣляетъ эпоху переработки былины, какъ вѣка XIV—XV. Предположительно эту эпоху можно опредѣлить точнѣе, если обратить вниманіе на былинку, записанную отъ сказителя Касьянова ¹⁾. Отъ другихъ пересказовъ эта былина отличается нѣкоторыми особенностями: король носить названіе не Чумбала (Цимбала), а Чолпана ²⁾; вѣсть о нападеніи королевича

самъ обнаруживаетъ свою ошибку, передавая далѣе о томъ, что сынъ Авдотьи называетъ Никиту Р. *дядюшкой*.

¹⁾ Тихомировъ и Миллеръ, II, 261.

²⁾ Ждановъ замѣтилъ (стр. 502, прим. 1), что имя Чимбалъ напоминаетъ имя татарскаго царя Кумбала въ былинѣ о Суровцѣ-Суздальцѣ, но не пытался объяснить это имя. Быть можетъ, это не имя, а прозвище, въ родѣ Милитрисы, Соловья Будимировича, Хотѣла, Чайны, Дюка и т. п. Тогда наимено-

чей приноситъ князю не птица, а гонецъ, и наконецъ, самъ князь называется Константиномъ Дмитріевичемъ, и при томъ, молодымъ, а не старикомъ. Королевичи просятъ своего дядю отпустить ихъ съѣздить

«На святую Русь, въ каменну Москву,
 Къ молодому князю Константину Дмитричу,
 Погостить къ нему,
 А каменну Москву подъ себя забрать».

Очевидно, въ пересказѣ Касьянова мы имѣемъ отличную отъ другихъ версію былины. Имя князя не эпическое, оно не встрѣчается ни въ какой другой былинѣ, а потому является вопросомъ, не вошло ли оно въ эту версію былины изъ какихъ-либо историческихъ преданій?

Быль, дѣйствительно, московскій князь Константинъ Дмитріевичъ, у котораго была сестра Анастасія. Личность этого князя могла привлечь къ себѣ народную симпатію. Какъ самый младшій, седьмой, сынъ Дмитрія Донского, родившійся за четыре дня до отцовской смерти (1389 г.), Константинъ не могъ получить хорошаго удѣла (старшій братъ сначала выдѣлилъ ему только Тошну и Устюжну) и долженъ былъ собственными стараніями выдвинуться изъ среды многочисленныхъ старшихъ родственниковъ. И дѣйствительно, мы видимъ въ послѣдствіи въ его рукахъ гораздо болѣе значительныя волости: Угличъ, Ржевъ, Бѣжецкъ и нѣсколько костромскихъ и звенигородскихъ волостей. Онъ отличается независимымъ характеромъ, и когда старшій его братъ

ваніе короля можно было бы объяснить словомъ цимбалъ, кимвалъ, греческое *κίμβαλον*. Ср. Архангельскія былины и историч. пѣсни, Григорьева, I, 376:

Мы (скоморохи) пошли на ииншое царство
 Переигрывать цари-собаку,
 Еще сына его да *Перегуду*,
 Еще зятя его да Пересвѣта,
 Еще дочь его да Перекрасу.

Слово кимвалъ встрѣчается въ славянскихъ рукописяхъ XII—XVI вв. въ формахъ: „кумболъ, кумвалъ, кумбалъ“. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, 17. св. Но должны были существовать также формы „кумбалъ“ и „чумбалъ“, какъ существовали Куріанъ, Курило, Чупріанъ, Чурило—при Кипріанъ, Кириллъ.

Слово „чолпанъ“ до сихъ поръ употребляется въ Олонецкой губ. въ смыслѣ „дуракъ“. Куликовскій, Словарь областного олонецкаго нарѣчія, 133.

великій князь Василій обязываетъ братьевъ договоромъ „блести великое княженіе и подъ сыномъ его“, онъ, вмѣстѣ со старшимъ братомъ Юріемъ, не хочетъ отказаться отъ своихъ правъ въ пользу племянника. Въ 1419 г. онъ оказываетъ явное сопротивление великому князю, потребовавшему отъ братьевъ, чтобы они отреклись отъ своихъ правъ на старшинство въ пользу племянника: „Этого отъ начала никогда не бывало“, говорилъ молодой князь: „зачѣмъ ты насильно хочешь заставить меня такъ сдѣлать?“ Не желая быть въ подчиненіи у племянника, онъ ушелъ въ Новгородъ, гдѣ его приняли съ честью. А великій князь отнялъ у него всю вотчину, захватилъ его бояръ, отнялъ у нихъ все имущество, а самихъ ихъ заключилъ въ оковы и отправилъ въ ссылку. По смерти старшаго брата, въ 1425 г., Константинъ участвуетъ въ распрѣ между племянникомъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и независимымъ Юріемъ, причемъ, по видимому, стоитъ на сторонѣ брата, а не племянника ¹⁾. Въ 1433 г. къ Константину, въ Угличъ, бѣжитъ московскій бояринъ, поссорившійся съ великимъ княземъ ²⁾.

Нужно думать, что онъ участвовалъ въ походахъ войскъ Василія Дмитріевича противъ Литвы, которые почти безъ перерыва совершались въ началѣ XV ст., хотя объ этомъ нѣтъ прямыхъ свѣдѣній. Но, безъ сомнѣнія, его имя было популярно въ Псковской и Новгородской областяхъ. Въ Новгородѣ онъ былъ намѣстникомъ великаго князя въ 1408 г. Во второй разъ, послѣ ссоры съ Василіемъ, онъ пробылъ въ Новгородѣ два года (1419—1421), причемъ участвовалъ въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами ³⁾.

Самымъ славнымъ дѣломъ Константина былъ походъ съ псковичами противъ нѣмцевъ, совершенный въ 1407 году, когда князю было еще 18 лѣтъ. Что этотъ походъ имѣлъ большое значеніе, видно уже изъ того, что мы о немъ имѣемъ четыре различныхъ лѣтописныхъ извѣстія ⁴⁾. Наиболѣе подробное извѣстіе находится, конечно, въ Псковской лѣтописи. Константинъ просилъ

¹⁾ Такъ думаетъ Соловьевъ: оп. с. I, 1052; о Константинѣ см. также стр. 1002, 1014, 1019, 1045—7, 1062, 1131—2.

²⁾ П. С. Р. Л. XII, 17.

³⁾ П. С. Р. Л. XI, 236.

⁴⁾ 1) Псковская лѣтопись, 2) Новгородская I, 3) Новгородская IV и Авраамки 4) Воскресенская и Никоновская.

помощи противъ нѣмцевъ у повгородцевъ; тѣ отказали. „И потомъ того же лѣта кн. в. Константинъ, *еще унѣ свѣй верстою, но совершенъ умомъ*, съ мужи-псковичи, подъемше всю свою область и пригороды, и идоша за Порову воевать мѣсяца іюня въ 26... И перевозиншася Порову наутрїя Петрова дни, и поидоша въ землю Нѣмецкую къ Порху, и повоеваша много погостовъ и много добытка добыша. Не бывало войны псковичамъ тамъ въ иныя розратья; толко князь Домонтъ, и потомъ князь Давыдъ со псковичи тамо воеваша. И поидоша псковичи со кн. в. Константиномъ во свою землю вси здоровы, и сохранени быша помощью св. Троица. А ходиша воевать на конехъ, а инїи въ лодьяхъ“ ¹⁾.

Псковскій лѣтописецъ описываетъ походъ въ восторженныхъ выраженїяхъ: въ другія войны псковичамъ никогда не бывало такой удачи; такой далекій походъ даетъ поводъ лѣтописцу вспомнить о подвигахъ князя Довмонта, который жилъ болѣе чѣмъ за сто лѣтъ до того времени. Такимъ же удачнымъ изображаютъ походъ и другія лѣтописи. Новгородская I говоритъ, что псковичи взяли городъ Порхъ и повоевали много нѣмецкихъ селъ; лѣтопись Авраамки и Новгородская IV тоже упоминаютъ о взятїи Константиномъ нѣмецкаго „городка“ Порха; Воскресенская и Никоновская лѣтописи говорятъ, что Константинъ „много воевалъ земли Нѣмецкія, и людей много изсѣче, а иныхъ плѣни, и взя градъ нѣмецкій, именовъ Явизна“.

Для установленїя соотношенїя между рассказомъ о походѣ Константина и былинной въ пересказѣ Касьянова обратимъ вниманїе на то, что псковскій лѣтописецъ называетъ князя юнымъ по годамъ, но взрослымъ по уму; затѣмъ, князь идетъ въ походъ за рѣку. Въ былинѣ князь также называется молодымъ: нагоняетъ онъ королевичей также за рѣкой (Смородиной).

На основанїи вышеизложеннаго можно думать, что личность младшаго сына Дмитрія Донскаго отразилась на имени Константина Дмитріевича въ пересказѣ Касьянова и на отчествѣ князя Романа въ другихъ пересказахъ. Повидимому, и замѣна города Брянска („Сребрянскаго“) Москвою находится въ связи съ преданїями о молодомъ московскомъ князѣ. Если это такъ, то имя

¹⁾ П. С. Р. Л. IV, 198.

княгини, увезенной королевичами, восходить къ имени сестры Константина Дмитріевича Настасьи, о которой лѣтописи говорятъ подъ 1397 годомъ, когда она вышла замужъ въ Торжокъ, за князя Ивана Всеволодовича Тверского, и подъ 1400 годомъ, когда супруги вмѣстѣ съ боярами ѣздили въ Тверь. Иванъ Всеволодовичъ, также какъ и Константинъ, имѣеть отношеніе къ исторіи Пскова: онъ былъ псковскимъ княземъ въ 1399 году ¹⁾).

Итакъ, можно думать, что въ началѣ XV в. былина о князѣ Романѣ была переработана примѣнительно къ историческимъ событіямъ, происходившимъ въ это время въ Москвѣ и Псковѣ. Эта переработка не коснулась всего строя былины; пѣвцы ограничились только тѣмъ, что ввели въ нее нѣсколько новыхъ именъ и измѣнили нѣкоторыя подробности (напр., явился гонецъ вмѣсто птицы). Подобныхъ подновленій былинь мы знаемъ очень много; укажу на вставки въ старыя былины именъ Самсона Коляванова (былина о Камскомъ побоищѣ), Мамая, Ермака, Сигизмунда ²⁾).

Предлагаемая читателямъ статья была уже написана, когда явился новый матеріалъ для рѣшенія вопроса о личности былиннаго князя Романа. Въ Извѣстіяхъ Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Академіи Наукъ за 1903 годъ (тома VIII книжка 3, стр 307 и слѣд.), среди новыхъ былинь изъ записей г. Ончукова на Печорѣ, приведена интересная казачья пѣсня о Данилѣ Борисовичѣ. Я не буду подробно излагать этотъ новый для науки о русскомъ эпосѣ матеріалъ, такъ какъ пѣсня о Данилѣ не имѣеть непосредственнаго отношенія къ интересующей меня былинѣ, и остановлюсь только на той части пѣсни, которая представляетъ сходство съ былиной.

Въ пѣснѣ о Данилѣ Борисовичѣ разсказывается о томъ, какъ этотъ атаманъ донскихъ казаковъ приказалъ построить стругъ на 500 человекъ и со своими товарищами отправился къ персидскому шаху; на устьѣ Дона казаковъхватила погода, и они поѣхали назадъ по тихому Дону.

¹⁾ П. С. Р. Л. XI, 167, 183, 171.

²⁾ В. О. Миллеръ, Очерки р. нар. слов., 152.

«Воротились они назадъ по тиху Дону,
 По тиху Дону нынче въ городъ Ростовъ,
 Али къ Митрію, царю до право Бранскому;
 А постигла ихъ тутъ да темна ноченька.
 Кабы Митрія, царя до право Бранскаго,
 Его въ городъ какъ дома не случилось;
 Только была у него право родна сестра,
 А родна сестра съ маленькимъ наслѣдникомъ.
 Разорили де они да весь Бранскій городъ;
 А сестра де съ наслѣдникомъ одна выбралась.
 Какъ серебро они вѣдь, золото все обрали,
 Убрались они да сами вѣдь изъ города,

сѣли на стругъ и поѣхали по Дону.

Кабы послѣ того да послѣ этого
 А пріѣхалъ де Митрій, царь вѣдь Браницкій:
 Али все разорено его имущество...
 Али Митрій-отъ-ли Бранскій онъ хитѣрь-мудѣрь,
 У него вѣдь есть науки казацкія,
 Ужъ казацкія науки да молодецкія:
 Онъ заставилъ затопить печку-муравленку,
 Али взялъ онъ свое да чернопнижьнице,
 Али сталъ онъ книжку эту прочитывать,
 Кабы сталъ онъ слова таки выговаривать:
 «Ужъ впередъ чтобы ходу да имъ вѣдь не было!»

Затѣмъ онъ взялъ лукъ со стрѣлами, сѣлъ на коня и поѣхалъ въ погоню за разбойниками. Онъ настигъ стругъ съ казаками, стоявшій на якорѣ посреди рѣки, и стрѣлой убилъ Данилу Борисовича. Далѣе рассказывается, какъ Данило вставалъ изъ могилы до тѣхъ поръ, пока казаки его не проткнули осино-вымъ коломъ.

Несомнѣнно, что весь эпизодъ съ Дмитріемъ Бранскимъ представляетъ вставку. Столкновение бранскаго правителя съ казаками совершенно не мотивировано; самъ Митрій, царь Бранскій, оказывается почему-то въ Ростовѣ на Дону. Ясное дѣло, что его личность введена въ казацкую пѣсню не очень давно, когда она стала искажаться въ устахъ сѣверныхъ сказителей. Это соображеніе подтверждается другимъ пересказомъ той же старины о Данилѣ, изложеннымъ въ статьѣ г. Ончукова. Нужно замѣтить, что этотъ пересказъ былъ записанъ отъ восьмидесятилѣтняго старика и потому, естественно, отличается большею архаичностью.

Здѣсь совсѣмъ на упоминается о брянскомъ царѣ. На устьѣ Дона разбойники грабятъ купеческіе корабли, обираютъ заморскіе товары и возвращаются назадъ. Ограбленные купцы молятся Богу, и вотъ находитъ туча, и громовая стрѣла поражаетъ Данилу въ грудь. Такая версія разсказа вполне соотвѣтствуетъ образу Данилы-колдуна и отвѣчаетъ концу пѣсни, гдѣ говорится о явленіи умершаго атамана его товарищамъ и о пригвожденіи его въ могилѣ осиновымъ коломъ.

Итакъ, личность Дмитрія Брянскаго введена въ былинну поздно. Нетрудно догадаться, откуда весь этотъ эпизодъ былъ перенесенъ въ казацкую пѣсню. Дмитрій Брянскій, это—тотъ же Романъ. Въ отсутствіе Романа, литовцы нападаютъ на его владѣнія и похищаютъ его сестру и маленькаго племянника. Во вставочномъ эпизодѣ нѣтъ похищенія, но упоминается о сестрѣ Митрія, которая выбѣжала одна изъ города съ маленькимъ наслѣдникомъ. Какъ Романъ, такъ и Дмитрій мстятъ за разореніе своихъ владѣній. Что касается ихъ характера, то онъ опредѣляется почти одинаково: Романъ „хитѣрь-мудѣрь“, знаетъ птичьи языки, умѣетъ оборачиваться въ птицъ и въ звѣрей; Митрій тоже „хитѣрь-мудѣрь“, знаетъ науки молодецкія, топить печку и колдуетъ посредствомъ чернокнижья. Такимъ образомъ, вновь записанная на Печорѣ былина подтверждаетъ выводъ относительно исторической основы былины о князѣ Романѣ. Здѣсь царь Дмитрій, соотвѣтствующій князю Роману ¹⁾, называется прямо Брянскимъ. Нужно прибавить, что г. Ончуковымъ записана и цѣльная былина о Димитріи Брянскомъ ²⁾, но пока еще она не издана, о ней нельзя сказать ничего опредѣленнаго. Слѣдовательно, происхожденіе былины изъ Брянской области можетъ считаться доказаннымъ.

¹⁾ Или царю Елизару сибирскаго пересказа (Ждановъ, 463, прим. 1). Интересно, что въ печорской записи царь называется не брянскимъ, а бранскимъ. Отвердѣніе *р* передъ гласными—явленіе, весьма распространенное въ прежнихъ (съ начала XV в.) и современныхъ *блорусскихъ* говорахъ (Соболевскій, Лекція по исторіи русскаго языка, 122; Его же, Опытъ русской діалектологіи, I, 74, 77, 80—86, 88, 99; *Довнаръ-Запольскій*, Пѣсни пинчуковъ, стр. XIX). Форма „бранскій“ встрѣчается въ двухъ былинахъ, найденныхъ въ сборникѣ начала XVIII в. и записанныхъ, конечно, не на Сѣверѣ: Тихопратовъ и Миллеръ, I, 8—9, 56.

²⁾ Былинная повѣя на Печорѣ. Спб. 1903. Стр. 4, прим., 11.

Въ новой записи вмѣсто Романа Дмитриевича является имя Дмитрія съ эпитетомъ „бранскій“. Какъ объяснить эту замѣну? Мы знаемъ двухъ Дмитриевъ, брянскихъ князей, но одинъ изъ нихъ (1372—1398) не могъ замѣнить Романа: это былъ литвинъ, сынъ Ольгерда ¹⁾. Что касается другого Дмитрія Брянскаго, то его личность могла какому-нибудь пѣвцу напомнить князя Романа. Мы уже знаемъ, что имя Романа попало въ общерусскіе лѣтописные своды, благодаря его попыткѣ въ 1285 году завладѣть Смоленскомъ; имя Дмитрія мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ тоже однажды, и какъ-разъ находимъ извѣстіе также о его походѣ на Смоленскъ: „Того же лѣта (1333—1334) приде ратью съ татари князь Дмитрей Брянскій къ Смоленску на князя Ивана Александровича и, бившеся много, взяша миръ“ ²⁾. Если имя этого Дмитрія попало въ былинѣ, то это должно было произойти въ первой половинѣ XIV вѣка, когда въ былинѣ еще не проникло названіе Москвы. Новая запись подтверждаетъ высказанное мною выше мнѣніе, что въ первоначальной версіи былины княгиня называлась не женою, а сестрою брянскаго князя.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу столкновенія брянскаго князя Романа съ литовцами въ 1263 году, возникли пѣсни, прославлявшія князя за успѣшное отраженіе враговъ.

2) Въ восьмидесятыхъ годахъ XIII в. выработалась былина, изображавшая Романа старымъ, но полнымъ энергія предводителемъ дружины.

3) Въ первой половинѣ XIV в. въ эту былинѣ, вмѣсто имени Романа, было вставлено имя брянскаго князя Дмитрія, княжившаго въ Брянскѣ послѣ 1314 г. и раньше 1340.

4) Во второй половинѣ XIV в., съ переходомъ Брянска въ руки литовцевъ (послѣ 1356 г.), былина перекочевываетъ на сѣверъ; названіе г. Брянска начинаетъ забываться и замѣняется названіемъ Москвы; является „московскій рубежъ“ и „московская пшеница“ ³⁾.

5) Въ началѣ XV в. былина продвигается далѣе на сѣверъ, и въ области, лежащей между Москвой и Псковомъ, происхо-

¹⁾ См. Соловьева, *op. cit.* I, 966; П. С. Р. Л. XI, 174, 56.

²⁾ П. С. Р. Л. X, 206.

³⁾ Рыбниковъ, I, 432.

дить новая ея переработка; имя князя Романа замѣняется именемъ сына Димитрія Донского, Константина; отчество послѣдняго переносится и въ тѣ старыя пересказы, въ которыхъ князь продолжалъ именоваться Романомъ; сестра князя, похищаемая литовцами, воспринимаетъ имя сестры Константина Димитріевича—Настаси.

Послѣдній выводъ (5) долженъ пока считаться только предположительнымъ.

Когда статья была уже набрана, вышли изъ печати „Печорскія былины“ г. Ончукова. Здѣсь напечатано два варианта былинны о племянникахъ литовскаго короля. Новыя записи въ общемъ довольно близко стоятъ къ олонекскимъ пересказамъ, хотя въ нихъ многое уже сокращено и выпущено. О предварительномъ походѣ королевичей (въ Ливонію и т. п.) вовсе не упоминается, также какъ о выборѣ княземъ дружины и о рѣкѣ, за которой князь догналъ ихъ. Въмѣсто селъ, о которыхъ говорится въ былинствѣ олонекскихъ пересказовъ, королевичи разоряютъ Бранскій городъ въ отсутствіе князя. Вѣсть объ этомъ ему приносятъ ученые вороны. Кто былъ герой, Дмитрій Бранскій, объ этомъ не говорится въ двухъ новыхъ пересказахъ: онъ не называется ни княземъ, ни царемъ (какъ въ приведенной выше вставкѣ); ясно только, что онъ—владѣлецъ города Бранскаго, человѣкъ сильный, передъ которымъ склоняется литовскій король, не совѣтующій племянникамъ вѣхать противъ Дмитрія:

«Я не хуже васъ былъ да въ молодую пору;
Я тягался со Митріемъ вѣдь тридцать лѣтъ,
Я не могъ унести верха у Митрія...
А больша де у насъ съ нимъ да заповѣдь кладена,
А чтобы ни который ни на котораго не находить больше»¹⁾.

Король носитъ то же названіе, что и въ олонекскихъ пересказахъ (кромѣ пересказа Касьянова), но только съ фонетической утратой начальнаго согласнаго—„Имбаль“ (№ 54) и съ восстановленіемъ новаго—„Лимбаль“ (№ 37). Имени сестры Димитрія

¹⁾ Стр. 169—170, № 37.

(въ № 37—племянницы) вовсе нѣтъ. Въ новыхъ записяхъ, также какъ и въ олопецкихъ, рассказывается объ ея похищеніи и освобожденіи. Названіе города одно—Бранскій; Москва не упоминается. Последнее обстоятельство подтверждаетъ одинъ изъ моихъ выводовъ.

III.

Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ.

Записанная мною на Бѣломъ морѣ былина о князѣ Глѣбѣ („Бѣломорскія былины“, №№. 50 и 80) послужила матеріаломъ для статьи проф. В. Θ. Миллера: „Къ былинѣ о князѣ Глѣбѣ Володьевичѣ“ (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщенія 1903 г., № 6, отд. 2, стр. 304—321). Предположительные выводы, къ которымъ пришелъ авторъ, можно кратко формулировать слѣдующимъ образомъ:

- 1) Имя князя восходитъ къ Глѣбу, сыну Владимира Святого.
- 2) Былина сохраняетъ отголоски преданія о походѣ Владимира подъ Корсунь и его женитьбѣ на греческой царевнѣ.
- 3) Женская личность былины, получивъ въ XVII в. имя Марины (Мнишекъ), приобрѣла и свойства, связанныя съ этимъ именемъ въ нашемъ эпосѣ.
- 4) Редакція былины, существовавшая до XVII в.; кончалась не смертью корсунской дѣвицы, а ея увозомъ.
- 5) Слѣдъ этой редакціи остался въ пѣснѣ, записанной на Терекѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ первые три вывода, остановимся на двухъ послѣднихъ. Сдѣланы они путемъ сравненія былины съ пѣсней, записанной у гребенскихъ казаковъ, и анализа содержанія послѣдней. Этимъ анализомъ В. Θ. Миллеръ выяснилъ уже, что начало пѣсни, рассказывающее о плаваніи по морю тридцати кораблей съ купцами торговыми, представляетъ прикрѣпленіе къ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой другой, самостоятельной пѣсни, извѣстной и въ отдѣльномъ видѣ. Что касается той части, гдѣ говорится о Маринѣ, то, по мнѣнію автора, ее нельзя назвать въ полномъ смыслѣ слова вариантомъ архангельской

былины, хотя въ нихъ замѣтны нѣкоторыя общія черты. Чтобы опредѣленнѣе выяснить вопросъ объ отношеніи южной пѣсни къ сѣверной былинѣ, отвѣтимъ сперва на общій вопросъ: что представляютъ собою отголоски былинной традиціи на югѣ Россіи?

Въ южной Россіи былины сохранились почти исключительно у казаковъ—уральскихъ, донскихъ и терскихъ. Цѣльныхъ былинъ съ развитымъ содержаніемъ здѣсь не записано пока ни одной. Но мало попадалось собирателямъ и скомканныхъ былинныхъ версій; большинство же записей представляетъ изъ себя зачины былинъ, извѣстныхъ намъ въ полномъ видѣ въ сѣверныхъ пересказахъ. Такъ, извѣстно нѣсколько записей, описывающихъ выѣздъ Дюка Степановича и его вооруженіе; у уральскихъ казаковъ записана первая половина былины о Добрынѣ и Маринкѣ; первая половина былины объ Алешѣ и Тугаринѣ записана въ одной изъ станицъ Терской области; въ Донской области нашелся болѣе обширный пересказъ, по то же нецѣльный; у терскихъ казаковъ нашлось также начало былины о Дунаѣ въ 18 строкъ ¹⁾. Записанный тамъ же отрывокъ о турахъ и турницѣ осложненъ, также какъ и интересующая насъ терская пѣсня, заглавиемъ, который не имѣетъ отношенія къ дальнѣйшему разсказу и чисто внѣшнимъ образомъ спаянъ съ нимъ: пѣвецъ предлагаетъ своимъ слушателямъ „скинуться“ по денежкѣ, купить вина и распить за городской стѣной, а затѣмъ посмотрѣть въ чистое поле. Затѣмъ слѣдуетъ такой переходъ къ разсказу о турахъ:

«Какъ не во далечѣ да во чистомъ полѣ
Тамъ не пыль-кура да споднималася,
Споднимавши кура съ земли до неба:
Тамъ увидѣли два гнѣдыхъ тура...» и проч.

Это—не что иное, какъ заглавье довольно распространенной пѣсни о скименѣ-звѣрѣ. Терская пѣсня кончается эпизодомъ о турахъ и Богородицѣ, составляющимъ зачинъ былины о Василии-пьяницѣ и Батыѣ ²⁾.

¹⁾ См. Кирѣевскій, III, 100; VII, прил., 15; Тихомировъ и Миллеръ, II, 126, 8, 188, 271, 273, 279; Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа, вып. XXII, отд. III, 35, 37; Этнограф. Обзор. LIII, 131—143, 125, 129; Таковы же новыя записи г. Листопадава въ Донской области, еще не напечатанныя.

²⁾ Соболевскій I, 570. Подобный отрывокъ изъ Донской области—въ Этногр. Обзор. LIII, 139.

Для сравненія съ пѣсней о Маринѣ особенный интересъ представляетъ пѣсня объ Ильѣ Муромцѣ, записанная въ Грозненскомъ округѣ Терской области. Эта пѣсня начинается обычнымъ рассказомъ о столкновеніи Ильи Муромца съ разбойниками, но конецъ ея вовсе не соотвѣтствуетъ началу:

Всходить старинушка (Илья Муромецъ) онъ во царскій кабакъ,
И крикнулъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Цѣловальники, вы кабатчики!
Вставайте поскорѣе,
Вы налейте мнѣ зелена вина,
Зелена вина на пятьсотъ рублей,
А любимому моему товарищу—
Ему вина на всю тысячу».
Цѣловальники перепугались,
Всѣ врозь-то разбѣжались.
— Что это къ намъ пришелъ за пьяница,
Что это за питухъ тавой!—¹⁾

Несомнѣнно, что приведенные стихи представляютъ отрывокъ изъ былины объ Ильѣ Муромцѣ и голяхъ кабацкихъ и приставлены къ первой пѣснѣ такъ же механически, какъ отрывокъ былины о Маринѣ—къ пѣснѣ о плаваніи купцовъ по морю.

Изъ всего сказаннаго видно, что былины, попадающіяся въ сборникахъ казацкихъ пѣсень, въ большинствѣ случаевъ дошли до насъ въ видѣ нѣсколькихъ начальныхъ стиховъ; изрѣдка встрѣчаются спайки различныхъ частей пѣсень и былинь. Обратимся теперь къ интересующей насъ пѣснѣ о Маринѣ Кайдаровой. Приведемъ эту пѣсню въ обычномъ литературномъ правописаніи:

И со синяго моря погодушка она чуть потягивала,
Она мачтенки ломала да тонки парусы рвала,
Да запасила этотъ червленъ корабль во иную землю.
Да во иной было земелюшкѣ ни царя нѣту, ни короля;
И да тамъ царюеть, тамъ королюеть она красная дѣвица,
Она красная дѣвица-душа, Маринушка она дочь Кайдарова.
И да корабль по морю бѣжить—она пошлину съ него брала,
И да корабль къ яру да онъ подвигался—она другую съ него брала,
И да корабль на ярь да онъ выгружался—она третю брала.
И да выходилъ этотъ купчинушка на свой высокъ балконъ:

¹⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины, II, 272.

«Не угодно ли тебѣ, красной дѣвушкѣ, во червленъ корабль зайти,
Не угодно ли тебѣ, красная дѣвушка, всѣ наши товарушки посмотре-
трѣть?»

Не поправятся ли тебѣ, красная дѣвушка, шелки, бархаты?»
Выходила она, красная дѣвица, она улыбалася,
Посмотрѣла она на товарушки, сама усмѣхнулася.
Выходила-то этотъ купчихушка на свой высокій балконъ,
Онъ кричалъ-то, зычалъ своимъ громкимъ голосомъ:
«Вы мазурушки, мои мазурушки, мои главные приказчики!
Отрубайте канаты смоленые, подымайте парусы шелковыя».
Ухватилася красная дѣвица среди моря снѣга.

Начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ почти буквально сходно съ первой половиной этой пѣсни:

А какъ падала погодушка да со снѣга моря,
А со снѣга морюшка съ Корсунскаго...
Заносила тутъ неволя три червленыхъ три-то карабля
Что подъ тотъ подъ славенъ городокъ подъ Борсунъ же...
А въ томъ-то городѣ во Борсунѣ
Ни царя-то не было, ни царевича,
А ни короля-то не было и не королевича,
Тутъ жила была Маринка дочь Кайдаловна...
Они какъ вѣдь въ гавань заходили, брага пошлину,
Паруса ронили—брага пошлину,
Якоря тѣ бросали—брага пошлину...
А къ мосту приставали—мостово брага ¹⁾.

Что касается второй половины кавказской пѣсни, то она не соотвѣтствуетъ продолженію былины: въ послѣдней идетъ рассказъ о томъ, что корабельщики пишутъ письмо князю Глѣбу съ жалобой на притѣсненіе со стороны Марины, между тѣмъ какъ пѣсня оканчивается неожиданнымъ увозомъ притѣснительницы. Такая развязка такъ мало соотвѣтствуетъ началу пѣсни, гдѣ говорится о бурѣ и пошлинахъ, что я никакъ не могу согласиться съ В. Ф. Миллеромъ, видящимъ въ пѣснѣ болѣе древнюю редакцію, нежели въ былинѣ. Мнѣніе мое можно подтвердить и тѣмъ обстоятельствомъ, что увозъ дѣвицы посредствомъ хитрости представляетъ широко распространенную тему пѣсенъ разныхъ народовъ ²⁾ и общее мѣсто въ народныхъ сказаніяхъ.

¹⁾ Бѣлом. былины, 429, стр. 251.

²⁾ Былина эта известна въ искаженномъ видѣ у донскихъ казаковъ. См. Этн. Обзор. LIII, 141.

Что касается кавказской пѣсни, то она могла заимствовать эту тему изъ былины о Соломонѣ и Василии Окульевичѣ¹⁾ или—о князѣ Романѣ и Марьѣ Юрьевнѣ. Въ этихъ былинахъ посланный царя, переодѣтый купцомъ, предлагаетъ женщинѣ зайти на его корабль и посмотреть товары, а когда она вступаетъ на судно, то онъ приказываетъ отрубить канаты, поднять паруса и увозить женщину за море. Нужно замѣтить, что только одинъ пересказъ терской пѣсни кончается увозомъ дѣвицы. Въ станицѣ Червленной пѣсня оканчивалась рассказомъ о томъ, что „Маришка съ Бутаришки“ беретъ пошлину съ кораблей; въ этомъ вариантѣ—увоза нѣтъ. Соединеніе двухъ сюжетовъ легко объясняется тѣмъ, что мѣсто дѣйствія и въ томъ и въ другомъ—одно: морская гавань.

Итакъ, обликъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, къ которому буря пригнала русскіе корабли, чище сохранился въ сѣверномъ пересказѣ былины, нежели въ южномъ ея отрывкѣ, и нѣтъ никакого основанія думать, что болѣе ранняя редакція былины кончалась увозомъ женщины, какъ невѣсты; наоборотъ, этотъ увозъ, или похищеніе посредствомъ обмана нужно считать позднѣйшею вставкою общаго эпическаго мѣста.

Прежде чѣмъ разбирать другіе выводы В. Ө. Миллера, я укажу на одну старинную повѣсть, которая, думаю, поможетъ разобраться въ нѣкоторыхъ вопросахъ, соединенныхъ съ разборомъ былины.

Я имѣю въ виду „Слово о Димитріи купцѣ, прозваніемъ Барсаргѣ, и о сынѣ его Добромыслѣ“. Повѣсть эта принадлежитъ къ числу назидательно-благочестивымъ произведеній, приходившихъ въ Россію изъ Византіи. Хотя Димитрій называется кievскимъ купцомъ, но приключенія случаются съ нимъ въ городѣ, который названъ въ одномъ спискѣ Антиохіей, и при томъ по дорогѣ „отъ славнаго Царяграда“. Одинъ списокъ, начинающій рассказъ отъ лица самого Димитрія, прямо указываетъ на Царьградъ, какъ на первичную географическую обстановку повѣсти: „Бысть ми нѣкогда отплыти отъ отечества своего, Царяграда

¹⁾ Многочисленные варианты этого сюжета указаны г. *Довнарромъ-Запольскимъ*: Пѣсни пинчуковъ 164—5. Сюда можно прибавить Великор. нар. пѣсни *Соболевскаго*, I, №№ 216—225, 244—6; Варш. Губ. Вѣд. 1897, №№ 30 и 37; *Добровольскій*, Смоленскій этногр. сборникъ, IV, 579—580.

славнаго, въ кораблѣ⁴. Съ Димитріемъ ѣхалъ семилѣтній сынъ и девятнадцать (150) наемныхъ слугъ. Путникамъ пришлось испытать сильную бурю и великое волненіе. Тридцать дней ихъ носило по волнамъ, и наконецъ они увидали издали большой, богатый незнакомый городъ¹). Приставши къ городу, они замѣтили около него 300 (или 330) кораблей. Граждане объяснили Димитрію, что ими править поганый царь Несмѣянъ Гордѣвичъ (Гордіанъ²) Несмѣяновъ, Гордій), „елинскія вѣры“, почитающій Аполлона; онъ принуждаетъ ихъ кланяться идоламъ и насильно приводитъ къ своей поганой вѣрѣ. Купцы и „карабельники“³), пріѣзжающіе въ его городъ, обязаны или отгадать его три мудренныя гаданія, или принять его вѣру. Въ противномъ случаѣ, онъ сажаетъ ихъ въ темницы, гдѣ они терпятъ нужду и наготу, и запрещаетъ гражданамъ продавать имъ хлѣбы на торжищѣ, желая уморить ихъ голодомъ.

Въ то время какъ граждане рассказывали объ этомъ Димитрію, его корабль былъ взятъ подъ стражу. Взявши съ собою драгоценныя дары, купецъ пришелъ къ царю и сказалъ ему: „Я, купецъ Греческой земли, пріѣхалъ поклониться тебѣ, владыка царь, чтобы ты позволилъ торговать“. Царь принялъ дары, пригласилъ купца съ собою обѣдать и во время обѣда сказалъ ему: „Я тебѣ хочу дати 3 гаданія; ежели отгадаеши, то повелю торговати; ежели же ты не отгадаеши, то смерти предашь будеши, а богатество твое будетъ взято въ казну царскую“. Купецъ попросилъ „сроку на три дня“, обѣщая на четвертый день прійти къ царю, а затѣмъ отправился на свой корабль. Увидавши, что сынъ его весело скачетъ на палочкѣ, отецъ сказалъ „изъ глубины сердца своего съ яростію:—Что, чадо мое полоненое, играеши подѣлки, отцевы печали не вѣдаеши?“—Сынъ беретъ помочь отцу, говоря: „Конь на рати познаваемъ бываетъ, вѣрный другъ—у печали и бѣды“... „Азъ готовъ царю ити предложеная гаданія вся разрѣшати... Точію не скорби нынѣ, не стужай, отче, яждь, пій и веселися“. Прошло три дня. На четвертый

¹) По одному списку, Антиохію.

²) Имя царя, вѣроятно, восходитъ къ имени римскаго императора Гордіана; въ житіи св. Трифона рассказывается, какъ отрокъ изгналъ изъ дочери Гордіана печатаго духа въ видѣ собаки.

³) Капитаны кораблей.

день отецъ съ сыномъ оба явились къ царю. Царь угостилъ ихъ медомъ и предложилъ первую загадку: „Много ли есть отъ востока и до запада обхоженья всего?“ Дитя отвѣчаетъ за отца:—Гаданіе ваше, царю, невелико есть: отъ востока до запада обхожденія день есть съ ноцію, понеже солнце преидетъ весь кругъ небесный отъ востока и до запада единымъ днемъ, а ноцію единою идетъ солнце отъ сѣвера до юга.—Царь подивился разумному отвѣту мальчика и велѣлъ прийти ему съ отцомъ на слѣдующій день.

Утромъ у царской палаты собрались ипаты, тироны, стратилаты, воеводы, князья, земскіе бояре, великіе люди и всѣ гражданае, пришедшіе посмотрѣть на чуднаго отрока. Царь сѣлъ на высокомъ престолѣ посреди двора и предложилъ мальчику вторую загадку: „Что есть: десятая часть въ міру днемъ убывающа, и десятая часть ноцію въ мірѣ прибывающа?“ Отрокъ отвѣтилъ царю:—Не велико ваше гаданіе есть, царю; азъ ваше гаданіе разрѣшу скоро. То есть: десятая часть днемъ убываетъ—сіе изъ моря, изъ езеръ, изъ рѣкъ на всякій день воды солнцемъ усыхаютъ по всему міру; а то ¹⁾ десятая часть ноцію въ мірѣ прибываетъ—ино то есть: въ морѣ, и въ рѣкахъ и езерахъ воды изъ моря прибываютъ по всей земли, занеже солицу зашедшу за округлость земную.—

Затѣмъ царь предлагаетъ отроку послѣднюю загадку: „Что есть сіе, еже бы поганой не смѣялся?“ Мальчикъ отвѣчаетъ:—Не глубоко ваше вопрошеніе, царю, сіе. Дажь ми время точію на три дни; повели етѣ три дни по всему своему граду проповѣдникомъ вопити, чтобы весь градъ, мужы, и жены и со младенцы, и совершены мужы, и дѣвицы и юноши стекошася вси на дворъ царевъ въ четвертый день.—

Когда народъ собрался и царь предложилъ свою загадку, мальчикъ сказалъ, что отгадаетъ загадку, когда царь пустить его сѣсть на престолѣ и дастъ ему все свое царское одѣяніе, вѣнецъ, скипетръ и острый мечъ. Желая потѣшить мальчика, царь на это согласился. Тогда мальчикъ, неожиданно обернувшись, отсѣкъ мечомъ царю голову и сказалъ: „Се ти моя третья отгадка: не смѣйся, поганой, намъ, христіаномъ“. Затѣмъ его

¹⁾ = что касается, лат. ut. По *Срезневскому*, пусть, да.

самого выбрали царемъ; онъ велѣлъ призвать патриарха, скрывавшагося въ пещерѣ, и былъ имъ вѣнчанъ на царство. Во время вѣнчанія вскипѣло масло, которое держали въ рогѣ надъ головою отрока. Увидѣвши это чудо, всѣ граждане единогласно вскричали: „Многа лѣта государю нашему новому, царю младому Многославу (Добросмыслу, Борзомыслу, Мудросмыслу) Дмитреевичю, многа лѣта!“

Затѣмъ царь велѣлъ патриарху крестить жену убитаго имъ царя, которая была „вѣры латынскія, земли Римскія“, и ея дочь, „ведьми красну осми лѣтъ“. Когда онѣ были крещены, онъ женился на царевнѣ и назвалъ ее Еупраксією ¹⁾. Незадолго до вѣнчанія онъ велѣлъ призвать къ себѣ изъ темницы 308 (330) человекъ купцовъ. Они пришли къ нему въ печальномъ видѣ: „быша лица ихъ аки земля, власы у нихъ до рамену, браны у нихъ до персей, а лица у нихъ изсохша отъ глада, а голоса ихъ яко пчелиныя; лежаша въ ветхихъ срапыцахъ до глезу ²⁾“. Царь устроилъ для нихъ большой пиръ и съ подарками отпустилъ ихъ домой. Затѣмъ, богато одаривши своего отца, повелѣлъ ему съ честью ѣхать въ его землю ³⁾.

Соберемъ черты, общія этой повѣсти и интересующей насъ былинѣ:

1) Обѣ начинаются описаніемъ бури, которую переносятъ торговые корабли.

2) Несмѣянъ Гордѣвичъ, самъ эллинской вѣры и имѣющій жену латинской вѣры, соответствуетъ еретицѣ, безбожницѣ Маринкѣ.

3) Царь беретъ подъ стражу корабли, засаживаетъ въ темницу „корабельниковъ“ и моритъ ихъ голодомъ; Маринка къ кораблямъ—

1) Это имя—въ рукописи г. Григорьева.

2) До пять (двойств. ч.).

3) При изложеніи содержанія повѣсти о Басаргѣ я пользовался а) рукописью XVIII в., принадлежащую А. Д. Григорьеву; „Повесть о некоемъ купце и сынѣ его“ находится на лист. 25—36; б) спискомъ, изданнымъ Н. Полевымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842 г., № 1, стр. 65—75; в) двумя списками, изданными въ Памятникахъ старинной русской литературы, II, 347—356; г) замѣчаніями Пыпина въ Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ, 95—98

«ставила своихъ да крѣпкихъ сторожовъ,...
Засадилъ всѣхъ у нихъ молодыхъ матросичковъ;...
Заморить она вѣдь хочетъ все смертью голодною
Еще тѣхъ она нашихъ молодыхъ все матросичковъ».

4) Купцу Димитрію въ его бѣдѣ помогаетъ его мудрый сынъ; корабельщикамъ, попавшимъ въ Корсунь, помогаетъ князь Глѣбъ Володьевичъ.

5) Царь обѣщаетъ позволить купцу торговать, если онъ отгадаетъ его три загадки; Маринка обѣщаетъ отдать Глѣбу корабль, если онъ отгадаетъ ея три загадки (таково количество загадокъ въ болѣе архаическомъ пересказѣ, № 80).

6) Есть сходство и въ самыхъ загадкахъ, хотя загадки въ былинѣ болѣе примитивны и наивны, нежели въ повѣсти. Первые двѣ загадки касаются явленій природы: въ повѣсти—смѣна дня и ночи и возмѣщеніе ночью воды, испаряющейся днемъ изъ озеръ и рѣкъ; въ былинѣ—смѣна лѣта и зимы и естественное возникновеніе снѣговъ и рѣкъ:

«А какъ въ лѣтѣ-то бѣло—Господь хлѣбъ даетъ,
А въ зимѣ-то зелено—да тутъ вѣдь ель цвѣтеть;...
Безъ корешца растутъ бѣлы снѣги,
Безъ замочковъ-то текутъ да рѣчки быстрыя».

Что касается послѣднихъ загадокъ, то ихъ сходство ограничивается лишь тѣмъ, что обѣ онѣ относятся къ личности состязующихся. Загадка царя: „еже бы поганой не смѣлся“, не имѣетъ смысла въ его устахъ, и очень возможно, что ее въ болѣе древней редакціи повѣсти задавалъ мальчикъ передъ убійствомъ Несмѣяна, а третья загадка царя была другая. Загадка Маринки относится къ личности Глѣба Володьевича:

«Что у васъ-то это есть да на святой Руси,
У тебя, князь, это есть у широка двора—
Ай стоитъ-то высока гора, великая;
На горѣ-то есть вѣдь кипарисъ растеть,
А на томъ кипарисѣ-деревѣ соколъ сидеть».

Князь отгадываетъ такъ: гора—конь, кипарисъ—сѣдло, соколъ—онъ самъ. Подобная загадка встрѣчается въ повѣсти о Вологѣ Вологовичѣ: „Выросло великое древо кипарисное... А поверхъ того древа сидитъ птица кречеть“.

7) Есть сходство и въ отношеніи Добросмысла и Глѣба къ „премудреннымъ“ или „хитромудрымъ“ загадкамъ: первый говоритъ царю: „не велико (или не глубоко) ваше гаданіе“, второй говоритъ Маринкѣ: „Не хитра твоя загадка хитромудра“.

8) Наконецъ, и расправа съ притѣснителями купцовъ—одинакая въ обоихъ произведеніяхъ: какъ Добросмыслъ собственно вручную отрубаетъ голову царю, такъ и Глѣбъ отсѣкаетъ голову Маринкѣ.

Изъ этого сравненія видно, что повѣсть, извѣстная намъ по рукописямъ XVII в. и былина, дошедшая до насъ въ устахъ пѣвцовъ и сказателей XIX в., находятся въ органической связи между собою.

Оба произведенія восходятъ къ одному и тому же сказанію, несомнѣнно, фантастическаго характера, которое приурочивалось къ различнымъ географическимъ районамъ. Такимъ районами въ повѣсти являются Царьградъ и Антиохія, въ былинѣ—Новгородъ и Корсунь. Является вопросъ, какое изъ этихъ прикрѣпленій древнѣе? Отвѣтить на этотъ вопросъ, мнѣ кажется, будетъ нетрудно, если мы обратимъ вниманіе на нѣкоторыя противорѣчія между двумя пересказами быliny. Пржеде, чѣмъ указать эти противорѣчія, я приведу подобныя же разногласія въ географическихъ датахъ быliny о Дюкѣ Степановичѣ. Дюкъ выѣзжаетъ то изъ Галича Волынскаго, то изъ Индіи богатой. Объясняется это тѣмъ, что пѣвецъ первую дату взялъ изъ какихъ-то историческихъ преданій, а вторую—изъ фантастической повѣсти, послужившей основой для быliny. Подобнаго же явленія естественно ожидать и въ былинѣ о Глѣбѣ. Пересказъ Гаврилы Крюкова (№ 80) называетъ море, на которомъ терпятъ бурю корабли, Корсунскимъ, городъ, куда ихъ занесло, Корсунемъ; пересказъ же Аграфены Крюковой (№ 50) называетъ море Арапскимъ, а землю, къ которой забросило корабли, Татарской и Арапской. Извѣстно, что названіе татаръ въ нашемъ эпосѣ потеряло опредѣленный этнографическій смыслъ и свободно замѣняетъ разныхъ другихъ враговъ Россіи; поэтому названію Татарской земли не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Что же касается Арапской земли, то это названіе не стоитъ одиоко:

1) Гаврила Крюковъ начинаетъ былинну о томъ, какъ Идолище сватается за племянницу князя Владимира (№ 79), такъ:

«А изъ-за синего моря изъ-за Карьского,
Изъ-за Карьского моря, Арапского
А приходило три черенныхъ три-то карабля.»

Подобнымъ образомъ начинаетъ ту же былинну бѣломорскій сказатель Пономаревъ:

«Изъ-за Карьского, изъ-за Арапского
Приходило три карабля три черляны.» ¹⁾

2) Малорусская дума объ Алексѣѣ Поповичѣ начинается описаніемъ бури на Черномъ морѣ:

«Що на Чорному морю... хвиля вставае,
Судна козацькі—молодецькі на три части разбивае:
Перву часть ухопило—у Арабську (ваг. Агарську, Агаряньську,
Арапскую, Гаранську) землю занесло,
Другу часть схопило—
У Дунай въ гирло забило,
А третя часть тутъ мае,
Посередь Чорного моря на бистрій хвилі,
На лихій хуртовині
Потопляе.» ²⁾

Сопоставленіе здѣсь названій „арабскій“ и „агарскій“ объясняетъ намъ значеніе слова „Карьскій“ въ бѣломорской былинѣ: конечно, это—искаженіе, вмѣсто „гарьскій“, агаряньскій.

3) Арабская земля упоминается также въ другой малорусской думѣ „Плачь невольника“:

«Будуть ушкали, турки-яничари набігати,
За Червоное море, у Орабськую землю запродади.» ³⁾

¹⁾ Эта былина печатается въ I выпускѣ Трудовъ Музыкально-Этнографической Комиссіи.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ. Историч. пѣсни малорусскаго народа. I, 176—200; Житецкій, Мысли о нар. малор. думахъ, 235, 233, прим. 2.

³⁾ Ант. и Драг., I, 94. Ср. Суяцовъ, Дума объ Алексѣѣ Поповичѣ: „Кіевская Старина“, т. XLIV, 13 (1894 г. январь); М. Сперанскій, Южно-русская пѣсни, Пѣсни Пархоменка, 14.

4) Въ думѣ о плѣнной дѣвушкѣ Маріанкѣ „арабинъ“ упоминается наряду съ турчиномъ и татаринѣмъ ¹⁾.

5) Наконецъ, въ одномъ изъ вариантовъ стиха о Егоріи-змѣборцѣ упоминается „Арапинское царство“ ²⁾.

Название сарапинъ арапами не встрѣчается въ самыхъ древнихъ произведеніяхъ русской литературы. Мы встрѣчаемъ его въ описаніи хожденія въ Палестину Зосимы въ 1420—1 гг. Зосима наряду съ „лютыми срацинами“ упоминаетъ и „злыхъ араповъ“ ³⁾. Въ посланіи александрійскаго патріарха къ в. кн. Василию III (до 1533 г.) упоминаются „нечестивіи, зловѣрніи, безбожніи и немилостивіи Араплине“. Въ грамотѣ 1668 г. говорится объ „Арапской“ землѣ ⁴⁾.

Въ повѣсти о Басаргѣ дѣйствіе происходитъ въ Сиріи, въ приморскомъ городѣ Антиохіи; въ былинѣ упоминается Арапское море и Арапская земля. Эти факты сами собою напрашиваются на сопоставленіе. Очевидно, повѣсть въ своемъ первоначальномъ видѣ представляла эпическое произведеніе изъ эпохи борьбы Византіи съ сарацинами, какъ и греческая поэма о Дигенисѣ, переработанная въ „Девгеніово дѣяніе“. Стѣсненіе греческой торговли, преслѣдованіе христіанской церкви и ея представителя, антиохійскаго патріарха—все это историческіе факты X—XI ст. Въ виду этого можно съ увѣренностью сказать, что въ болѣе древнемъ изводѣ повѣсти упоминались не только Антиохія, но и арабы.

Нужно замѣтить, что былина о сватовствѣ Идолища за племянницу князя Владимира, въ Крюковскомъ пересказѣ, изъ котораго я приводилъ начальныя строки, кромѣ Арапскаго моря, говоритъ также и объ арабахъ, которые пріѣзжаютъ въ Кіевъ вмѣстѣ съ Идолищемъ: его послы—„три татарина, да три мурина“. Любопытно, что пѣвецъ отдавалъ себѣ отчетъ въ этомъ названіи: по его объясненію, татаринъ или муринъ—все равно, что арапинъ ¹⁾. Слѣдовательно, слово „муринъ“, т.-е. мавръ,

¹⁾ Головацкій, Народныя пѣсни галицкой и угорской Русы, I, 22; Антоновичъ и Драгомановъ, I, 134—6.

²⁾ Галаховъ, Исторія русской словесности, изд. 2-е, т. I, 248.

³⁾ Пыпинъ, Ист. русской литер. I, 391.

⁴⁾ Акты историческіе, I, 194; IV, 390.

известно нашимъ былинамъ въ своемъ этнографическомъ смыслѣ. Но этотъ терминъ прилагается также къ Ильѣ Муромцу, какъ его прозваніе: въ Волынской губерніи записана у малороссовъ обширная сказка объ Ильѣ Муриинѣ, содержащая комбинацію различныхъ походовъ русскаго богатыря, а также и другія наносныя черты ¹⁾. Я думаю, что эта замѣна прозвища нашего „старога казака“ объяснить одно мѣсто въ пересказѣ Аграфены Крюковой, былины о Глѣбѣ. Въ этомъ пересказѣ Илья Муромецъ является въ совершенно неподобающей ему роли „милаго друга“ Маринки, которая даритъ ему пошлину съ кораблей. Эту несообразность В. Ө. Миллеръ объясняетъ тѣмъ, „что Крюкова некстати припомнила другую ей известную былинку о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ (№ 4)... Въ архангельскомъ былинномъ репертуарѣ, наряду съ преданіемъ о происхожденіи Подсокольниковка отъ связи Ильи Муромца съ бабой Латынгоркой (см. №№ 70 и 94), существуетъ другое о происхожденіи его отъ Ильи и Маринки Кайдаловки“.

Но такую версію въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ нельзя никакъ объяснить: ни въ одномъ изъ многочисленныхъ пересказовъ этой былины не упоминается ни Маринки, ни морской бури, ни пошлινή, ни кораблей ²⁾, и, по моему мнѣнію введеніе всей этой обстановки въ былинку, описывающую богатырскую заставу среди широкаго поля, можно объяснить лишь влияніемъ былины о Глѣбѣ Володѣвичѣ, гдѣ Илья Муромецъ замѣнилъ собою Илью Мурина, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, — просто „мурина“. Такимъ образомъ, я предполагаю, что пересказъ Аграфены Крюковой сохранилъ въ искаженномъ видѣ старую черту былины, забытую въ вариантѣ Гаврилы Крюкова. При такомъ предположеніи, необходимо допустить, что въ сказаніи, послужившемъ основой для былины, фигурировалъ начальникъ города „муриинъ“ и его любовница, названная въ былинѣ Маринкой.

¹⁾ Вѣломорскія былины, стр. 425 и прим.

²⁾ В. Ө. Миллеръ, Очерки, 379, 406.

³⁾ Я имѣю въ виду между прочимъ новыя, еще не напечатанныя, записки мои и А. Д. Григорьева изъ Архангельской губ. и Печорскія былины, Овчукова, 14, 40.

Остановимся сначала на названіи „муринъ“. Слово „муринъ, мюринъ, мурьскій“ довольно часто встрѣчается въ переводныхъ памятникахъ XI—XII вв., гдѣ этимъ словомъ переводится греч. Αἰθίοψ ; въ такомъ же этнографическомъ смыслѣ слово муринъ употреблено въ одномъ памятникѣ XIII стол., а также въ Прологѣ XIV в. („Св. Моисіи бѣ Муринъ чернь“¹⁾). Но уже въ XIII стол. смыслъ этого слова начинаетъ забываться. Такъ, въ Пандектахъ Никона-Черногорца, по рукописи конца этого столѣтія, слово „муринъ“ употребляется въ смыслѣ „страпилище“; въ житіи новгородскаго епископа Нифонта, по рукописи 1219 г., еще встрѣчается „мюре“ въ смыслѣ „эѳіопы“, но въ двухъ другихъ мѣстахъ „мюриномъ“ названъ бѣсъ (очевидно, на основаніи черноты кожи). Въ списокѣ XIV в. тѣхъ же Пандектовъ слово „муринъ“ уже замѣнено словомъ „изувѣръ“²⁾. Изъ этого можно заключить, что названіе муринъ, мавръ, было понятно для русскихъ читателей только до XIII стол. Въ XIV стол. самое слово это исчезаетъ. Это соображеніе даетъ нѣкоторыя данныя для хронологіи сказанія, послужившаго основой для былины.

Обратимся теперь къ Маринкѣ. Въ повѣсти о Басаргѣ ей соотвѣтствуютъ невѣрныя, некрещеныя жена царя, не названная по имени, и прекрасная дочь его Евпраксія. Въ нашихъ былинахъ оба имени, Марина и Евпраксія, усвоены сластолюбивымъ и измѣнчивымъ женщинамъ: у обѣихъ—одинъ и тотъ же милый другъ Тугаринъ Змѣевичъ, который, какъ указалъ акад. Веселовскій, въ сказаніи о семи богатыряхъ (здѣсь вмѣсто Апраксіи является царица Елена) живо напоминаетъ половецкаго хана Тугорткана († 1096)³⁾. Очевидно, въ былинѣ о Глѣбѣ Володьевичѣ муринъ, изъ котораго вышелъ Илья Муромецъ, игралъ ту же роль, что Тугаринъ въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ (гдѣ является Апраксія) и Добрынѣ (гдѣ является Маринка).

Пользуясь этими аналогіями, можно предположительно воссоздать древній видъ былины о Глѣбѣ. Въ теперешнемъ видѣ

¹⁾ Арх. Сергій, Полный мѣсяцесловъ Востока. I. М. 1875. Приложенія, стр. 179, См. также 35, 129, 168.

²⁾ См. Срезневскій, Матеріалы для словаря древне-русскаго языка, vv. ss.

³⁾ Южно-русскія былины, г.Х, 371.

былины Илья Муромецъ не играетъ никакой роли; самое его упоминаніе сохранилось какъ безформенный осколокъ древности: Маринка выражаетъ желаніе выйти замужъ за Глѣба Володьевича, но объ ея старомъ миломъ другѣ нѣтъ и помину; былина его вовсе забыла. Для восстановленія конца былины воспользуемся былиной о Добрынѣ и Маринкѣ. Здѣсь обычно рассказывается, какъ Добрыня, желая попасть въ голубей, сидѣвшихъ на теремѣ Марины, угодилъ стрѣлой въ ея милого друга, Змѣя Тугарина, и убилъ его. Маринка мститъ Добрынѣ тѣмъ, что привораживаетъ его къ себѣ, а потомъ обращаетъ въ тура. Получивши вновь человѣческой образъ, Добрыня жестоко съ ней расправляется.

Между двумя былинами замѣчается большое сходство: въ обѣихъ у Маринки есть другъ, въ обѣихъ она предлагаетъ взять ее замужъ; она говоритъ Глѣбу:

«Ты возьми, возьми меня да все въ замужество»,

или:

«А сама-то красна дѣвица за тебя замужъ иду» ¹⁾.

То же самое говоритъ она и Добрынѣ:

«Если ты возьмешь, такъ я замужъ иду
За молодого Добрынюшку Никитича.» ²⁾

Наконецъ, обѣ былины оканчиваются расправой съ Маринкой. Въ былинѣ о Добрынѣ желаніе Маринки выйти за него замужъ мотивировано тѣмъ, что, согласившись взять ее въ жены, Добрыня тѣмъ самымъ подвергался опасности быть обернутымъ своей женой въ животное ³⁾; между тѣмъ какъ въ былинѣ о Глѣбѣ нѣтъ ничего подобнаго; самая злоба на князя мотивирована (въ пересказѣ Агр. Крюковой) крайне странно:

«Она зло-то все несла на Глѣба-та Володьевича,
Потому она-то несла да все вѣдь думала,—
За его-то ей хотѣлось замужъ выйти все.»

¹⁾ Бѣломорскія былины, 253, 433.

²⁾ Гильфердингъ, № 78. То же и въ другихъ пересказахъ.

³⁾ То же самое—въ былинѣ о Потыкѣ: Бѣлом. был. 386, 512; ср. Гильфердингъ, № 5, ст. 192—208.

Эта злоба (выразившаяся въ попыткѣ отравить князя) была бы вполне понятна, если бы князь Глѣбъ убилъ Маринкина друга ¹⁾. Если былина содержала этотъ эпизодъ, то ее можно возстановить въ такомъ болѣе старомъ видѣ: Муринь захватываетъ корабли Глѣба; князь ѣдетъ на выручку; Муринь выходитъ ему навстрѣчу; князь его убиваетъ и подѣзжаетъ къ воротамъ Корсуня; Маринка ²⁾ льстиво выражаетъ желаніе выйти за него замужъ и подаетъ ему вина съ отравой; князь замѣчаетъ обманъ и убиваетъ ее.

Неудивительно, что пѣвцы забыли личность Мурина, такъ какъ въ такой версіи, которую я сейчасъ изложилъ, онъ не игралъ большой роли.

Что касается послѣдняго эпизода былины, попытки отравить Глѣба, то мы находимъ его въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынь. Въ записи изъ Симбирской губ. говорится, что послѣ убіенія Змѣя Притугальника, Марина усадила Добрыню за столъ, налила лютаго зелья и поднесла ему. Добрыня отвѣчаетъ: „Прежде хозяина и попъ не пьетъ“ ³⁾.

То же самое мы находимъ въ пересказахъ Олоноцкой губ. Определенно объ отравѣ разсказывается въ кенозерскомъ вариантѣ:

«Подносила ему чару зелена вина,
А въ чарѣ змѣиной силы положено.
Принимаетъ онъ чару правой рукой,
Подаваетъ кобелю мелединскому,—
Разрываетъ кобеля мелединскаго.
Вынимаетъ онъ саблю вострую,
И отсѣкъ Маринкѣ буйну голову ⁴⁾».

Въ другихъ вариантахъ находятся только намеки на отраву. Добрыня проситъ слугъ подать чару зелена вина „оправшую“ (отравшую, съ отравою?); тѣ подаютъ ему саблю, которой онъ убиваетъ Марину ⁵⁾. Въ одномъ пересказѣ ядъ замѣненъ соннымъ

¹⁾ Подобно тому какъ сынъ Басарги убиваетъ царя Гордіана.

²⁾ Замѣтимъ, что имя „Марипа“ въ основѣ сирійское. См. Веселовскаго: Разысканія въ области русскихъ дух. стиховъ, Спб. 1880. Стр. 77 и прим. 3.

³⁾ Кирѣевскій II, 49.

⁴⁾ Рыбниковъ, I, 173.

⁵⁾ Гильфердингъ, №№ 5, 316; Тихомировъ и Миллеръ, II, 86.

питьемъ ¹⁾. Даже въ тѣхъ былинахъ, гдѣ чара вовсе не упоминается, Маринка все-таки называется отравницей, зеленьщицей; на окнѣ у нея стоитъ лютое зелье.

Теперь является вопросъ, въ какую эпоху имя Марины было вставлено въ былинку? В. О. Миллеръ думаетъ, что „въ былинной Маринѣ-еретицѣ отразилось народное представленіе объ исторической Маринѣ Мнишекъ“, имя которой внесено было въ XVII вѣкѣ между прочимъ и въ былинку о Глѣбѣ; отмѣчая отчетство Маринки „Кайдаловна“ или „Кайдарова“, онъ думаетъ, что „это необычное отчетство сохранилось отъ прежней редакціи, какъ принадлежавшее той дѣвицѣ, которая была переименована въ Марину“. Итакъ, В. О. Миллеръ предполагаетъ возможнымъ измѣненіе имени безъ измѣненія отчества. Уже само по себѣ такое предположеніе мало вѣроятно; но внесеніе имени Марины Мнишекъ въ былины прямо невозможно. Сказителямъ до сихъ поръ очень хорошо извѣстна пѣсня о самозванцѣ, гдѣ Марина опредѣленно называется дочерью Юрія, пана Сендомирскаго (или „Сердобольскаго“—искаженіе, вполне понятное въ устахъ олоонецкаго крестьянина). Въ XVII стол. Марина Юрьевна была еще болѣе извѣстна, какъ историческое лицо ²⁾, и предполагать, что имя ея безъ отчества было поставлено въ старыя былины подъ отчества „Кайдаловна, Игнатьевна“ или подъ прозвище „съ Бутаришки“, совершенно невозможно. Скорѣе можно думать, что это имя стало уже эпическимъ въ XII—XIII вв., при чемъ съ теченіемъ времени къ нему стали присоединять различныя отчества.

Отчество Маринки, съ которымъ она является въ нашей былинѣ—Кайдаловна, Кайдарова—и прозвище „съ Бутаришки“, я думаю, можно объяснить преданіями времени татарскаго нашествія. Вспомнимъ, что былинная Маринка—зелейщица, кореньщица, отравщица, волшебница, лиха, зла, люта гроза ³⁾; въ „Сказаніи о Батыевомъ приходѣ на Русь“, отличающемся народно-поэтическими чертами, фигурируетъ „жена чародѣица“, которую Батый посылаетъ къ рязанскому князю съ требованіемъ десятины во всемя ⁴⁾. Мы знаемъ также, что среди Батыевыхъ вое-

1) Рыбниковъ, I. 173, прим.

2) См. старую записъ пѣсни о Разстригѣ у Кирѣевскаго, VII, прилож., стр. 67.

3) Оцчуковъ, Печорскія былины, 100, 160.

4) В. О. Миллеръ, Очерки р. народной словесности, 315—6.

вождь были между прочимъ Кайдарь и Бутарь ¹⁾. Весьма вѣроятно, что въ поэтическомъ преданіи чародѣица была связана съ этими именами, т. е. называлась Кайдаровой или Бутаровой, а затѣмъ изъ преданій прозвища чародѣицы перешли на безбожницу, разбойницу Маринку, въ былинну о Глѣбѣ. Замѣтимъ, что въ былинахъ отразилось нѣсколько именъ татарскихъ хановъ XIII стол. Батый, Сартакъ, Тавруль, Кайданъ ²⁾, можетъ быть, также Уловчій ³⁾, [былинный Улюшка, зять Батыя ⁴⁾], и Богатуръ ⁵⁾ [былинны Батырь Каймановичъ, Батышъ Батурьевичъ, Батуръ Батвесовъ, Батуще ⁶⁾]. Итакъ, свое отчество Маринка получила въ XIII стол.; раньше она, вѣроятно, его не имѣла.

Остановимся еще нѣсколько на былинномъ сюжетѣ. Дѣйствіе былины происходитъ въ Корсунѣ; отрывокъ ея сохранился у терскихъ казаковъ. Это указываетъ на южное происхождение былины. А ргіогі можно предполагать, что въ южной Россіи сохранились какія-нибудь сказанія, близкія къ содержанію былины. Дѣйствительно, значительное сходство съ нею представляетъ малорусская дума объ Иванѣ Богуславцѣ ⁷⁾. Мѣсто ея дѣйствія—

¹⁾ Полн. Собр. р. лѣтоп. X, 116.

²⁾ Вс. Миллеръ, ор. с., 322, 449. По былинамъ у Кириши Данилова (стр. 101, 20), Сартакъ—зять царя Калина, а Салтыкъ Ставрुльевичъ называется также Батыевичемъ, т. е. сыномъ Батыя; не есть ли „Салтыкъ“—искаженное имя „Сартакъ“?

³⁾ П. С. Р. Л. X, 141.

⁴⁾ Кирѣевскій, IV, 38.

⁵⁾ Такъ названъ воевода, покорившій Болгарскую землю и Суздальскую область, въ Ипатьевской лѣтописи; въ Никоновскомъ спискѣ онъ названъ Батырь.

⁶⁾ Кирѣевскій, II, 90; V, 97; Тихомировъ и Миллеръ, II, 134; Ончуковъ Печорскія былины, 54, 264. Замѣчу еще, что въ одной белорусской сказкѣ (типа „Царь Салтантъ“: Романовъ, Бѣлорусскій сборникъ, VI, 154) говорится о нападеніи пещернаго царя Федора Тырина Бирдзибяновича; имя Федора Тырина зашло въ сказку, конечно, изъ духовнаго стиха, но эпизодъ о нападеніи описанъ въ былинномъ стилѣ: у царя двѣ головы по пивному котлу; онъ кричитъ богатырскимъ голосомъ,—весь лѣсъ повялъ, съ дуба листья посыпались, земля сколотилась, у царя Гвидона палаты задрожали, и стекло изъ окошекъ повывлетѣло отъ Федорова голоса, отъ молодецкаго поспивета. Гвидонъ проситъ отерочки на недѣлю; Федоръ даетъ на два часа и грозитъ городъ сналить, и царя въ полонъ забрать съ его супругой возлюбленной. Имя Бирдзибяна напоминаетъ имя хана татарскаго Бердебекъ († 1247).

⁷⁾ Житецкій, Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ, 220—4; Антоновичъ и Драгомановъ, Историческія пѣсни малорусскаго народа, I, 241—4.

западный берегъ Крыма, городъ Кізлевъ, или Козловъ, т. е. Евпаторія, по-турецки Гёзлефъ.

Въ городъ Козловъ стояла каменная темница. Въ той темницѣ сидѣло семьсотъ казаковъ-невольниковъ. Десять лѣтъ прожили они въ неволѣ. Наступилъ праздникъ Пасхи. Казацкій старшина Иванъ Богуславецъ, гетманъ запорожскій, напомнилъ объ этомъ казакамъ и прибавилъ:

«Може, намъ, братцы, Богъ милосердный буде помогати,
Чи не будемъ мы съ неволи выступати?»

Рано утромъ встала жена турецкаго Алканъ-паши; спрятавши (?) мужа, она отомкнула темницу и сказала Ивану Богуславцу:

«Когда бь ты свою вѣру христіанскую поломалъ,
А пашу басурманску на себя бралъ,—
Уже бь ты въ городъ Козловъ пановалъ,
Я бь твоихъ невольниковъ всѣхъ изъ темницы выпускала,
Въ землю христіанскую хорошенько провожала.»

Иванъ согласился взять ее въ жены съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не ругалась надъ его вѣрой. Пани молодая выпустила изъ темницы всѣхъ невольниковъ, проводила ихъ въ христіанскую землю. Прошло семь недѣль. На восьмой недѣлѣ она—

«Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,
Стала Иванчевы Богославцевы христіанскою вѣрою урекати:
«Дивитесь, панове,
Якій у меня мужъ прекрасный:
Та вишь у насъ побусурменился для роскоши турецкой».

Услыхалъ это Иванъ, быстро прибѣжалъ къ Черному морю, сѣлъ въ лодку, догналъ казаковъ среди моря и вступилъ на казачье судно. Молодая пани увидала его и заплакала:

«Бодай тебе Господь милосердный на семь свѣтъ избавилъ,
Якъ ты мене, молоденьку, зрадилъ!»

Когда наступила ночь, казаки вновь пріѣхали въ Козловъ, порубили сонныхъ турокъ, городъ повоевали огнемъ и мечомъ, а Иванъ Богуславецъ изрубилъ молодую пани Алканъ-паши. Поспѣшно казаки отъѣхали отъ Козловской пристани и еще до свѣта пріѣхали въ Сѣчь.

Въ такомъ видѣ дошла до насъ эта дума въ записи, сдѣланной въ началѣ XIX в. отъ „слѣпца Ивана, лучшаго рапсодія Малороссіи“ ¹⁾. Въ 60-ыхъ или 70-хъ гг. этого столѣтія начало этой думы было записано въ Конотопѣ. Главное отличие этого варианта заключается въ томъ, что Иванецъ Богуславецъ сначала отказался отъ предложенія Кизлевской пани принять басурманскую вѣру; тогда она крикнула на „бісових мурзаків“:

«Да візьміть же Іванця Богуславця,
«Козака рейстрового ²⁾, отамана віськового,
Да звяжіть йому руки сирю сирницею,
Да положитъ його передъ праведнимъ сонечкомъ».
Як стало сонечко пригрівати,
Стала сирая сирця ссихати,—
Став Іванецъ Богуславецъ
Да на пробу кричати:
«Покидаю віру християнськую під ноги,
А воспріймаю вашу бусурманськую на руки».

Тогда Кизлевская пани велѣла мурзакамъ развязать Иванца, взять его подъ руки и ввести въ высокій теремъ:

«Да будемъ пить-гуляти,
«Мене за його пропивати...»

На этомъ дума обрывается, и для сужденія объ ея концѣ намъ остается одинъ пересказъ старой записи. Нужно думать, что отрывокъ сохранилъ старую черту думы—мученія Ивана,—опущенную въ полномъ пересказѣ, п. ч. эта черта объясняетъ дальнѣйшую мсть Ивана, убійство пани, не мотивированное въ старой записи.

Дума объ Иванѣ Богуславцѣ, очевидно, была извѣстна автору „Исторіи Руссовъ“. Описывая (хронологически неправильно) походъ запорожскаго кошевого Скалозуба въ 1583 г., авторъ говоритъ: „Гетманъ, слѣшивши три полка реестровыхъ козаконъ, посадилъ ихъ на лодки, выправилъ въ море подъ командою писаря войскового запорожскаго Ивана Богуславца... Писарь Богуславецъ захваченъ былъ турками въ плѣнъ при городѣ Козловѣ; но послѣ запорожцами былъ вырученъ помощію Семиры, жены пашы турецкаго, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславцемъ въ

¹⁾ Житецкій, оп. с., 178.

²⁾ Въ подлинн. „дністрового“.

Малороссію и была его женою“¹⁾. Изъ этой цитаты видно, что автору „Исторіи Руссовъ“ былъ знакомъ довольно плохой пересказъ думы, такъ какъ такая счастливая судьба жены паши вовсе не гармонируетъ съ образомъ сластолюбивой женщины, легко измѣняющей мужу и жестоко мучающей неподатливаго на ея ласки казака. Но это извѣстіе интересно тѣмъ, что оно даетъ имя жены паши—Семира. Чтобы опредѣлить, насколько можно въ этомъ довѣрять автору „Исторіи Руссовъ“, обратимся къ анализу думы о Марусѣ Богуславкѣ²⁾. По мнѣнію Костомарова, изъ этой думы въ думу объ Иванѣ Богуславцѣ перенесены разговоръ съ невольниками: „сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, говоритъ онъ, и еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ *Богуславецъ* и *Богуславка* произвели это смѣшеніе“. Проф. Житецкій³⁾ возражаетъ на это: „Съ равнымъ основаніемъ, конечно, можно утверждать и обратное. Что касается сходства именъ, то, по нашему мнѣнію, объ думы—не что иное, какъ два отрывка изъ недошедшаго до насъ въ цѣлости обширнаго эпоса о судьбѣ дѣтей одного семейства, можетъ быть, проживавшаго въ г. Богуславѣ“. Почему въ Иванѣ и Марусѣ нужно видѣть „дѣтей одного семейства“, г. Житецкій не объясняетъ, а его предположеніе относительно „обширнаго (?) эпоса“, сложеннаго объ этомъ семействѣ, представляется совершенно невѣроятнымъ. Чтобы опредѣлить отношеніе между двумя сходными думами, необходимо болѣе детальное ихъ сравненіе.

Обѣ думы совпадаютъ даже въ мелкихъ подробностяхъ: та же темница на Черномъ морѣ, тѣ же семьсотъ невольниковъ (въ неволѣ сидятъ они не 10 лѣтъ, а 30), тѣ же разговоры съ ними (вложенные только въ уста Маруси), то же освобожденіе ихъ въ праздникъ Пасхи. Отличія думы о Марусѣ заключаются главнымъ образомъ въ томъ, что здѣсь сглажены мѣстныя и историческія черты и удалены образъ Ивана Богуславца, при чемъ его прозвище усвоено женѣ „турецкаго пана“ (=паша въ думѣ объ Иванѣ): не упоминается Козловъ, не говорится объ отъѣздѣ невольниковъ на судахъ, и нѣтъ всего конца думы, рассказы-

¹⁾ Антон. и Драгом., I, 243.

²⁾ Два пересказа этой думы, записанные въ Харьковской и Полтавск. губ., напечатаны у Антоновича и Драгоманова, I, 230—5.

³⁾ Ор. с., 220.

вающаго о разореніи Козлова казаками и ихъ возвращеніи въ Сѣчь. Самое яркое доказательство того, что дума о Марусѣ есть переработка думы объ Иванѣ, даютъ слова Маруси:

«Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
Для роскоши турецької».

Въ думѣ объ Иванѣ пани такъ же выражается относительно потурчившагося казака, и это насмѣшливое ея выраженіе гораздо болѣе у мѣста, нежели здѣсь. Что касается другихъ отличій думы о Марусѣ, то всё они находятъ себѣ параллели въ пѣсняхъ о плѣнницахъ. Проф. Житецкій ¹⁾ замѣтилъ, что эта дума, сравнительно съ такими пѣснями, представляетъ „не что иное, какъ поэтическую композицію, болѣе сложную, чѣмъ пѣсни,—эти же послѣднія—не что иное, какъ матеріалъ для самой композиціи“. Онъ указалъ и самый матеріалъ: пѣсни о трехъ *поповнахъ*, взятыхъ въ плѣнъ турками, и о „дивкѣ-бранкѣ Маріянкѣ“. Последняя, уведенная въ плѣнъ, пишетъ съ дороги къ отцу письмо:

Нехай тато не сумує,
Най ми посаг не готує:
Ой вжеж бо я посаг мала
Під явором зелененьким
Тай с турчином молоденьким» ²⁾.

Можно еще указать пѣсню о двухъ сестрахъ-плѣнницахъ у турокъ. Одна изъ нихъ говоритъ другой:

«Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу росу утне,
Най до мамки меї пішле:
Най ся мамка не фрасує,
Най нам вина не готує,—
Бо ми вино утратили
Під явором зелененьким
За турчином молоденьким» ³⁾.

Изъ подобныхъ пѣсень дума заимствовала слова Маруси, которая проситъ освобожденныхъ ею казаковъ передать ея отцу и матери:

«Нехай мій батько добре дбає,
Гуртів, великихъ шаетків нехай не збуває,

¹⁾ Ор. с. 142—3, 139.

²⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, I, 135.

³⁾ Ibid., 85.

Великих скарбів не збірає,
 Та нехай мене, дівки бранки,
 Марусі, попівни Богуславки,
 З неволі не викупає:
 Бо вже я потурчилась, побусурменилась,
 Для роскоші турецької.

Изъ предыдущаго достаточно выяснилось отношеніе одной думы къ другой. Можно еще прибавить, что роль жены Алканъ-паши является гораздо болѣе естественной, нежели роль Маруси: первая „поховала своего мужа“ и изъ страсти къ Ивану согласилась выпустить невольниковъ; поведеніе же второй недостаточно мотивировано: 1) почему она раньше не выпускала невольниковъ, которые сидѣли въ тюрьмѣ 30 лѣтъ? 2) какъ отнесся „турецкій панъ“ къ ея поступку, вернувшись изъ мечети?

Въ двухъ пересказахъ думы объ Иванѣ Богуславцѣ женская личность рѣшительно несимпатична; въ пересказѣ, бывшемъ у автора „Исторіи Руссовъ“, эта личность является уже въ болѣе свѣтлыхъ чертахъ: Иванъ женится на ней и увозитъ ее на родину (этотъ разсказъ указываетъ, конечно, на забвеніе конца думы). Такой образъ жены паши могъ служить переходнымъ звеномъ для дальнѣйшей передѣлки думы. Имя *Семиры* авторъ „Исторіи Руссовъ“ едва ли не передѣлалъ изъ *Маруси*,—форма, которую можно предполагать на основаніи извѣстныхъ намъ изъ пѣсенъ именъ Маруси и Маріянки.

Жена турецкаго паши въ думѣ объ Иванѣ Богуславцѣ представляетъ собою типъ измѣнчивой женщины: она измѣняетъ своему мужу изъ страсти къ Ивану, а черезъ семь недѣль уже гуляетъ съ молодыми турками. Въ великорусскихъ былинахъ мы знаемъ нѣсколько подобныхъ типовъ, таковы: княгиня Апраксія въ былинахъ объ Алешѣ Поповичѣ и о сорока каликахъ, невеста Ивана Годиновича ¹⁾, жена Потыка ¹⁾, и, наконецъ, Маринка, любовница Добрыни. Изъ этихъ женщинъ болѣе всего подходитъ къ нашему типу послѣдняя, но еще болѣе близкое сходство оказывается между женой турецкаго паши и Мариной Кайдаровой.

¹⁾ Въ „Печорскихъ былинахъ“ Опчукова и та, и другая называются „душкой Маринкой, лебедью бялою“, стр. 241, 317.

Отметим сходныя черты былины о Глѣбѣ Володьевичѣ и думы объ Иванѣ Богуславцѣ. Прежде всего, дѣйствіе и той, и другой происходитъ на западномъ берегу Крыма—въ Корсунѣ и въ Евпаторіи. Въ темницѣ сидятъ невольники—въ былинѣ матросы, въ думѣ казаки. Алканъ-пашѣ въ былинѣ соответствуетъ Илья Муромецъ, замѣнившій собою какого-то „мурина“; ни тотъ, ни другой не играютъ роли въ ходѣ разсказа: какъ былина забывается о существованіи Ильи Муромца, когда Маринка сватается за Глѣба, такъ и жена пашы, „поховавши“ своего мужа, болѣе о немъ не думаетъ и сватается за Ивана. Далѣе въ обоихъ произведеніяхъ слѣдуетъ отпускъ невольниковъ. Въ концѣ былины и думы замѣчается большая разница. Былина быстро приводитъ разсказъ къ развязкѣ: Маринка пытается отравить Глѣба, который ее и убиваетъ; жена пашы только насмѣхается надъ тѣмъ, что Иванъ „побусурменился“ изъ-за нея. Послѣ того слѣдуетъ отъѣздъ его на судно къ казакамъ, а затѣмъ уже разореніе Козлова и убійство жены пашы. Нужно замѣтить, что конецъ думы болѣе похожъ на пересказъ былины, записанный отъ А. М. Крюковой нежели на пересказъ Г. Л. Крюкова. И тамъ, и здѣсь мы видимъ разореніе и ограбленіе города и возвращеніе на родину.

Изъ сравненія былины съ думой можно вывести то заключеніе, что первая послужила прототипомъ для второй, а такъ какъ дума объ Иванѣ Богуславцѣ была сложена въ XVII в., то отсюда ясно, что въ это время былина была извѣстна въ Южной Россіи. Изъ того же сравненія двухъ произведеній видно, что въ прототипѣ думы игралъ нѣкоторую роль мужъ (или любовникъ) властительницы города, т.-е. та личность, которая въ пересказѣ А. М. Крюковой называется Ильей Муромцемъ. Эта личность въ повѣсти о Басаргѣ играетъ еще болѣе важную роль, но нужно думать, что былина, выдвинувъ на первый планъ образъ дѣвицы, властительницы приморскаго города, мало-по-малу затушевывала ее „милаго друга“, а пересказъ Г. Л. Крюкова вовсе о немъ позабылъ.

Обратимся къ историческимъ чертамъ былины о князѣ Глѣбѣ. Самыя важныя данныя для сужденія о мѣстѣ и времени сложе-

нія былины даютъ географическія названія—Корсунь и Новгородъ—и имя героя.

Попытку выяснитъ личность Глѣба Володьевича даетъ проф. В. О. Миллеръ въ указанной выше статьѣ. Указывая какъ на прототипъ былиннаго героя—на св. Глѣба, сына князя Владимира, В. О. Миллеръ исходитъ „изъ того убѣжденія, что сохраниться въ народномъ преданіи и стать эпическимъ могло только имя популярнаго князя, извѣстнаго и намъ безъ всякихъ справокъ въ историческихъ источникахъ“. Трудно согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Развѣ мы знали бы имя Роланда, если бы онъ не сдѣлался героемъ французскаго средневѣковаго эпоса? Точно такъ же, развѣ герои русскихъ былинъ: Ставеръ, Садко, Александръ Поповичъ, Добрыня Рязаничъ, Самсонъ Колывановичъ и многіе другіе—были давно извѣстны безъ дальнихъ справокъ? Ясное дѣло, что пѣвцы выбирали героевъ для своихъ произведеній, не справляясь съ историческимъ значеніемъ тѣхъ или другихъ личностей. Проф. Миллеръ не ищетъ въ былинѣ чего-нибудь, напоминающаго извѣстные намъ факты изъ жизни св. Глѣба; дѣйствительно, ничего подобнаго и нѣтъ. Но не было ли историческаго лица, отвѣчающаго былиннымъ даннымъ?

Мы знаемъ новгородскаго князя Глѣба, который, дѣйствительно, ходилъ съ войскомъ на Корсунь. Извѣстіе объ этомъ походѣ сохранилось у Татищева и у итальянскаго писателя Одерико, который, по порученію императрицы Екатерины II, занимался исторіей генуэзскихъ поселеній въ Крыму. Походъ на Корсунь относится ко времени царствованія византійскаго императора Михаила VII Дуки (1071—1078), когда онъ находился въ очень затруднительномъ положеніи: турки-сельджуки завладѣли греческими областями въ Азіи; въ 1073 году возстали болгары, и греческія войска потерпѣли цѣлый рядъ пораженій; въ слѣдующемъ году снова поднялись придунайскіе города, нашедши помощь въ лицѣ печенѣговъ. Естественно, что Михаилу пришлось просить у русскихъ князей помощи для охраненія пограничныхъ греческихъ областей. Вотъ къ этому-то времени относится слѣдующее извѣстіе Татищева:

„Михаиль, царь греческій, иже... отъ Болгаръ побѣжденъ, и корсуняне ему отреклися, прислалъ къ Святославу пословъ со многими дарами и обѣщаніи, прося его и Всеволода о помощи

на болгаръ и корсунянъ. Святославъ же, согласяся со Всеволодомъ,... Владимира-сыновца и съ нимъ сына Глѣба послалъ на корсунянъ“.

Это извѣстiе подтверждается свидѣтельствомъ Одерико: „Жители этого города (Херсонеса), соперники Θεοδοσίи и Судака (rivaux de Kaffa et de Soldaya), не имѣя возможности получить отъ императора нѣкоторыя торговыя привилегіи, возстали противъ его власти. Онъ призвалъ противъ нихъ великаго князя русскаго, Всеволода, который послалъ туда сыновей Владимира и Глѣба.“

Одерико называетъ Глѣба сыномъ Всеволода, вѣроятно, потому, что въ своемъ источникѣ смѣшалъ слова: „сынъ“ и „сыновецъ“ (племянникъ). Справедливость извѣстiй Татищева и Одерико подтверждается также тѣмъ, что вскорѣ послѣ 1065 года жители Корсуны убили своего катапана (правителя области), отравившаго тмутороканскаго князя Ростислава; это указываетъ на то, что корсуныяне возмутились противъ императорскаго намѣстника, или, по выраженію Татищева, „отреклися“ отъ императора. Затѣмъ намъ извѣстны два посланія императора Михаила VII къ неизвѣстному по имени русскому князю; въ этихъ письмахъ Михаилъ предлагаетъ руку своего брата Константина дочери русскаго князя и проситъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняго „быть стражемъ византійскихъ границъ; щадить область, подвластную имперіи, быть союзникомъ и дѣйствовать заодно во всемъ и противъ всѣхъ“ ¹⁾.

Акад. Васильевскій, сдѣлавшій критическій анализъ этихъ извѣстiй, относитъ походъ на Корсунь къ 1073 году, на томъ основаніи, что объ этомъ походѣ не упоминаетъ Владимиръ Мономахъ, перечисляя въ своемъ Поученіи свои подвиги съ 1073 года. Правда, опредѣленно о походѣ на Корсунь здѣсь не говорится, но зато упоминается о помощи Глѣбу въ 1077 г. „И Святославъ умре (27 декабря 1076 г.), и язъ пакы (идохъ) Смолинську, а ис Смолинська той же зимѣ (1077 г.) та къ Новугороду, на весну — Глѣбови въ помочь (1077 г.), а на лѣто

¹⁾ Извѣстiе Татищева приведено и подтверждено *Васильевскимъ* въ его ст. „Русско-византійскіе отрывки“, Ж. М. Н. Пр. 1875 г. № 12, стр. 292—6. Эти выводы повторены г. *Семиковымъ*: „Историко-критическія изслѣдованія о новгородскихъ и о Россійской Исторіи В. И. Татищева“, стр. 332—4.

со отцемъ подѣ Полтескъ“. Изъ этого отрывка видно, что зимою 1077 г. Владимиръ прїѣхалъ въ Новгородъ, а весною того же года помогалъ своему двоюродному брату въ какомъ-то предпрїятїи. Если обратить вниманїе на то, что извѣстіе о походѣ на Корсунь Татищевъ помѣщаетъ подѣ 1076 г., то становится ясно, что эти два сообщенїя относятся къ одному и тому же событію. Разногласїя указанїи времени въ одинъ годъ обычны въ старыхъ лѣтописяхъ, и потому Татищевскїй годъ не можетъ возбуждать недоумѣнїя.

Болѣе затрудненїй представляетъ то обстоятельство, что виновникомъ похода Татищевъ выставляетъ кїевского князя Святослава, который умеръ еще въ 1076 году. Но дѣло въ томъ, что Татищевъ соединяетъ въ своемъ разсказѣ, очевидно, нѣсколько свѣдѣнїй, при чемъ извѣстіе о посольствѣ Михаила къ Святославу онъ, вѣроятно, почерпнулъ изъ византїйскаго источника, между тѣмъ какъ краткое извѣстіе о походѣ на корсуняны онъ нашелъ въ лѣтописи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ старинное слово „сыновець“, очевидно, не понятое итальянцемъ Одерико. Послѣднїй имѣлъ, вѣроятно, ту же лѣтопись, что и Татищевъ; но интересно, что онъ въ качествѣ виновника похода упоминаетъ одного только князя Всеволода. Отсюда слѣдуетъ заключить, что въ его источникѣ о Святославѣ не упоминалось; т. о., походъ могъ происходить уже послѣ смерти Святослава.

Итакъ, въ 1077 году Владимиръ Всеволодовичъ Мономахъ и Глѣбъ Святославичъ были посланы на Корсунь для усмиренїя возмущившихся гражданъ. Вотъ объ этомъ послѣднемъ князѣ, по моему мнѣнїю, и сохранилась память въ былинномъ Глѣбѣ Володьевичѣ. Относительно Глѣба имѣются слѣдующїя свѣдѣнїя:

До 1064 года онъ сидѣлъ въ Тмуторокани, откуда былъ выгнанъ новгородскимъ княземъ Ростиславомъ. Святославъ вступился за сына и посадилъ его снова въ Тмуторокани, но Ростиславъ снова его выгналъ, и Глѣбъ принужденъ былъ отправиться къ отцу. Въ 1065 г. Ростиславъ былъ отравленъ, и, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого Глѣбъ снова явился въ Тмуторокань; въ 1067 году, когда Всеславъ Полоцкїй захватилъ Новгородъ, мы тамъ не видимъ Глѣба, а, наоборотъ, имѣемъ извѣстіе о томъ, что въ слѣдующемъ году онъ былъ въ Тмуторокани и „мѣрилъ море по леду отъ Тмутороканя до Кърчева“ (Керчи).

Въ 1069 году видимъ Глѣба уже въ Новгородѣ: онъ съ новгородцами сражается противъ Всеслава и одерживаетъ блистательную побѣду. Въ 1074 г., 1 мая, онъ присутствуетъ съ отцомъ при кончинѣ Θεодосія Печерскаго и прощается съ нимъ.

Относительно кончины Глѣба имѣется два новгородскихъ извѣстія: одно говоритъ, что въ 1079 г. „убиша за Волокомъ князя Глѣба мѣсяца мая въ 30^а. Это—современная лѣтописная замѣтка. Другое извѣстіе находится въ перечисленіи новгородскихъ князей; здѣсь мы читаемъ: „И посади Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша (и) изъ града, и бѣжа за Волокъ, и убиша и Чюдъ“¹⁾.

Кромѣ того, имѣется и кievское извѣстіе въ „Повѣсти временныхъ лѣтъ“: „Въ се же лѣто (6586==1078) убьенъ бысть Глѣбъ, сынъ Святославль, въ Заволочіи. Бѣ бо Глѣбъ милостивъ убогимъ и страннолюбивъ, тщанье имѣя къ церквамъ, тепло на вѣру и кротокъ, взоромъ красенъ. Его же тѣло положено бысть Черниговѣ за Спасомъ мѣсяца іюля 23 день.“

Таковы современные извѣстія лѣтописи о князѣ Глѣбѣ. Въ нихъ онъ изображается храбрымъ, красивымъ, добрымъ, религиознымъ и любознательнымъ: онъ мѣритъ ширину Керченскаго пролива и ставитъ каменный столбъ, на которомъ высѣкаетъ свѣдѣніе о результатѣ своего промѣра. Но для насъ особенное значеніе имѣютъ свѣдѣнія объ этомъ князѣ, записанныя по преданію. Сюда относится разсказъ Повѣсти временныхъ лѣтъ о его столкновеніи съ новгородскимъ волхвомъ. Разсказъ этотъ, вѣроятно, записанъ лѣтописцемъ незадолго до 1116 года, а въ лѣтопись вставленъ подъ 1071 годомъ; слѣдовательно, кievскій лѣтописецъ записалъ преданіе, обращавшееся въ народѣ около 40 лѣтъ. Описавши нѣсколько случаевъ появленія волхвовъ, лѣтописецъ продолжаетъ: „Такой же волхвъ явился при Глѣбѣ въ Новгородѣ. Онъ проповѣдывалъ народу, выдавая себя за Бога, и многихъ привлекъ, чуть не весь городъ; онъ говорилъ: „я все знаю“, и хулилъ христіанскую вѣру; онъ говорилъ: „я перейду по Волхову предъ всѣми“. Былъ мятежъ въ городѣ, всѣ ему повѣрили и хотѣли погубить епископа. Епископъ, взявши крестъ и облекшись въ ризы, выступилъ и сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить

¹⁾ Новгородская лѣтопись по Синодальному харат. списку, 117, 439.

волхву, пусть идетъ на его сторону, а вѣрующіе пусть идутъ ко кресту“. И раздѣлились надвое: князь Глѣбъ и дружина его пошли и стали около епископа, а весь народъ отошелъ на сторону волхва, и среди толпы было большое смятеніе. Глѣбъ же, взявши топоръ подъ полу, подошелъ къ волхву и сказалъ ему: „Знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?“. Тотъ отвѣчалъ:—Все знаю.—И сказалъ Глѣбъ: „А знаешь ли, что будетъ сейчасъ?“—Я сотворю большія чудеса—сказалъ онъ. Глѣбъ же, вынувъ топоръ, разрубилъ его, и онъ палъ мертвымъ, а народъ разошелся. А онъ погибъ тѣломъ и душою, предавшись дѣволу“.

Въ этомъ разсказѣ Глѣбъ выступаетъ эпическимъ героемъ, загадывающимъ загадки, и немного напоминаетъ находчиваго Глѣба Володѣвича, расправившагося съ Маринкой. Очевидно, что личность князя Глѣба была популярна и могла послужить основой для былины.

Теперь я остановлюсь на одномъ мелкомъ искаженіи былины. Отчество былиннаго Глѣба не соответствуетъ отчеству „Святославичъ“. Смѣшеніе именъ въ былинахъ—дѣло обычное. Но въ данномъ случаѣ, по моему мнѣнію, мы имѣемъ дѣло не съ поздней, случайной путаницей, но со старымъ смѣшеніемъ двухъ героевъ одного и того же похода. На Корсунь былъ отправленъ не одинъ Глѣбъ, но со своимъ двоюроднымъ, младшимъ братомъ Владимиромъ Всеволодовичемъ. Поэтому можно предполагать, что прототипъ нашей былины имѣлъ двухъ героевъ, изъ которыхъ уцѣлѣлъ только одинъ ¹⁾, старшій, новгородскій князь, а двадцатичетырехлѣтній Мономахъ (род. 1053 г.) оставилъ по себѣ память однимъ отчествомъ: „Володовичъ“ изъ „Всеволодовичъ“. Интересно, что первый слогъ въ отчествѣ Мономаха оказалъ вліяніе на отчество эпическаго князя Владимира, который обычно называется *Всеславичемъ*, а не *Святославичемъ*. Возможно, что отчество Мономаха перешло въ нашу былинку изъ южныхъ пѣсень объ этомъ популярномъ князѣ, давшемъ, безъ сомнѣнія, нѣсколько капель крови въ жилы Владимира Краснаго Солнышка. Есть нѣсколько указаній на то, что въ XII—XIII ст. передава-

¹⁾ Подобное явленіе мы замѣчаемъ, сравнивая сказаніе о семи богатыряхъ съ позднѣйшими записями былины объ Ильѣ Муромцѣ и Идолицѣ.

лись поэтическія преданія о походахъ Мономаха на югъ. Такъ, Слово о погибелѣ Русской земли говоритъ о томъ, что половцы носили ему своихъ дѣтей въ колыбели, венгры утверждали каменные города желѣзными воротами, чтобы онъ въ нихъ не въѣхалъ, а Мануиль Царьградскій посылалъ ему большіе дары, изъ опасенія, чтобы онъ не взялъ у него Царьграда. Есть преданія и о походѣ Мономаха въ Крымъ. Такъ, Герберштейнъ, описывая обрядъ коронованія московскихъ великихъ князей, говоритъ слѣдующее о происхожденіи бармъ: „Владимиръ отнялъ ихъ у одного генуэзскаго правителя Кафы, побѣжденнаго имъ“. Болѣе подробно это преданіе описывается Стрыйковскимъ: Владимиръ Мономахъ разбилъ поганыхъ половцевъ и генуэзцевъ, которые тогда владѣли Крымомъ, и взялъ у нихъ славный городъ Кафу, или Θεодосію. Въ другой разъ онъ столкнулся съ генуэзцами надъ моремъ и вызвалъ ихъ начальника, кафинскаго старѣйшину. Когда они съѣхались, Владимиръ вышибъ его копьемъ изъ сѣдла, схватилъ его, связалъ и привелъ къ своему войску. За то, что онъ сразился съ непріателемъ одинъ-на-одинъ, въ честномъ поединкѣ, его прозвали по-гречески Мономахомъ. Петрей также упоминаетъ о битвѣ великаго князя Мономаха подъ Кафой—съ татарами. Наконецъ, Герера передаетъ преданіе о сраженіи русскаго князя „Володомера“ съ генуэзскимъ консуломъ, который правилъ городомъ Θεодосіей ¹⁾.

Итакъ, и имя, и отчество былиннаго героя находятъ себѣ объясненіе въ историческихъ фактахъ XI ст. Попробуемъ отвѣтить на вопросъ: чему обязано появленіе въ былинѣ ея героини? Отчества Маринки, какъ я уже указалъ, объясняются наслоеніемъ историческихъ сказаній времени татарскаго нашествія; очевидно, они налегли на нѣчто болѣе древнее, и слѣдовательно, имя Марины находилось въ пѣснѣ раньше XIII в. Пока нельзя рѣшить, вошло ли оно туда изъ историческихъ преданій или проникло литературнымъ путемъ. На основаніи сравненія былины съ повѣстью о Басаргѣ скорѣе можно вывести заключеніе, что типъ Маринки выработался на русской почвѣ. Но были ли какія-либо мѣстныя условія для выработки этого типа, пока тоже остается нерѣшеннымъ вопросомъ. Можно только указать, что

¹⁾ См. *Жданова*, Русскій былевой эпосъ, 119—121.

и былина, и малорусская дума выставляют типъ самостоятельной женщины, играющей большую роль въ общественныхъ дѣлахъ своего города. Что касается думы, то она довольно правдоподобно описываетъ крымскую женщину высшаго класса, которая пользовалась сравнительною независимостью, оказывала большое вліяніе на своихъ мужей, а иногда позволяла себѣ и самовольничать ¹⁾. Былина въ этомъ отношеніи, быть можетъ, тоже не идетъ въ разрѣзъ съ исторіей. Жены греческихъ правителей въ крымскихъ городахъ, повидимому, принимали участіе въ управленіи; по крайней мѣрѣ, извѣстна печать Теофано, жившей въ XI или XII в., „архонтисы Росіи“. Последнее названіе проф. Кулаковскій объяснилъ какъ старое названіе города Керчи ²⁾. Печати, какъ извѣстно, привѣшивались къ грамотамъ, а послѣднія нужны были или для торговыхъ, или для административныхъ дѣлъ.

Теперь остановимся на историко-бытовыхъ чертахъ былины. Особенно упираетъ былина на громадныя пошлины, которыя Маринка собираетъ съ кораблей въ Корсунѣ. Это мѣсто въ пересказѣ Г. Л. Крюкова читается такъ:

Они какъ вѣдь въ гавань заходили—брала пошлину.
 Паруса ронили—брала пошлину,
 Якори-ти бросали—брала пошлину,
 Шлюпки на воду спускали—брала пошлину,
 А какъ въ шлюпочки садилась—брала пошлину,
 А къ мосту приставали—мостову брала,
 А какъ по мосту шли, да мостову брала,
 Какъ въ таможеню заходили, не протаможила;
 Набрала она дань-пошлины немножко, немало—сорокъ тысячей.

Менѣе подробно то же изложено въ пересказѣ А. М. Крюковой и въ отрывкѣ изъ Терской области:

Якоря-то они спускали въ воду—брала пошлину,
 Ай мосты они мостили—мостово брала.

Иначе:

¹⁾ Антоновичъ и Драгомановъ, *op. c.*, 226, 236, 244.

²⁾ Извѣстія XI Археологическаго съезда въ Кіевѣ, 1899, стр. 160. См. также Разысканія въ обл. р. дух. стиховъ, акад. Веселовскаго. Спб. 1889. Приложение, стр. 100.

Корабль по морю бѣжить—она пошлину съ него брала,
 Корабль къ яру подвигался—она другую съ него брала,
 Корабль на яръ выгружался—она третію брала.

Это негодованіе на торговыя пошлины переносить насъ къ тому времени, когда онѣ, очевидно, только-что были введены. Изъ договоровъ Олега и Игоря извѣстно, что въ X стол. въ предѣлахъ Византійской имперіи русскіе купцы не платили пошлинъ за товары. О существованіи обычая брать пошлины въ русскихъ городахъ говорятъ источники XII вѣка. Отсюда можно заключить, что торговыя пошлины начали взимать въ предѣлахъ распространенія русской торговли въ XI вѣкѣ. Это свидѣтельствуетъ о томъ, что разбираемый нами эпизодъ составляетъ исконную принадлежность пѣсни о Глѣбѣ. Описаніе пошлинъ соотвѣтствуетъ историческимъ даннымъ. Издавна пошлину брали за проѣздъ черезъ мосты. Эта пошлина въ былинѣ называется „мостовое“ или „мостовая“; въ грамотахъ XII—XIV вв. она именуется „мостовщиной“. Точно также, упоминаемая въ былинѣ пошлина за право пристать къ берегу (яру) дѣйствительно существовала, и въ ханскихъ ярлыкахъ носитъ названіе „побережнаго“; штрафъ за уклоненіе платить товарную пошлину назывался „протаможьемъ“; очевидно, этотъ терминъ въ искаженномъ видѣ сохранился въ былинномъ выраженіи „не протаможила“¹⁾.

Перехожу къ выясненію вопроса объ отношеніи князя Глѣба къ кораблямъ, захваченнымъ въ Корсунѣ. Изъ былины видно, что корабельщики были княжескими агентами, производившими торговыя операціи по довѣренности. Извѣстно, что князья южныхъ областей, собирая дань преимущественно натурою, обладали значительными товарами и нерѣдко отправляли ихъ за границу со своими купцами или „съ добрыми людьми“, кому они вѣрили. Именно въ роли защитника своихъ купцовъ выступаетъ Глѣбъ. Опять былина переноситъ насъ къ тому времени, когда военныя предпріятія князей имѣли цѣлью установленіе порядка, способствующаго ихъ торговымъ интересамъ, т. е. къ XI вѣку. Обратимъ вниманіе на одну подробность былины: корабельщики везли въ подарокъ князю перчатки; Маринка ихъ отобрала:

¹⁾ См. мои Бытовыя черты р. былинъ, 28; Аристовъ, Промышленности древней Руси, 224, 230.

А да взяла она трои рукавочки,
 Что да тѣ трои рукавочки, трои перчаточки;
 А какъ эти перчаточки онѣ спиты были, не вязаны,
 А вышиваны-ти были краснымъ золотомъ,
 А высаживаны дорогимъ-то скатнымъ жемчугомъ,
 А какъ всажено было камень самоцвѣтное.
 А какъ первы-ти перчатки во пятьсотъ рублей,
 А други-ти перчатки въ цѣлу тысячу,
 А какъ третьимъ перчаткамъ цѣны не было.

Это указаніе былинны имѣетъ бытовое основаніе. Изъ грамотъ XIII в. известно объ обычаяхъ прїѣзжихъ купцовъ совершать подношенія князьямъ, а также лицамъ, замѣняющимъ ихъ, — тюнамъ и посадникамъ; подносили цѣнныя матеріи или „персчатыя рукавицы“. Этотъ обычай въ особенности былъ распространенъ въ Новгородѣ, гдѣ онъ существовалъ только въ древнѣйшее время, въ періодъ могущественнаго положенія князей ¹⁾. Объ этомъ обычаяхъ сохранилась память также въ былинѣ о Соловѣ Будимировичѣ; но Соловей подноситъ князю не перчатки, а камку и драгоценныя металлы и камни. Сборъ съ купцовъ въ пользу князя былъ вознагражденіемъ за ту охрану, которую давалъ онъ съ своей дружиной купеческимъ караванамъ. Въ соотвѣтствіе съ этимъ обстоятельствомъ, Глѣбъ Володьевичъ, какъ только узнаетъ о притѣсненіяхъ, которыя терпятъ корабли въ Корсуни, тотчасъ же идетъ ихъ выручать.

Вотъ всѣ историческія черты, сохранившіяся отъ древнѣйшаго вида былинны въ современныхъ ея пересказахъ; но и этихъ немногихъ чертъ достаточно, чтобы судить о времени ея сложенія.

Въ заключеніе подведемъ итоги нашихъ замѣчаній о былинѣ:

1) По поводу похода двухъ князей на Херсонесъ въ 1077 году возникли пѣсни, которыя прославляли ихъ за успѣшную защиту русскихъ торговыхъ судовъ, терпѣвшихъ притѣсненія со стороны администраціи города.

2) Главнымъ героемъ этихъ пѣсней былъ старшій изъ двоюродныхъ братьевъ, князь тмутороканскій и новгородскій, Глѣбъ Святославичъ; въ былинѣ сохранилось его имя.

3) Отчество былиннаго героя, Глѣба Володьевича, усвоено было ему позднѣйшими пересказами пѣсни, которые отвлекли

¹⁾ Бытовыя черты р. былинъ, 27—29; Никитскій, Исторія экономическаго быта В. Новгорода, 136, 160; ср. 145, 151.

это отчество отъ имени другого участника похода, Владимира Мономаха: Володьевичъ = Всеволодовичъ.

4) Историко-бытовья черты, сохранившіяся въ былинѣ, подтверждаютъ мнѣніе о ея возникновеніи, въ первоначальномъ видѣ, въ концѣ XI вѣка.

5) Въ эпоху татарскаго нашествія героиня былины, Марина, получаетъ отчество „Кайдаровна“, отвлеченное отъ имени хана Кайдара, упоминаемаго въ южной лѣтописи, но не извѣстнаго сѣвернымъ лѣтописцамъ.

6) Поэтический сюжетъ былины восходитъ къ неизвѣстному византійскому сказанію, остаткомъ котораго является передѣланная съ греческаго повѣсть о Басаргѣ; мѣсто дѣйствія этой повѣсти, приморскій городъ Антіохія, перенесено на другой приморскій городъ—Херсонесъ. Былина возникла въ предѣлахъ сильнаго византійскаго вліянія, во всякомъ случаѣ — въ южной Россіи.

7) Изъ географическихъ указаній былины, одни сохранили названія, бывшія въ иноземномъ ея оригиналѣ (Арапская земля, „Муромецъ“ вмѣсто „Муринъ“), другія свидѣтельствуютъ о прикрѣпленіи иноземнаго сказанія къ русской почвѣ (Корсунь, Новгородъ).

8) Въ началѣ XVII в. былина еще была извѣстна на югѣ: она послужила оригиналомъ малорусской думы объ Иванѣ Богуславцѣ.

9) Записанная у терскихъ казаковъ пѣсня о Маринѣ Кайдаровой представляетъ собою искаженное начало былины о Глѣбѣ Володьевичѣ; эта пѣсня болѣе точно сохранила отчество Марины, искаженное во всѣхъ другихъ былинахъ, упоминающихъ Маринку (Кайдаловна, Кайдаловка, Калайдашна).

Нѣкоторые изъ частныхъ выводовъ должны пока считаться предположительными.

Когда статья была уже набрана, явился новый матеріалъ, позволяющій сдѣлать къ ней нѣкоторыя добавленія. Въ „Извѣстіяхъ Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ“ 1904 г., т. IX, кн. 2, акад. А. Н. Веселовскій приводитъ „нѣсколько данныхъ къ повѣсти о Басаргѣ“. Я приведу

тѣ замѣчанія г. Веселовскаго и тѣ новыя рукописныя данныя, которыя имѣютъ отношенія къ высказаннымъ мною догадкамъ.

Мое мнѣніе о замѣнѣ Царьграда Кіевомъ подтверждается соображеніями акад. Веселовскаго, который, пользуясь новою рукописью повѣсти, рѣшаетъ, что Кіевъ, какъ мѣсто, откуда выѣзжаетъ Басарга, принадлежитъ русскому приуроченію. Эта рукопись начинается такъ: „Бысть нѣкій купецъ Дмитрій Басарга, женишеса въ Русской земли, во граде Кіеве“; онъ ѣдетъ—изъ Кіева; когда впослѣдствіи Борзосмыслъ посылаетъ отца за матерью, онъ отправляется—„в преславнѣйши Царьградъ“ (стр. 66).

Относительно города, куда занесло корабли Басарги, мнѣ было извѣстно указаніе г. Пыпина, что въ одной рукописи этотъ городъ названъ Антиохіей. Акад. Веселовскій приводитъ выписку изъ этой рукописи, гдѣ названіе Антохіи встрѣчается четыре раза, а также изъ рукописи, принадлежавшей Тихонравову, гдѣ упоминается „Антиохійское царство“. Эта рукопись замѣчательна своимъ началомъ, не встрѣчавшимся въ другихъ: здѣсь разсказывается о томъ, что въ Антиохіи царствовалъ 17 лѣтъ Аркадій; онъ тамъ умеръ и погребенъ былъ патриархомъ Амфилохіемъ. По смерти Аркадія греки съ патриархомъ отправили пословъ въ Римъ и просили отпустить къ нимъ въ цари епарха Несміяна Гордаго. Несміянъ согласился на ихъ просьбу и вмѣстѣ съ римлянами пріѣхалъ въ Антиохійское царство. По дьявольскому наважденію, онъ прельстилъ грековъ, а потомъ сталъ отнимать у нихъ пищу, питье, золото и серебро, привлекая ихъ къ латынской вѣрѣ. Это введеніе объясняетъ слова дочери Несміяна (въ двухъ рукописяхъ), которая говоритъ о себѣ, что она—вѣры латынской, земли римской (стр. 67—68).

Акад. Веселовскій приводитъ также выписки изъ особой редакціи повѣсти; эту редакцію онъ считаетъ новой стилистической обработкой, происшедшей въ XVII вѣкѣ. Здѣсь является нѣсколько новыхъ именъ: сынъ Басарги называется Форсомъ; патриархъ названъ св. Нектаріемъ. Является новое приуроченіе: мѣсто дѣйствія повѣсти—„Венецѣя великая“, хотя она смѣшивается съ Кіевомъ. Всѣ ли особенности этой рукописи представляютъ позднѣйшую переработку, на этотъ вопросъ акад. Веселовскій не рѣшается дать категорическаго отвѣта: „Что изъ отличій этой распространенной редакціи повѣсти окажется при-

надлежащимъ ея древнему составу, на это отвѣтить трудно“ (стр. 71). Возможно, что кое-что въ ней уцѣлѣло и изъ не дошедшаго до насъ древняго извода. Такъ, купецъ Димитрій носить прозвище Басаргинъ, что ближе подходитъ къ нарицательному имени (перс. бѣзъарганъ=купецъ), возведенному въ собственное. Возможно также, что въ этой редакціи сохранилось имя дочери Несміяна. Я уже отмѣтилъ, что только въ рукописи г. Григорьева упоминается имя, данное дочери Несміяна послѣ крещенія. Здѣсь я привожу это мѣсто: „Царь же повеле патриарху крестити царицу и со дщерью... Призвавъ царь царицу, нарече себе вторую мать, а дщерь ея нарече себе невестою, повелѣ еи блюсти до брачнаго дни... И посемъ, егда приспѣ уречены брачныи день царю, и тогда поять оныя вышереченыя вторыя матери своей царицы и дщере ея, обрученію себѣ въ царицу, Еупраксію“. Въ рукописи, приводимой г. Веселовскимъ, мы читаемъ слѣдующее: Борзоосмыслъ „взя прекрасную и предивную дѣвицу Зевериаду, дщерь... Несміяна Гордаго, и крестиша ее и нарекоша имя ей Маремьяміа“. Здѣсь мы находимъ два новыхъ имени, при чемъ имени Евпраксіи соотвѣтствуетъ имя Маремьяны (Маріамны). Быть можетъ, послѣднее имя бросить свѣтъ на загадочную личность былинной Маринны. Я уже указывалъ, что это имя въ нашихъ былинахъ — типическое и придается женщинамъ-иностранкамъ, иной вѣры, злобнымъ и измѣнчивымъ. Какъ на такой типъ, я указывалъ между прочимъ на невесту Ивана Годиновича. Въ большинствѣ пересказовъ былины она носитъ имя Настасьи, но въ „Печорскихъ былинахъ“ г. Ончукова мы встрѣчаемъ рядомъ два имени: „На душкѣ-Маринкѣ лебедь-бѣлой, На той Маремьяны на прекрасной,“—и далѣе она называется то Маремьяной, то Маринкой (стр. 313 и слѣд.). Что звуки *яи* въ этомъ имени не поздняго происхожденія, о томъ свидѣтельствуетъ отчество невесты Ивана Годиновича изъ „Бѣлом. был.“, стр. 97,—Митреяновна. Сравнивая былинку о Глѣбѣ Володьевичѣ съ повѣстью о Басаргѣ, я отмѣтилъ, что дочь Несміяна соотвѣтствуетъ Маринѣ Кайдаровой; въ новой редакціи повѣсти мы находимъ имя Маремьяны. Теперь можетъ быть поставленъ вопросъ: не принадлежало ли это имя первоначальной редакціи повѣсти и не находилось ли оно также въ томъ предполагаемомъ сказаніи, которое послужило оригиналомъ былины? Во всякомъ случаѣ,

имя „Маріамна“ могло дать форму „Марина“, какъ оно дало формы „Маремьяна“, „Марьяна“, „Мариха“ (последнюю, уничтожительную, форму имени Маремьяна я слышалъ на Терскомъ берегу Бѣлаго моря). Несомнѣннымъ является также то, что оба имени, даваемая дочери латинскаго епарха, въ былинахъ усвоены иностранкамъ, на которыхъ женятся (кн. Владимиръ—Апраксія) или пытаются жениться (Добрыня — Маринка) герои русскаго эпоса.

Ак. 2433

1.50

2 кн

2 кн.

Цѣна 50 коп.

Того же автора:

Бѣломорскія быliny, съ предисловіемъ проф. В. О. Миллера. М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бытовыя черты русскіхъ былинъ. М. 1904. Ц. 1 рубль.

Что такое Овсень? Изъ исторіи русской и латышской весенней обрядности. М. 1905. Ц. 20 коп.

Пѣсни русскаго народа о войнѣ и солдатчинѣ. (Печатается).

Матеріалы, собранныя въ Архангельской губ. лѣтомъ 1901 г.

Духовные стихи, быliny и историческія пѣсни, причитанія. Ч. I. (Печатается).

А. Марковъ.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО ВЫЛЕВОВОГО ЭПОСА.

Выпускъ II-й.

(Оттискъ изъ LXVII и LXX—LXXI кн. «Этнографическаго
Обозрѣнія»).

ПОСТАВЦЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА
МОСКВА, ТВЕРСКАЯ,

Г-но СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МАМОНОВСКІЯ ПЕР., СЪЗЪ Д.

1907.

А. Марковъ.

М. Карповъ
3/XII — 1910.

ИЗЪ ИСТОРИИ
РУССКАГО БЫЛЕВОГО ЭПОСА.

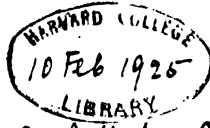
Выпускъ II-й.

(Оттискъ изъ LXVII и LXX—LXXI кн. «Этнографическаго
Обозрѣнія»).

ПОСТАВЪ ДВОРА ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА СЮРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ
МОСКВА, ТРЕТЬЯКОВСКАЯ, МАМОНОВСКИЙ ПЕР., СОБ. Д.
1907.

27222.90

J. L. Kirtledge

Изъ исторiя русскаго былевого эпоса.

IV ¹⁾.

Добрыня-змѣборецъ. Взаимоотношенiе различныхъ версiй былины.

Анализу былинь о Добрынь-змѣборцѣ посвящены двѣ статьи проф. В. Ө. Миллера ²⁾. Указавши историческую основу этихъ былинь и своеобразный психологическiй процессъ, осложнившiй эту основу сказочнымъ мотивомъ змѣборства, проф. Миллеръ считалъ свою задачу исполненной. „Въ настоящемъ экскурсѣ, говорить онъ (стр. 50), я не имѣлъ въ виду разсмотрѣть всѣхъ деталей былиннаго разсказа о боѣ Добрыни со змѣемъ, каковы: первое нападенiе змѣя, договоръ Добрыни съ нимъ, полученiе богатыремъ невѣсты отъ змѣя, похищенiе княженицкой племянницы, вторичный бой и побѣда Добрыни. Исторiя этихъ деталей требуетъ отдѣльнаго изслѣдованiя“.

Моя статья имѣетъ цѣлью собрать данныя для уясненiя исторiи былины на русской почвѣ, для чего необходимо детально разсмотрѣть всѣ извѣстные пересказы.

Читая былины о Добрынь-змѣборцѣ, легко замѣтить, что всѣ пересказы, записанные въ Олонецкой губернiи, начинаются съ упоминанiя Пучай-рѣки: либо мать не совѣтуетъ Добрынь купаться въ рѣкѣ, либо онъ проситъ позволенiя ѣхать къ рѣкѣ. Такъ же начинается короткiй пересказъ, записанный въ Саратовской губ. ³⁾. Пересказы, записанные на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, начинаются съ описанiя пира у князя Владимира.

¹⁾ См. „Этн. Обзор.“ 1904, № 3 (яв. LXII).

²⁾ Экскурсы въ область русскаго народнаго эпоса. М. 1892. Стр. 32—54. Очерки русской народной словесности. Былины. М 1897. Стр. 144—148.

³⁾ *Кирьескiй*, VII. Прилож., 10.

Всѣ остальные пересказы начинаются съ рожденія Добрыни. На основаніи этихъ различій въ началѣ былины я предварительно раздѣлю ея пересказы на три типа: I олонецкій, II Зимняго берега, III восточный (къ послѣднему принадлежитъ пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова и др.).

I типъ, олонецкій.

Я начну разборъ перваго типа съ трехъ пересказовъ (обозначаю ихъ — а), отличающихся отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что къ нимъ непосредственно примыкаетъ рассказъ о встрѣчѣ Добрыни съ поляницей и о женитьбѣ на ней. Всѣ эти пересказы имѣютъ между собою близкое сходство. Два изъ нихъ ¹⁾ записаны въ Кижской волости Петрозаводскаго уѣзда, третій ²⁾ — въ Повѣнецкомъ уѣздѣ.

Матушка Добрынюшкѣ говаривала,
Матушка Никитичу наказывала:
„Ты не ѣди-тко на гору Сорочинскую,
Не топчи-тко тамъ ты малыхъ змѣенышей,
Не выручай же полону тамъ русскаго;
Не купишь-ко ты во матушкѣ Пучай-рѣкѣ:
Но Пучай-рѣка очень свирѣлая:
Но средняя-то струйка, какъ огонь сѣчетъ“.

Добрыня не слушался матери, ѣздилъ на Сорочинскія горы и топталъ змѣенышей. Однажды стало ему жарко, онъ подѣхалъ къ Пучаю, раздѣлся и сталъ купаться.

Вѣтра нѣтъ, да тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, да будто дождь дождить,
Ай дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Грому нѣтъ, да искры сыплются ³⁾.
Налетѣло змѣище Горынячище,
О двѣнадцати змѣя о хоботахъ:
„А теперь Добрыня во моихъ рукахъ:
Захочу, Добрыню теперь потоплю,
Захочу, тебя Добрыню теперь цѣло сожру,
Захочу, тебя Добрыню въ хобота возьму,
Въ хобота возьму Добрыню, во нору снесу“.

1) Рыбниковъ, I, № 24 = Гильфердингъ, № 148; Гильфердингъ № 157.

2) Гильфердингъ, № 5.

3) Иначе: „Громъ гремитъ, да свищетъ молвія“.

Добрыня былъ гораздъ плавать; онъ перенырнулъ съ одного берега до другого; но у него не было ни кося, ни меча, ни кося. Онъ схватилъ колпакъ земли Греческой, отшибъ имъ змѣѣ двѣнадцать хоботовъ, и она упала въ ковыль-траву. Онъ уже хотѣлъ ножомъ ей распластать грудь, но она возмолилась:

„Будь-ка ты, Добрынюшка, да большій братъ,
Я тебѣ, да сестра меньшая.
Мы положимъ съ тобой заповѣдь великую,
Чтобъ не ѣздити тебѣ во далече чисто поле,
Не топтать-то, вѣдь, младыхъ змѣенышей;
А мнѣ не летать больше на святую Русь,
Не носить-то людей да во полонъ къ себѣ“.

Проклятая змѣя поднялась подъ облака. Случилось ей летѣть черезъ Кіевъ; она захватила князеву племянницу Забаву Путятичну и унесла въ свою нору (пещеру). Князь Владимиръ по три дня кликалъ былицъ-волшебницъ; не могъ докликаться, кто бы могъ достать Забаву. Алешенька Левонтьевичъ указываетъ князю, что это можетъ сдѣлать Добрыня, какъ крестовый братъ змѣи. Добрыня узнаетъ отъ князя о порученіи и жалуется матери на свою бѣду. Мать ему говоритъ: „ложись спать; утро мудренѣе вечера“. На слѣдующій день Добрыня сѣдлаетъ коня своего дѣдушки. На прощанье мать подаетъ ему плетку и говоритъ:

„Когда будешь далече во чистомъ полѣ,
На тѣхъ горахъ да Сорочинскихъ,
Станешь топтать маленькихъ змѣенышей,
Подточать у бурка они да щеточки ¹⁾),—
Такъ возьми ты плеточку шелковую,
Бей бурушка промежду ушей,
Промежду ноги, да ноги заднія.
Станетъ бурушка-кавурушка поскакивать,
А змѣенышей отъ ногъ онъ да отряхивать,
Притопочетъ всѣхъ да до одинаго“.

Добрыня такъ и дѣлаетъ. Змѣя выходитъ изъ норы и обвиняетъ Добрыню въ нарушеніи уговора, Добрыня ей возражаетъ:

„Чортъ ли ты несъ да черезъ Кіевъ градъ!
Ты зачѣмъ взяла князеву племянницу?
Ты отдай безъ брани, безъ бою, кровопролитія“.

¹⁾ Пучки волосъ падъ заднюю часть копытъ.

Змѣя на это не соглашается и бьется съ Добрыней. Далѣе между пересказами оказывается нѣкоторое различіе. Въ пересказахъ Гильфердинга №№ 5 и 148 (Чукова) Добрыня помогаетъ небесная сила, въ пересказѣ же Гильф. № 157, а также въ записи, сдѣланной Рыбниковымъ (I, № 24) у того же Чукова о небесной силѣ не говорится. Но нужно замѣтить, что во всѣхъ записяхъ упоминается, что битва продолжалась три дня; я думаю, что послѣднее обстоятельство указываетъ на то, что въ версіи, отъ которой произошли всѣ эти пересказы, говорилось о небесной силѣ, п. ч. въ противномъ случаѣ указаніе на трехдневный бой безъ его описанія было бы страннымъ.

Добрыня бился со змѣей трое сутокъ, и хотѣлъ уже уѣхать отъ нея, какъ вдругъ съ небесъ Добрыня гласъ гласить:

„Бился со змѣей ты да трои сутки,
А побейся-ка съ змѣей да еще три часа“.

Добрыня послушался и побилъ змѣю. Змѣя пустила кровь отъ востока до запада. Добрыня стоялъ въ крови трое сутокъ, испугался и хотѣлъ уѣхать, но съ небесъ ему опять гласъ гласить:

„Бей-ка ты копьемъ да во сыру землю,
Самъ къ копью да приговаривай:
Разступись-ка матушка сыра земля,
На четыре разступись да ты на стороны,
Ты пожри-ка эту кровь да всю змѣвиною“.

Добрыня все это исполнилъ, и кровь ушла въ землю. Тогда Добрыня вошелъ въ змѣиныя пещеры и вывелъ оттуда много полоненныхъ людей; въ послѣдней пещерѣ онъ нашелъ Забаву Путятичну и вывелъ ее на бѣлый свѣтъ.

А садился тутъ Добрыня на добра коня,
А садилъ же онъ Забаву на правѣ стѣгню
И поѣхалъ тутъ Добрыня по чисту полю.

Далѣе во всѣхъ пересказахъ описывается встрѣча Добрыни съ поляницей. Переходъ къ этому сюжету сдѣланъ не особенно удачно. Добрыня передаетъ Забаву Алешѣ Поповичу, чтобы свезти ее въ Кіевъ, при чемъ или Алеша почему то оказывается около пещеры (Гильф. № 157), или Добрыня нагоняетъ его въ полѣ (№№ 5, 148).

Въ слѣдующую группу—б—я соединяю три пересказа, записанные въ Кижской волости. Самостоятельное значеніе имѣеть

лишь одинъ изъ нихъ (Гильф. № 79), два же другіе представляютъ отрывки (Гильф. 123 и Гильф. № 93 = Рыбн. I, № 23).

Начало этихъ пересказовъ очень различно. № 79 нѣсколько отстываетъ здѣсь отъ олопецкаго типа:

Да й спородила Добрыню родна матушка
Да возростила до полного до возраста.
Сталъ молоденькій Добрынюшка Микитинецъ
На добромъ конѣ въ чисто поле поѣзживать,
Сталъ онъ малыхъ змѣенышей потаптывать и т. д.

№ 123, записанный у очень дурного сказителя Щеголенка, начинается рѣчью Добрыни къ богатырямъ о томъ, что теперь—лѣто, и ему хочется покупаться въ рѣкѣ Почаевой. Далѣе онъ о томъ же говорить матери.

Начало № 93 представляетъ собою вставку изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ (ср. ст. 1—23 и № 100, ст. 1—19). Последняя былина очень часто начинается жалобой Добрыни на судьбу передъ матерью. Далѣе Добрыня говоритъ матери, что его посылаютъ въ Сорочинскую землю, на Пучай-рѣку, выручать княжескую племянницу. Это, конечно, сказитель перенесъ изъ второй половины былины, которую онъ забылъ.

Въ этой группѣ также упоминаются Сорочинскія горы или земля; № 123, очевидно, забылъ это названіе. Добрыня выѣзжаетъ вооруженнымъ: по № 79 онъ беретъ палицу, по № 123—палицу, копье и саблю, по № 93 онъ бьетъ змѣю палицей, въ латахъ и кольчугѣ. Когда онъ собирается купаться, его предостерегаютъ портомойницы, чтобы онъ купался не нагимъ, а въ рубашкѣ. Добрыня имъ отвѣчаетъ:

„А вы сами спали, себѣ сонъ видѣли“ (93);

или, дальше отъ подлинника:

„Ничего-то вы вѣдь, дѣвушки, не знаете;
Только знайте-тко вы, дѣвушки, сами себя“ (79).

В. О. Миллеръ (Экскурсы, 46 ¹⁾) указалъ, что эта деталь зашла сюда изъ былины о Василии Буславѣвичѣ. Въ другихъ группахъ мы ея не находимъ.

Въ этой группѣ новымъ является также то, что Добрыня ѣдетъ со слугой. Собираясь купаться онъ говоритъ (№ 123):

¹⁾ Ср. Потехня, Объясненія малор. и ср. пѣсень, II, 360.

„Ай же ты дѣтинка неудакова (?)!
Покарауль-ко ты коня да богатырскаго
А у той ли у рѣченьки Почаевои“.

Когда Добрыня заплылъ за среднюю струю,

Закричалъ-то малый паробка,
Закричалъ паробья громкимъ голосомъ:
„Ай же ты Добрынюшка Микитиничъ!
Изъ-подъ западныхъ сторонушки идетъ шумъ великъ“ (№ 93 ¹).

И въ двухъ другихъ пересказахъ змѣя является съ западной стороны. Далѣе, встрѣчаемъ указанія на количество головъ у змѣи: по № 79 она—о трехъ головахъ (стихъ 116), по № 123 она—восьмиглавая.

№ 93 оканчивается тѣмъ, что змѣя обѣщается отдать Добрынь „королевичну“; конечно, это—та же княженецкая племянница, о которой упоминалось, какъ я указалъ, не на мѣстѣ.

Дальнѣйшее содержаніе № 123 иредставляетъ большую путаницу. Змѣя взмолилась человѣчьимъ голосомъ: не руби моей головы; я иду къ морю, къ великому королю; у него есть дочь:

„Брови-то у ней черна соболя,
И очи у ней ясна сокола.
По косицамъ-то у ней звѣзды частыя...
Я достану эту королевичну отъ синя моря“.

Черезъ три дня Добрыня находитъ дѣвицу на берегу рѣки и увозить ее въ Кіевъ. Мать говоритъ Добрынь, что дѣвица вышла изъ невѣрной земли, а князь Владимиръ пеняетъ ему за то, что онъ не отрубилъ змѣѣ головъ. На этомъ пересказъ прерывается.

„Въ этотъ вариантъ“, говоритъ Потебня ²), „кажется; единственный извѣстный въ своемъ родѣ, внесенъ величальный мотивъ: змѣя—свать“. Въ дѣйствительности тутъ нѣтъ ничего подобнаго. Щеголенокъ извѣстенъ, какъ сказитель, путающій былины и вставляющій въ нихъ сказочные эпизоды. Такъ, въ былинѣ объ Ильѣ Муромцѣ и Соловѣѣ разбойникѣ онъ вставилъ

¹) По № 79, ст. 200, у Добрыни тоже есть паробокъ, но онъ остается дома.

²) Объясненія малор. и сродныхъ нар. пѣсень, II, 361.

нѣсколько деталей изъ сказки объ Ерусланѣ ¹⁾. Дочь Соловья между прочимъ говоритъ Ильѣ:

„Во подсолнечномъ градѣ у короля
Есть дочь единая:
Брови у ней черна соболя,
Очи у ней ясна сокола,
По косицамъ у ней звѣзды частыя“.

Описаніе подобной красавицы Щеголенокъ вставилъ и въ былинѣ о Добрынѣ, конца которой онъ не зналъ.

Въ дальнѣйшемъ № 79 представляетъ слѣдующія особенности, сравнительно съ группой *a*. Змѣя грозитъ взять Добрыню въ полонъ, сжечь или пожрать. Договоръ змѣи излагается такъ:

„Мы напишемъ съ тобой записи промежъ собой,
То велики записи, немалыя:
Не съѣзжаться бы вѣкъ по вѣку въ чистомъ полѣ,
Намъ не дѣлать бою-драки-кроволитія промежъ собой“.

Былицы-волшебницы не упоминаются; вмѣсто того князь на пиру держитъ слѣдующую рѣчь:

„Ай же вы мои да князи бояра,
Сильны русскіе могучіе богатыри,
Еще всѣ волхи бы, всѣ волшебники!
Есть ли въ нашемъ во городѣ во Кіевѣ
Таковы люди, чтобъ съѣздить имъ да во чисто поле...
Кто бы могъ достать да племничку любимую,
А прекрасную Забавушку Путятичну!“

Таковыхъ людей во градѣ не находится. Мы увидимъ волхвовъ и въ другихъ группахъ, но уже въ другомъ мѣстѣ былинны. Далѣе въ пересказѣ включена вставка изъ былинны о Потыкѣ. Эта былина извѣстна въ Кижяхъ (Гильф. №№ 158 и 150); въ ней говорится о томъ, какъ князь Владимиръ посылаетъ Илью Муромца и Потыка въ Золотую орду и въ Швецію получить дань за двѣнадцать съ половиною лѣтъ; въ нашей былинѣ Золотая орда замѣнена Политовской землей, и кромѣ того, Владимиръ проситъ не выправить дань, а наоборотъ, отвезти къ королямъ; послѣднее мы находимъ въ былинѣ того же Рябинина (№ 80 „Добрыня и Василій Казимировъ“), отъ котораго запи-

¹⁾ Миллеръ, Очерки, 404—406.

сана и разбираемая теперь былина. Что касается повода внесения этого эпизода, то онъ достаточно ясенъ: князь ищетъ людей для выполнения своего порученія—и не находитъ таковыхъ; пѣвецъ хочетъ объяснить, почему это такъ, и прибавляетъ, что нѣкоторые богатыри были посланы въ чужія земли.

Указываетъ князю на Добрыню также Алеша, но онъ называется Григорьевичемъ (какъ и въ № 77, ст. 27 того же Рябинына). Не упомянуто о томъ, что Добрыня конь достался отъ дѣда, что при отъѣздѣ Добрыни мать давала ему наказанія. Говорится о томъ, что конь, притоптавши множество змѣенышей, сталъ припадывать на ноги, но почему это случилось, пересказъ не упоминаетъ (змѣеныши подточили щетки у коня). Второй бой сильно скомканъ: передъ входомъ въ змѣиный норы Добрыня надѣваетъ доспѣхи, беретъ саблю, копье, палицу и шалыгу подорожную; змѣя не хочетъ отдать Забаву безъ боя; но бой не описывается, хотя Добрыня привозитъ ее къ князю. Ясно, что въ прототипѣ этого пересказа было описаніе боя. Объ освобожденіи полоненныхъ людей пересказъ упоминаетъ.

Къ слѣдующей группѣ—*с*—я отношу краткій пересказъ, записанный на Кенозерѣ (Гильф. № 289). Этотъ пересказъ имѣетъ всего 46 стиховъ, и многія детали въ немъ сглажены: нѣтъ названій Добрыниной матери, рѣки, Сорочинскихъ горъ, князя Владимира, Забавы; вмѣсто послѣдней является безымянная дѣвица. Начало пересказа—наказъ матери не купаться. Въ битвѣ со змѣей новымъ является отвѣтъ Добрыни на ея угрозы:

„А нагого слотить—да будто мертваго!
Дай надѣть платье богатырское“.

Такой отвѣтъ мы увидимъ въ пересказахъ другихъ типовъ. Затѣмъ, въ этомъ пересказѣ есть причитаніе унесенной змѣей дѣвушки:

„И моя-та коса да желто-руся!
Плетена у родителя у матушки,
Во новомъ во высокомъ во теремѣ;
Расплетать стануть маленьки змѣеныши
Да во тѣхъ во пещерахъ во глубокѣхъ“.

Это причитаніе, не встрѣчающееся въ другихъ олонекскихъ пересказахъ, несомнѣнно, зашло сюда изъ былины о Козаринѣ.

Второй бой Добрыни со змѣей скончанъ. Добрыня освобождаетъ изъ пещеръ несчѣтное количество народу, который долго тамъ сидѣлъ:

Сидятъ старушки-то—посѣдатели,
У грудей висятъ маленьки змѣенышки.

Эту подробность мы увидимъ и въ другихъ группахъ, но въ болѣе удачномъ пониманіи.

Изъ олонецкихъ пересказовъ мы находимъ ее лишь въ одномъ (Гильф. № 191), въ которомъ имя Добрыни замѣнено именемъ Дуная. Начинается этотъ пересказъ—обозначимъ его :—описаніемъ охоты:

Гулялъ Дунаюшко по чисту полю,
Стрѣлялъ Дунаюшко сѣрыхъ утушекъ.

Далѣе къ этому прибавляется нѣсколько словъ, обычныхъ при описаніи дѣтства богатыря (Василій Буславьевичъ, Козаринъ, Ерусланъ и др.):

Убилъ Дунаюшко головъ безповинныхъ;
Бого за руку щипнулъ, то рука прочь,
Кого за ногу щипнулъ, то нога прочь.

Описанія дѣтства богатыря и его охоты мы находимъ и въ другихъ группахъ былины. Далѣе мы видимъ въ былинѣ непосредственный переходъ ко второй части былины о Добрынѣ, гдѣ говорится о похищеніи. Пещорская змѣя унесла племянницу и крестницу царя. Царь посылаетъ за нею Дунай. Выборъ царя, конечно, не мотивированъ, такъ какъ эта мотивировка дѣлается на основаніи первой части былины о Добрынѣ, а этой части въ пересказѣ нѣтъ. Пересказъ сохраняетъ извѣстіе о томъ, что порученіе царя заставляетъ богатыря кручиниться. Дунай беретъ отцовскаго коня (въ I, а—дѣдушкина); мать подаетъ ему плетку въ сорокъ пудовъ. Далѣе объ этой плеткѣ не говорится, но мы видѣли, для чего Добрынѣ нужна была плетка, въ I, а и въ I, б. Дунай приѣзжаетъ къ пещорской змѣѣ; дѣвица ему говоритъ:

„А пусть змѣя лютая
Нажрется груди бѣлою,
Груди бѣлою дѣвочью“.
Нажралась змѣя пещорская
Груди бѣлыя, груди дѣвочью,
И повалилась змѣя пещорская,
Заснула сны крѣпкими.

Такое представленіе въ другихъ пересказахъ не встрѣчается; оно представляетъ собою сказочную черту, замѣнившую другое представленіе: женщина кормитъ змѣнышей. Въ связи съ такой замѣной находится и измѣненіе подвига Добрыни: онъ не бьется со змѣей, а увозитъ отъ нея дѣвицу во время сна.

Далѣе царь узнаетъ отъ племянницы, что Дунай ея не пристыдилъ дорогою, и отдаетъ ее за него замужъ. Такого окончанія мы не находимъ въ другихъ пересказахъ.

Въ слѣдующую группу—*d*—я соединяю два очень близкіе между собою пересказа Гильф. №№ 59 и 64, записанные въ Пудожскомъ уѣздѣ, и № 241. Послѣдній примыкаетъ къ № 59 той чертой, что въ нихъ обоихъ рассказывается въ началѣ объ охотѣ Добрыни на берегу моря:

И поѣхалъ онъ Добрыня во чисто ли во поле,
И пріѣхалъ онъ Добрыня ко синю ко морю,
Ко синю морю Добрыня ко морю Черному,
Стрѣлялъ онъ, палилъ гусей, лебедей
И малыя пернастыя утицы.
А ѣ влетъ, тѣмъ ли Добрынюшка питается (241).

Иначе представлено дѣло въ № 59:

Какъ во стольномъ во городѣ во Киевѣ
Жилъ былъ тамъ удалый добрый молодецъ,
Молодой Добрынюшка Микитиничъ.
Пожелалъ-то идти онъ за охотою...
А ѣ беретъ-то вѣдь Добрыня да свой тугой лукъ,
Этотъ тугой лукъ Добрынюшка разрывчатый,
А ѣ беретъ-то вѣдь онъ стрѣлочки каленныя.
А ѣ приходитъ-то Добрыня ко синю морю,
А ѣ приходитъ-то Добрыня къ первой заводи (заливу),—
Не попало тутъ ни гуся, ни лебеда,
А ѣ ни сѣраго-то малаго утеныша.

То же случилось и у другихъ заводовъ. Разгорѣлось у Добрыни сердце, онъ возвращается домой и проситъ у матери позволенія ѣхать къ Пучай-рѣкѣ. Эпизодъ Добрыниной охоты мы видѣли уже въ I 3; увидимъ и въ другихъ группахъ. Море въ другихъ олонецкихъ группахъ не упоминается, но о немъ говорится въ пересказахъ другихъ мѣстностей.

Проложеніе № 241 сильно искажено; змѣя, налетѣвши на Добрыню, беретъ его на свои черныя хоботы и уноситъ на

змѣиныхъ горы; это искаженіе, вѣроятно, объясняется смутною памятью о Сорочинскихъ горахъ, на которыхъ живеть змѣя и куда она уноситъ не Добрыню, а дѣвицу. Въ связи съ этимъ находится и дальнѣйшее искаженіе: змѣя садится Добрынѣ на грудь, хочетъ ее вспоротъ; Добрыня проситъ помилованія и предлагаетъ быть ей братомъ и вмѣстѣ охотиться. Тогда змѣя опять его несетъ на хоботахъ къ коню. Добрыня одѣвается, садится на коня, беретъ копье и саблей отрубаетъ змѣѣ голову. Далѣе слѣдуетъ начало былинны о Маринкѣ. Окончить былинну сказитель не могъ. Ясно, что побѣда змѣи является искаженіемъ: мало того, что такой исходъ представляетъ Добрыню въ очень непривлекательномъ свѣтѣ,—онъ не отвѣчаетъ ни одному изъ извѣстныхъ намъ пересказовъ.

Обращаюсь къ двумъ другимъ пересказамъ этой группы. Добрыня ѣдетъ на Пучай (59) или Пучайную (64) вооруженнымъ: онъ беретъ съ собою лукъ, стрѣлы, палицу, копье и саблю. Шляпа земли Греческой у него на головѣ:

Налагаль-то на головку шляпу земли Греческой;
Онъ снимаетъ со головки шляпу земли Греческой (59).
Вынимаетъ съ буйной головы
Шляпу свою да земли Греческой (64).

Какъ и въ I, б, Добрыня ѣдетъ не одинъ:

А й беретъ-то Добрыня слугу младаго (59);
Съ собою беретъ онъ товарища
Потыку Михайла Ивановича (64).

Когда показалась змѣя, товарищъ Добрыни испугался:

Младъ-то слуга да былъ онъ торопокъ ¹⁾,
А угнать-то у Добрынюшки добра коня,
А увезъ-то у Добрынюшки онъ тугой лукъ,
А увезъ-то у Добрыни саблю вострую,
А увезъ копье да долгомѣрное,
А увезъ-то онъ палицу военную,
Только онъ оставилъ одну шляпоньгу,
Одну шляпу-ту оставилъ земли Греческой (59).
Тутъ перепался ²⁾ братъ крестовый
Потыкъ Михайло сынъ Ивановичъ,

¹⁾ Конечно, это слово происходитъ отъ „оторопѣть“.

²⁾ Испугался.

Угналъ Добрыни коня добраго,
Увезъ у Добрыни тугой быстрый лукъ,
Палицу увезъ онъ военную;
Копье-то увезъ какъ долгомѣрное,
Саблю увезъ онъ вѣдь вострую.
Одна осталась только шляпа греческа (64).

Спутникъ Добрыни въ I, б былъ названъ паробкомъ и дѣтникомъ; въ этой группѣ онъ называется слугою, что вполне соответствуетъ названію паробка. Имя Потыка попало сюда, конечно, случайно, изъ былины объ этомъ богатырѣ, известной въ Пудожскомъ уѣздѣ (Гильф. № 52); поводъ къ внесенію этого имени подало то, что Потыкъ, также бьется со змѣей, разрываетъ ея змѣеныша и дѣлаетъ съ ней уговоръ. Потыкъ является спутникомъ Добрыни въ былинѣ того же сказителя о Добрынѣ и Алешѣ (№ 65).

Далѣе, особенности этой группы заключаются въ томъ, что выпущены угрозы змѣи, что она имѣетъ эпитетъ „поганой“, (какъ въ I, в, Добрыня отбилъ у нея три хобота), что она уноситъ „царскую дочку, княженицкую“; послѣдняя въ № 59 называется Марфидой *Всеславьевной*, хотя ея отецъ называется княземъ *Владимиромъ*. Замѣтимъ теперь же, что въ пересказѣ Кирши Данилова Марфидѣ Всеславьевнѣ соответствуетъ Марья Дивовна, которая называется *сестрой* кн. Владимира, а послѣдній въ былинахъ всегда носитъ отчество „Всеславьевичъ“¹⁾. Въ № 64 имени похищаемой женщины нѣтъ, но близкое соответствіе этого пересказа № 59 указываетъ на то, что сказитель просто забылъ это имя.

Разбираемая мною группа вноситъ довольно важную поправку къ I, а и б. Эти группы пересказовъ (кромѣ плохого пересказа Гильф. 123) помѣщаютъ Пучай около Сорочинскихъ горъ; предупрежденія матери Добрыни касаются одновременно и купанья въ рѣкѣ, и топтанья змѣенышей на горахъ. Въ группѣ I, в такого смѣшенія нѣтъ: мать наказываетъ Добрынѣ только не купаться; но въ краткомъ пересказѣ этой группы многія детали

¹⁾ Сборникъ Кирши Данилова, 41; Тихонравовъ и Миллеръ, 299. Замѣтимъ, что въ Сказаніи о князьяхъ Владимировыхъ Святославъ названъ Всеславомъ: „Великій князь Всеславъ Игоревичъ ходилъ и взялъ на Константиинъ-градъ тяжчайшую дань“. Ждановъ, Русск. был. вносъ, 598.

сглажены, и поэтому нельзя дѣлать опредѣленные выводы, основываясь на немъ. Въ разбираемыхъ пересказахъ видно вполнѣ ясное разграниченіе двухъ поѣздокъ: первая на Пучай-рѣку, вторая на Туги горы, гдѣ находятся звѣриныя пещеры. Последнее названіе замѣнило, конечно, Сорочинскія горы, упоминаемыя и въ пересказахъ не олонецкихъ. Названіе Тугихъ горъ встрѣчается еще въ одной былинѣ, записанной отъ сказателя, которому принадлежать и № 59, въ былинѣ о Вольгѣ и Микулѣ (№ 55):

А звѣри-ты сбѣжали за Туги горы;

ср. № 45:

Ай звѣри-то ушли за крутыя горы ¹⁾.

На Добрыню указываетъ князю не Алеша Поповичъ, а другое лицо: въ № 64—меньшій бояринъ Иванъ Карамышовичъ, въ № 59—Семень баринъ Карамышецкій. Боярскій родъ Карамышевыхъ извѣстенъ съ начала XV в.; среди лицъ, принадлежавшихъ къ этому роду, попадаютъ и имена Семена и Ивана. Семень Карамышевъ, участвовавшій въ покореніи Казани, упоминается въ одной пѣснѣ у Кирши Данилова (стр. 46) ²⁾; есть пѣсни объ убійствѣ Ивана Карамышева въ 1630 г. ³⁾; въ Олонецкой губерніи записана пѣсня о князѣ Иванѣ Карамышевскомъ (Гильф. № 10); въ архангельскомъ пересказѣ той же пѣсни князь носитъ имя Семена Михайловича ⁴⁾. Несомнѣнно, изъ подобныхъ пѣсней эти имена занесены и въ былинѣ о Добрынѣ.

Въ нашей группѣ Добрыня, получивши княжескій приказъ, тотчасъ ѣдетъ; о томъ, что Добрынѣ конь достался отъ дѣда, не упоминается. По № 59 Добрыня вооружается: онъ беретъ съ собой лукъ, стрѣлы, саблю, копье и палицу; въ № 64 мать, наоборотъ, говоритъ ему:

¹⁾ Сопоставленіе Тугихъ горъ съ Тугарипомъ, сдѣланное акад. Веселовскимъ (Южно-русскія былины, 374), довольно проблематично.

²⁾ Онъ же упоминается въ пѣснѣ объ осадѣ Волога вмѣсто Карамысова, который былъ дѣйствительно волоколамскимъ воеводой (см. Пѣсни Киршевскаго, VI, 188; Соловьевъ, Исторія Россіи, II, 1038).

³⁾ Въ пѣснѣ онъ названъ Семеномъ: Киршев. VII, 131.

⁴⁾ Въдоморскія былины, № 54. Жена Семена Карамышева упоминается въ полународномъ „Сказаніи о молодцѣ и о дѣвцѣ“. Памятники древней письменности. XCIX, стр. 21; Этнографическое Обзорѣніе“ LXI, 168.

„Не бери-тко съ собой туга быстра лука,
Не бери-ко ты палицы военны,
Не бери-ко копя долгомѣрнаго,
Не бери-ко ты сабли съ собой востроу“.

Эти слова нужно считать искаженіемъ, такъ какъ далѣе прямо говорится о томъ, что Добрыня бился-ратился со змѣей трое сутокъ. Какъ и въ I, а, мать, провожая Добрыню, даетъ ему плетку, но назначеніе ея—другое:

„Ай бей змѣю да плеткой шелковой,—
• Покоришь змѣю да какъ скотнину“ (59);

или:

„А махни плетью да ты шелковою,—
Ты склонишь змѣю-то на сыру землю,
Оторвешь у змѣи, вѣдь, шесть хоботовъ,
Придаешь змѣѣ смерть ты вѣдь скороу“ (64).

Здѣсь мы находимъ указаніе на то, что змѣя летала высоко надъ землей, и требовалось чѣмъ-нибудь ее заставить опуститься („склонить“); то же мы увидимъ и въ пересказахъ второго типа.

Кромѣ плетки, мать даетъ Добрынѣ также шелковый платъ.

„Ай ты будешь со змѣей, Добрыня, драться-ратиться,
А й тогда змѣя да побивать будетъ,—
Вынимай-ко ты съ карманца свой шелковый платъ,
Утирай-ко ты, Добрыня, очи ясныя,
Утирай-ко ты, Добрыня, личко бѣлое,
А ужь ты бей коня по тучнымъ ребрамъ“ (59).

И дѣйствительно, платъ ему пригодился:

А беретъ-то Добрыня платъ тальянскіи,
Поводилъ онъ самъ какъ по бѣлу лицу,
Утеръ глаза да свои ясныя,—
Сталъ Добрыня лучше стараго...
Поводилъ коня онъ по тучнымъ ребрамъ,—
Пошелъ его конь по чисту полю...
Поймалъ Добрыня змѣю лютую...
Приклонилъ Добрыня ко сырой землѣ (64).

Особенностью одной разбираемой группы является то, что Добрыня встрѣчаетъ змѣю, несущую мертвое тѣло; увидавши Добрыню, змѣя спускаетъ тѣло на землю и вступаетъ въ бой. Какъ и въ I, а, бой продолжается трое сутокъ; Добрыня укротилъ змѣю своей плеткой,—

Отрубилъ змѣѣ да онъ всѣ хоботы,
Разрубилъ змѣю да на мелки части,
Распиналъ ¹⁾ змѣю да по чисту полю (59).

По № 59, Добрыня находитъ княжескую дочь прикованной къ стѣнѣ, въ пещерѣ; около нея было двѣнадцать змѣенышей, которыхъ Добрыня убиваетъ. Конечно, это—тѣ змѣеныши, которые сосали ея грудь (по I, *в* и I, *з*); въ другихъ мѣстахъ былины змѣеныши не упоминаются; то же мы увидимъ и въ не олонецкихъ пересказахъ. Объ освобожденныхъ изъ плѣна людяхъ въ этой группѣ не упоминается (мы видѣли этотъ эпизодъ въ I, *а*, I, *б*, и I, *в*).

Чтобы покончить съ олонецкими пересказами, остается разобрать отрывки, вставленные въ два пересказа былины о Добрынѣ и Алешѣ (Рыбн. II, № 6, ст. 75—78, 94—126; Гильф. № 228, ст. 121, 128—143). Эти отрывки—обозначимъ ихъ *с*,—уже были разобраны акад. А. Н. Веселовскимъ ²⁾ въ связи съ вопросомъ объ отношеніи Добрыни къ Тугарину. Относительно перваго отрывка А. Н. Веселовскій говорить, что это—„эпизодъ, неловко приуроченный къ пѣснѣ о Добрынѣ въ отъѣздѣ и, очевидно, развитый чужими мотивами“. Въ цѣломъ рядѣ вариантовъ послѣдней былины рассказывается, какъ князь Владимиръ посылаетъ Добрыню на границу, биться съ Невѣжей, который летаетъ чернымъ ворономъ; Илья Муромецъ при этомъ говоритъ, что онъ долго стоялъ на границѣ, но Невѣжи не видалъ, а если бы увидѣлъ, застрѣлилъ бы его „изъ туга лука“. Въ дальнѣйшемъ рассказѣ нѣтъ ни встрѣчи съ врагомъ, ни боя. Въ нашемъ пересказѣ мы находимъ бой и еще нѣсколько новыхъ чертъ: Невѣжа по почамъ ходитъ (летаетъ?) змѣемъ Тугариномъ, а по зарямъ ходитъ добрымъ молодцемъ. Источникъ послѣдняго представленія—оборотничество; что же касается имени Тугарина, то оно, несомнѣнно, объясняется связью представленія о немъ съ тугимъ лукомъ: мать хотѣла бы, чтобы Добрыня стрѣлялъ изъ туга лука, какъ Тугаринъ Зміевичъ.

Разбираемая мною вставка заключается въ томъ, что мать предупреждаетъ Добрыню, чтобы онъ не плавалъ за третью

¹⁾ Т.-е. разбросалъ.

²⁾ Южно-русскія былины, 377—379.

струю въ Почай-рѣкѣ (это отвѣчаетъ I, в и д). Добрыню одолѣли жары, и онъ пошелъ купаться:

И вспомнилъ родной матушки наказаньице,—
И беретъ онъ съ собой свой тугій лукъ,
Беретъ еще съ собой калену стрѣлу.

Здѣсь — несомнѣнная путаница: 1) мать вовсе же совѣтовала ему брать лукъ, 2) купанье съ лукомъ и стрѣлою въ рукахъ является въ высшей степени страннымъ. Все это объясняется тѣмъ, что Илья Муромецъ, какъ онъ хвалится, „застрѣлилъ бы Невѣжу изъ туга лука“; такъ заставляетъ сказитель поступить и Добрыню, — онъ остается вѣренъ традиціонному представленію. Далѣе — такая же нескладница: отъ стрѣлы голова Невѣжи покагилась будто пуговица, но онъ все-таки успѣваетъ проговорить нѣсколько ничего не значащихъ словъ:

„Хотѣлъ-то Добрыню я показать,
А вѣпоры Добрыня меня показилъ“.

Затѣмъ Добрыня разсѣкъ его на мелкія части (то же — въ I, д) и сжегъ на огнѣ.

Другая вставка находится въ былинѣ иной версіи, гдѣ вмѣсто Невѣжи является баба Яга. Добрыню посылаютъ на Сорочинскую дорогу. Три года онъ тамъ жилъ, и вотъ захотѣлъ онъ помыться и покупаться:

Забродилъ онъ во матку во Пучай-рѣку.
На ту-ли-то пору да на то время
Налетѣла курва Яга баба,
Ладить ¹⁾ Добрынюшку нага пожрать.
Говорилъ Добрыня таково слово: ...
„Не честь, не слава молодецкая
Нагого богатыря въ водѣ пожрать“ ...
Да дала Яга баба надѣться,
А дала Яга баба обуться.
Совсѣмъ Добрынюшка справился;
А стали Добрыня съ бабой битися.

Все дальнѣйшее уже не имѣетъ сходства съ разбираемой былинной. Въ этомъ отрывкѣ представляетъ интересъ упоминаніе Сорочинской дороги. Въ другихъ пересказахъ былины о Добрынѣ

¹⁾ Собирается.

въ отъѣздѣ это названіе не встрѣчается; очевидно, оно представляетъ смутное воспоминаніе о Сорочинской горѣ (I а, б).

Непосредственно къ олонецкимъ пересказамъ примыкаетъ отрывочная былина, записанная въ Саратовской губерніи (Кирѣевскій, VII, прилож. стр. 10). Обозначимъ этотъ пересказъ поспр. ж. Начинается онъ наставленіемъ матери, какъ и олонецкіе пересказы. Добрыня не слушается матери, ѣдетъ въ луга, въ батюшкины займища, т.-е. охотиться ¹⁾. Рѣка не названа. Купаясь, Добрыня бросаетъ камни въ гору, послѣ чего Змѣища Горынища на него и нападаетъ. Здѣсь сохранилась память о томъ, что змѣя живетъ на горѣ. Добрыня хватаетъ змѣю за жабры и ударяетъ о землю. Змѣя Добрынь возмолилася... На этомъ былина кончается.

II типъ, Зимняя берега.

Ко второму типу я отношу всѣ пересказы, записанные въ двухъ селахъ Зимняго берега Бѣлаго моря, Нижняя и Верхняя Зимняя Золотица, а также одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Пинегѣ, въ Архангельской губерніи. Всѣ эти пересказы начинаются съ описанія пира у князя Владимира.

Къ первой группѣ—а—я причисляю двѣ былины, записанныя отъ сказателя Крюкова (Бѣлом. был., № 73; приложение № 4), а также одинъ эпизодъ изъ былины, записанной отъ его родственницы. За основу я беру № 73, какъ посвященный всецѣло разсказу о боѣ со змѣей, и дополняю его № 4, который представляетъ соединеніе этого сюжета съ былинной о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича.

Пиръ у Владимира. Князь обращается къ боярамъ и богатырямъ:

Еще кто же изъ васъ съѣздитъ на Пучай-рѣку,
За свѣжей-то водой ключевой,
А какъ мнѣ, князю, съ княгинеею умыться, помолодиться?^а

Вызывается Добрыня. Князь проситъ Алешу Поповича сдѣлать на бумагѣ записъ, чтобы Добрыня послѣ не отказался отъ своихъ словъ. Добрыня идетъ домой печальный и разсказываетъ

¹⁾ См. мои Бытовья черты р. былинь, 13.

обо всемъ матери. Мать его упрекаетъ за самонадѣяность и хвастовство:

„А какъ жилъ твой батюшка шестьдесятъ годовъ,
А ничѣмъ же онъ, жилъ, не хвасталъ же“.

Далѣе описываются проводы. Въ № 73 въ проводахъ принимаетъ участіе жена Добрыни, но въ № 4 ея нѣтъ; нѣтъ ея и въ № 62 Бѣлом. был., записанномъ отъ родственницы Крюкова. Здѣсь, провожая Добрыню на Пучай, мать ему говоритъ:

„Не бери-ко своего коня да Воронеюшка,
Ты возьми коня-та батюшки родямаго,
Ты возьми его саблю вострую,
Ты возьми его палицу военную,
Возьми плеточку шелковую;
Твой-отъ батюшка безъ плеточки не ѣживалъ“.

Подобный наказъ мы видѣли въ I, а, в, д, но тамъ онъ помѣщенъ передъ второй поѣздкой; передъ второй же поѣздкой упоминается и Алеша Поповичъ на пиру у князя (I, а, б) или соотвѣтствующій ему Карамышевъ (I, д); какъ тамъ, такъ и здѣсь Алеша дѣйствуетъ въ княжескихъ интересахъ противъ Добрыни. Можно думать, что эти подробности перенесены сюда изъ второй части былины.

Въ № 4 ничего этого нѣтъ. Добрыня проситъ мать отпустить его въ поле (на двѣнадцать лѣтъ—изъ былины о Добрынѣ и Алешѣ), съѣздить въ Святую землю и въ Литву. Мать его предупреждаетъ, чтобы онъ не купался въ рѣкѣ: она очень быстра, и вынесетъ его въ море. Добрыня пріѣзжаетъ на Почай;

Почерпнулъ-то онъ свѣжей воды ключовою,
Настрѣлялъ-то онъ гусей, лебедей,
А пернастыхъ малыхъ, сѣрыхъ уточекъ.

Очевидно, это стрѣляніе птицъ Крюковъ понимаетъ, какъ исполненіе княжескаго порученія; такое именно порученіе мы находимъ въ былинахъ о Потыкѣ, о Казаринѣ, о Сухатѣ. Но раньше говорилось лишь объ одномъ порученіи—привезти воды; слѣд., охота Добрыни была добровольная; какъ-разъ такую охоту мы увидимъ въ слѣдующей группѣ.

Добрыня купается въ Почаѣ; третья струя относитъ его въ море. Съ Сорочинскихъ горъ, изъ пещеры его увидѣла змѣя и говоритъ:

„Какъ писи-ти писали—описалися,
Какъ волхвы-ти волховали—проволховалися:
А да что сказати, убьеть меня Добрынюшка,
А теперъ Добрынюшка у мя въ когтяхъ.
А какъ хошь ли ты, Добрыня, я тебя огнемъ сожгу
Еще хошь ли ты, Добрыня, я тебя водой залью,
Еще хошь ли ты, Добрыня, я схвачу тебя
Въ свои-тѣ двѣнадцать больши хоботы,
Унесу тя въ свои горы Сорочинскія,
А да какъ во свой всю высокъ теремъ,
Ко своимъ-то малымъ дѣтямъ на съѣденице?“

Въ этихъ словахъ змѣи мы встрѣчаемъ впервые указаніе на пророчество; непонятное выраженіе „писи писали“ находитъ себѣ объясненіе въ другихъ пересказахъ, гдѣ говорится о святыхъ отцахъ. Изъ олонекскихъ пересказовъ мы видѣли отвѣтъ Добрыни, который выставляетъ его не въ геройскомъ свѣтѣ, лишь въ одномъ е; въ другихъ группахъ мы его встрѣтимъ не разъ.

А да на водѣ человекъ взять—вѣдь, какъ мертваго.
А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю—
Тогда меня убей, хоть ты живьемъ носи.—

Змѣя даетъ Добрынѣ нырнуть въ воду и выплыть на берегъ. Далѣе упоминается, что у Добрыни нѣтъ ни платья, ни коня, ни сабли (№ 73 здѣсь сильно искаженъ), но не говорится, что все это увезъ его слуга; въ этомъ отношеніи наша группа примыкаетъ къ I, а и къ одному изъ пересказовъ I, б (Гильф., № 79). Добрыня беретъ камень и отшибаетъ хоботы змѣи. Змѣя падаетъ на землю; Добрыня хочетъ отсѣчь ей голову; она обѣщаетъ не носить съ Руси народа и предлагаетъ Добрынѣ платье, палицу, саблю и коня. Добрыня прикладываетъ къ ней хоботы, приходитъ въ ея пещеру и получаетъ подарки. Боя камнемъ и подарковъ нѣтъ въ олонекскихъ пересказахъ; въ I, ж мы видѣли, что Добрыня бросаетъ камни въ гору, но тамъ это является какой-то безцѣльной игрой.

Въ № 4 Добрыня, получивъ отъ змѣи саблю, отсѣкаетъ ей голову и зажигаетъ ея теремъ, затѣмъ садится на коня, стегаетъ его плеткой, и конь скачетъ съ горы на гору; обо всемъ этомъ рассказывается и въ № 73, но тамъ это относится ко второй повѣздкѣ. Такъ и должно быть; № 4, далѣе переходящій въ бы-

лину о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича, забылъ о второй поѣздкѣ Добрыни.

Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ; ему навстрѣчу летитъ змѣя и несетъ дѣвицу. Въ Кіевѣ всё въ траурѣ. Добрыни рассказываютъ, что въ зеленомъ саду князя Владимира гуляла его племянница Марѳа Дмитріевна, что на нее налетѣла змѣя и унесла на Сорочинскія горы. Здѣсь новымъ является указаніе на садъ и имя племянницы, сходное съ Марфидой (I, д). Описаніе второй поѣздки Добрыни сильно отличается отъ олонецкаго типа. Добрыня рѣшаетъ, что его богатырская честь требуетъ наказать змѣю за обманъ. Онъ приѣзжаетъ къ Сорочинскимъ горамъ:

Соходилъ-то Добрыня со добра коня;
Во праву руку беретъ востро копые,
Во лѣву руку да поведъ лошадиныя;
А вострымъ копыемъ закопывать ступени же,
А лѣвой рукой коня ведетъ на горы Сорочинскія.

Описаніе способа, которымъ добрался Добрыня до терема змѣи, находящагося на вершинѣ горы, не встрѣчается въ пересказахъ другихъ типовъ, но мы увидимъ намеки на него въ слѣдующей группѣ. Добрыня входитъ въ змѣиный теремъ:

А сидитъ-то Марѳа Митревна въ высокомъ теремѣ, на матушкѣ сырой землѣ,

На колъняхъ держать два змѣеныша,
А какъ ссутъ у нея да груди бѣлыя,
Высысаютъ изъ ней да кровь горячую;
А какъ чуть-то въ ней душа полуднуеть ¹⁾.

Эту деталь мы видѣли въ I, е и з, но въ искаженномъ видѣ. Добрыня разрываетъ надвое дѣтенышей и выбрасываетъ изъ терема, затѣмъ выводитъ Марфу и зажигаетъ теремъ. Эти детали мы увидимъ во всѣхъ пересказахъ разбираемаго типа. Пожаръ увидѣла змѣя со святой Руси, „надлетѣла“ на Добрыню, хотѣла его убить хоботами, но онъ отсѣкъ ихъ, и змѣя упала на землю. Затѣмъ Добрыня отрубилъ ей голову и привезъ Марѳу ко князю Владимиру.

Къ группѣ б я отношу пересказъ, записанный въ Верхней Зимней Золотицѣ отъ сказателя Пономарева ²⁾. Этотъ пересказъ

¹⁾ Держится, существуетъ.

²⁾ Труды Музыкально-Этнографич. Комиссіи, I, мои матеріалы, № 12.

примыкаетъ отчасти къ № 73, отчасти къ № 4 группы *a*; въ общемъ онъ ближе къ первому, но, подобно второму, онъ представляетъ соединеніе двухъ сюжетовъ. Отличій немного, Алеша Поповичъ не упоминается, и неизвѣстно, кто пишетъ условія:

Записали они записи великія,
Закрѣпили они княземъ-то Владимиромъ.

Послѣднее выраженіе, повидимому, обозначаетъ то, что князь держитъ крѣпкія поруки за Добрыню; въ такомъ случаѣ, это выраженіе перенесено изъ тѣхъ былинь, гдѣ дѣло идетъ о пари¹⁾. Объ отцѣ Добрыни его мать говоритъ нѣсколько иначе:

„Еще былъ-то у тебя отецъ, родной батюшка,
Ай не смѣлъ-то онъ вѣдь ѣхать на Пучай-рѣку“.

Въ разговоры Добрыни съ матерью многое вставлено изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши, что мы видѣли и выше, въ одномъ изъ пересказовъ I, *б*.

Въ № 73 группы *a* порученіе достать воды естественно соединяется съ купаньемъ. Въ нашемъ пересказѣ этого нѣтъ: Добрыня приѣзжаетъ на рѣку, живетъ въ шатрѣ и занимается охотою за птицами; захотѣлось ему покупаться... О порученіи онъ какъ-будто забылъ. Въ I, *д* Добрыня также охотится (у моря) и этимъ питается. Но тамъ нѣтъ порученія. Нужно думать, что это противорѣчіе произошло потому, что порученіе достать воды внесено довольно поздно. Добрыня сталъ купаться:

Скидываетъ онъ свое да платье цвѣтное,
Ай владеть да свою збрудушку²⁾ богатырскую,
Ай владеть тогда Добрынюшка подь сырой дубъ.

Эту подробность мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ. Добрыня заплылъ на двѣнадцатую струю рѣки (море не упоминается); это, конечно,—эпическая амплификація. Бой со змѣей описанъ короче, нежели въ *a*; Добрыня отсѣкаетъ саблей шесть хоботовъ. Проходитъ двѣнадцать лѣтъ (изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши); Добрыня беретъ воды, ѣдетъ въ Кіевъ. Утромъ Добрыня выходитъ изъ шатра и слышитъ причтаніе дѣвушки:

¹⁾ Ср. Всев. Миллеръ, Очерки, 437—38.

²⁾ Т.-е. доспѣхи.

„Ты коса же ты моя, да коса русая..
Не за князя ты досталась, не за боярина..
Ты досталась же, моя да коса русая,
Еще тѣмъ же малымъ, малымъ змѣнышамъ,
Доставалась ты, моя коса, на растерзанье.
Кабы былъ у меня брателко названья,
Ай названья вѣдь брателко, крестовья,
Молодой, братцы, Добрынюшка Никитичъ сынъ,
То бы не далъ бы меня все на растерзанье“.

Такую вставку изъ былины о Козаринѣ мы видѣли уже въ I, а. Въ былинѣ объ этомъ богатырѣ, записанной тоже въ Верхней Золотицѣ (Бѣломорск. был., № 110) мы видимъ, наоборотъ, влияние былины о Добрынѣ-змѣборцѣ. Добрыня стрѣляетъ птице; встрѣтивъ змѣя, не имѣетъ ни оружія, ни коня, и все это получаетъ (II, а) отъ змѣя; утромъ слышитъ изъ шатра плачь дѣвицы, которую терзаютъ змѣеныши. Почти то же самое мы находимъ и въ былинѣ № 110 о Козаринѣ, чего нѣтъ ни въ одномъ другомъ вариантѣ этой былины. Козаринъ отправляется на охоту и встрѣчаетъ чудо страшное; оно описывается такъ же, какъ Идолице въ былинахъ объ Ильѣ Муромцѣ; происходитъ обычный разговоръ относительно количества сѣждаемаго хлѣба и выпиваемаго вина; Козаринъ зашибаетъ чудище о землю и получаетъ отъ него коня, саблю и копьѣ; утромъ онъ изъ шатра слышитъ плачь своей сестры, которую семиглавая змѣя унесла въ Пещорскія горы:

„Кабы былъ у меня брателко Козарушка,
У меня не были змѣины да дѣти маленьки,
Они не ссади мои да груди бѣлыя!“

Козаринъ ѣдетъ въ горы, разрубаетъ змѣиныхъ дѣтей и освобождаетъ сестру. Влияніе былины о Добрыни, быть можетъ, также сказывается въ № 16 Бѣломорскихъ былинъ, гдѣ сестру Козарина три ворона (татарина) уносятъ на Аравійскую гору. Во всѣхъ другихъ пересказахъ увозятъ ее въ поле татары; поэтому можно думать, что названіе горы взято изъ былины о Добрынѣ, гдѣ гора называется Сорочинской, т.-е. арабской. Изъ былинъ о Козаринѣ видно, что нѣкогда въ Верхней Золотицѣ существовалъ такой пересказъ, въ которомъ Добрыня получалъ отъ змѣи коня, саблю и копьѣ; въ этомъ пересказѣ говорилось ясно, что дѣти у змѣя были отъ племянницы князя Владимира.

Добрыня прѣвзываетъ къ горѣ, привязываетъ коня и лѣзетъ на гору къ змѣиному гнѣзду.

Во гнѣздѣ сидитъ какъ красна дѣвушка
Молодая Оленушка какъ Митревна,
Ай любима де Владимира племянница.
Да какъ пьютъ де змѣеныши ея да горячу кровь;
Да едва у ней душа въ тѣлѣ полуднуеть.

Второй бой сильно сконканъ. Добрыня убиваетъ змѣю въ гнѣздѣ, что не согласуется съ другими пересказами. Онъ везетъ Олену въ Кіевъ, но далѣе идетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши, и пѣвецъ о племянницѣ князя не упоминаетъ.

Чтобы покончить съ пересказами Зимняго берега, упомянемъ о двухъ вставкахъ нашего сюжета въ другія былины. Въ былинѣ о Потыкѣ (Бѣломорск. был. № 100)—обозначаю ее *в*—Добрыня ѣдетъ на вешнія заводы за тремя (драгоценными камнями ¹⁾; Илья предупреждаетъ, чтобы онъ, купаясь въ рѣкѣ, не плавалъ на вторую струю, а то увидитъ съ горъ змѣя и залетѣтъ его водой или огнемъ сожжетъ. Добрыня не слушается; налетаетъ змѣя, Добрыня ныряетъ, выходитъ изъ воды и отсѣкаетъ ей саблей двѣнадцать хоботовъ. Змѣя обѣщаетъ не убивать русскаго народа. Добрыня садится на нее; она его выноситъ на Сіонскую гору и даетъ ему камни. Добрыня сжигаетъ ея подворье и дѣтей. Змѣя вновь его сноситъ съ горы, а онъ отсѣкаетъ у нея голову и разбрасываетъ ея тѣло по полю. Здѣсь, конечно, соединены обѣ поѣздки Добрыни, и многое выпущено, почему жестокость Добрыни оказывается совсѣмъ безпричинною.

Былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши (Бѣлом. был. № 112)—обозначаю ее *з*—начинается пиромъ у князя Владимира. Илья спрашиваетъ, кого бы послать на Пучай принести воды и молодыхъ яблоковъ? Алеша совѣтуетъ послать Добрыню. Добрыня опечаленъ. Мать ему совѣтуетъ не пить воды, а то змѣя можетъ ему срубить голову. Самаго боя со змѣей нѣтъ. Здѣсь Алеша является въ той же роли, что и въ I, *а*, *б* или Карамышевъ въ I, *д*; изъ этого слѣдуетъ, что въ основномъ изводѣ второго типа

¹⁾ Три камня, вѣроятно, — изъ былины о Дюкѣ. См. Южно-русскія былины, 166, 195.

была эта подробность. Молодильныя яблоки—черта, заимствованная изъ легенды о райскомъ дровѣ.

Былина въ сборникѣ г. Григорьева, № 52—обозначаю ее *д*—содержитъ три сюжета: бой Добрыни со змѣемъ, женитьба на поляницѣ и неудавшаяся женитьба Алеши ¹⁾. Парь у князя. Добрыня вызывается сослужить службу; въ чемъ она состоитъ, не говорится. Добрыня ѣдетъ, купается въ Почай-рѣкѣ; мимо шли двѣ дѣвицы, которыя предупреждали, чтобы онъ не купался. Можетъ быть, это намекъ на деталь, которую мы видѣли *I, б*: нельзя купаться въ рубашкѣ. Добрыня бросилъ въ глаза змѣю Горыничу песку, а потомъ отсѣкъ мечомъ голову. Подробность, что онъ запорошилъ глаза пескомъ, мы увидимъ лишь въ одномъ пересказѣ Кириши Данилова. Затѣмъ Добрыня прѣхалъ въ жилище змѣя, выбралъ всѣхъ плѣнниковъ и повелъ къ князю Владимиру его племянницу. Упомянутое плѣнниковъ (а также дѣвицъ у рѣки) сближаетъ этотъ пересказъ съ первымъ типомъ (*а, б, в*); въ другихъ пересказахъ этихъ подробностей нѣтъ. Освобожденіе полона, вѣроятно, не входило въ составъ первоначальной версіи и вошло въ нашу былинку изъ былины о трехъ поѣздкахъ Ильи Муромца. Въ былинѣ прямо говорится, что змѣй таскалъ людей на съѣденіе своимъ дѣтямъ. Въ *I, д* онъ несетъ въ пещеру мертвое тѣло. Добрыню онъ собираетъ пожрать, проглотить живого.

Я уже указывалъ, что эпизодъ порученія доставить князю воды не входитъ органически въ былинку о Добрынѣ-змѣборцѣ; изъ пересказовъ Крюкова (*а*) онъ находится лишь въ одномъ; въ пересказѣ Пономарева (*б*) замѣтны слѣды спайки двухъ сюжетовъ. Что указанный эпизодъ когда-то излагался отдѣльно отъ былины о змѣборствѣ, на это даетъ указаніе одна былина о томъ, какъ Алеша Поповичъ освободилъ изъ плѣна свою сестру. Извѣстны два пересказа этой былины. Одинъ, записанный въ Томской губерніи (Киришевскій, II, 80), излагаетъ этотъ сюжетъ очень близко къ нѣкоторымъ пересказамъ былины о Козаринѣ; начинается онъ съ отъѣзда Алеши въ поле. Другой пересказъ, идущій съ рѣки Мезени (Бѣлом. был., № 64), передъ

¹⁾ Ближе другихъ къ этой былинѣ стоитъ № 62 въ „Бѣломорскихъ былинахъ“, но здѣсь изъ перваго сюжета осталось лишь нѣсколько деталей.

отъездомъ Алеши помѣщаетъ разсказъ о томъ, какъ Алеша привезъ князю воды съ Пучай-рѣки; князь съ княгиней умылись ключевой водой,

Ай умылися они да нарядилися,
Нарядилися, помолодилися.

Князь дарить Алешѣ орлиное перо ¹⁾.

Изъ разбора былинъ второго типа можно сдѣлать слѣдующіе выводы. Особенностью его является прежде всего то, что пересказы начинаются описаніемъ пира у князя Владимира, который даетъ Добрынь порученіе; самое это порученіе, какъ видно, составляло предметъ отдѣльной быliny, повліявшей на быlinу о змѣборствѣ. Такъ какъ эта былина начиналась съ пира у князя Владимира, то и былина о змѣборствѣ приняла такое начало. Слѣдомъ того, что прежде она не имѣла его, является былина *а* о неудавшейся женитьбѣ Алеши. Въ пересказахъ перваго типа пиромъ у князя, который даетъ порученіе Добрынь, начинается разсказъ о второй его поѣздкѣ; поэтому нѣкоторыя черты изъ второй части быliny были перенесены въ первую. Во второмъ типѣ удобно прослѣдить вліяніе сюжета доставанія воды на быlinу о змѣборствѣ. Въ пересказѣ № 4, *а* упоминается море, куда относить Добрыню,—и порученія нѣтъ; въ *б* упоминается 12 струй (т.-е. морскихъ волнъ), въ *в*—2 струи, и уже является порученіе (въ *в*—достать камни); наконецъ, въ № 73, *а*, *з* и *д*—упоминается только рѣка Пучай и уже струй нѣтъ.

III типъ, восточный.

Къ третьему типу я отношу всѣ остальные пересказы на томъ основаніи, что они начинаются, въ отличіе отъ пересказовъ первыхъ двухъ типовъ, съ повѣствованія о рожденіи и дѣтствѣ Добрыни. Географически быliny этого типа я раздѣляю также на нѣсколько группъ.

Къ группѣ *а* я отношу два пересказа, записанные въ Поморьѣ ²⁾. Оба они сильно искажены, и соединяются съ быlinой

¹⁾ Очевидно, на шляпу; ср. Бѣлом. был. № 45, ст. 48; № 69, ст. 63.

²⁾ Поморье—зап. берегъ Бѣлаго моря. См. Архангельскія быliny и историч. пѣсни Григорьева, I, № 19; приложение № 1.

о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича. Добрыня—сынъ князя Никиты, оставившаго послѣ своей смерти вдову и сына. Добрыня просить у матери отпустить его въ поле подяковать, людей посмотреть и себя показать; мать его отпускаетъ, но совѣтуетъ не купаться въ рѣкѣ и въ особенности не заплывать за третью струю, потому что налетитъ змѣя, семиглавая (№ 19) и двѣнадцати-хоботная (№ 1) и унесетъ его на гору на съѣденіе своимъ дѣтямъ. Рѣка называется Ерданомъ (№ 19) или Плакуномъ (№ 1); оба эти названія, вѣроятно, заимствованы изъ стиха о Голубиной книгѣ. Продолженіе мы находимъ въ одномъ пересказѣ (прил. № 1). Наставленіе, которое даетъ Добрыня матери, принадлежитъ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши (ср. напр. Бѣлом. был. № 6, ст. 4—13). На прощанье мать даетъ Добрыни плетку—

Завоженница да родна дѣдушка,
Подаренница да родна батюшка.

Отповскую плетку мы уже видѣли въ II, а. Въ I, а и б мы видѣли дѣдушкина и отповскаго коня, но во второй части былинны; плетку даетъ Добрыни мать тоже при второмъ отъѣздѣ его. Добрыня заплываетъ за третью струю; налетаетъ змѣя и хочетъ схватить Добрыню въ когти; Добрыня ей говоритъ:

„Какъ не честь тебѣ, да змѣя лютая...
Какъ не честь тебѣ хватать да со быстрой струи.
Полетай-ко ты, змѣя, да во чисто поле...
Змѣя, битися, змѣя, рубитися“.

Битва со змѣей посредствомъ плетки, несомнѣнно, перенесена сюда со второго боя Добрыни; подтверженіе этому мы увидимъ и въ пересказахъ этого типа. Добрыня сломилъ змѣѣ 12 хоботовъ, и она ему покорилась. Обыкновенно змѣя даетъ обѣщаніе не губить народа; здѣсь мы видимъ обѣщаніе сообщить необычайную силу; повидимому, это—мотивъ изъ былинны объ испѣленіи Ильи Муромца ¹⁾. Получивши силу, Добрыня убиваетъ змѣю, ея дѣтей и разоряетъ ея жилище; это, конечно,—черты изъ второй поѣздки Добрыни.

Въ слѣдующую группу—б—я соединяю три пересказа, запи-

¹⁾ Ср. Бѣлом. был., стр. 205—211, 231, 306, 344, 474, а также стр. 154, ст. 108.

савные на Терскомъ берегу ¹⁾. Изъ этихъ пересказовъ обѣ поѣздки находятся только въ одномъ № 5; другіе пересказы отрывочны. № 3 представляетъ собою соединеніе 3 сюжетовъ: бой Добрыни со змѣемъ, Оксѣнко и гибель оклеветанной жены.

Начало этой группы вполне сходно съ *α*; только отецъ Добрыни не называется княземъ ²⁾.

Еще былъ жилъ Никитушка, не славился,
Да не славился Никитушка, состарился,
Да состарился Никитушка, преставился.
Оставалась у Никитушки любя семья,
Да любя-та семья да молода жена;
Оставалось у Никитушки чадо милое...
Какъ вѣдь молодой Добрынюшка Никитичъ младъ.

Когда Добрыня исполнилось 12 лѣтъ, онъ сталъ просить у матери благословенія съѣздить въ поле поискать поединщика. Далѣе говорится, что царь Петръ Первый „услышалъ про эту большую похвальбу“; о похвальбѣ Добрыни раньше не говорилось, и это указаніе представляется совершенно неожиданнымъ. Царь позвалъ къ себѣ на пирь Добрыню и говорить ему:

Я пошлю— тебѣ съѣздить ко Почай-рѣкѣ,
Привезти-то съ Почай-рѣки свѣжей воды...
Приумитися вѣдь мнѣ, да Петру Первому...
Со княгиней-то мнѣ да съ Катериной-то;
Намъ помыться охота, помолодиться.

Добрыня не отговаривается, идетъ домой и сѣдлаетъ коня. На вопросы матери онъ говоритъ, что его царь посылаетъ за водой. Добрыня опять просить у матери благословенія:

Какъ не бѣленька березочка къ землѣ клонится,—
Еще кланяется дородный добрый молодецъ,
Какъ по имени Добрынюшка Никитичъ младъ:
„Благослови-тею меня, матушка, мнѣ-ка съѣздить-то“.
— Тебя Богъ благословить, мое чадо милое!—

Итакъ, благословеніе повторяется два раза. Дѣло въ томъ, что этотъ пересказъ записанъ отъ женщины родомъ съ Терскаго

¹⁾ Терскій—сѣверный берегъ Бѣлаго моря. См. Вѣлом. был., № 5; прилож. №№ 2 и 3.

²⁾ Въ № 46 (Вѣлом. был., стр. 230), записанномъ отъ той же пѣвицы, что и № 5, Никита Ивановичъ, отецъ Добрыни, названъ рязанскимъ княземъ.

берега, но на Зимнем берегу, въ с. Золотицѣ; несомнѣнно, она включила въ терскую былину нѣкоторыя черты золотицкихъ пересказовъ: въ нихъ мы видѣли и похвалбу Добрыни, и порученіе съѣздить на рѣку за водой. Въ № 5 мы видимъ также разговоръ Добрыни съ матерью и его жалобу на судьбу, что представляетъ собою вставку изъ былинны о неудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича; такую вставку мы видѣли уже не разъ.

Далѣе слѣдуетъ совѣтъ матери не заплывать въ третью струю рѣки. Въ № 3 къ этому прибавляется еще два совѣта. Первый совѣтъ, поклониться въ полѣ старому, взять изъ былинны о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, которому мать наказываетъ:

„Ты поѣдешь, ты чадо мило, во чисто поле,
Ты наѣдешь стараго старѣйшину...—
Не доѣзжаячи соходи да со добра коня,
Еще бей челомъ ему во сыру землю да низко кланяйся“ ¹⁾.

Что касается второго совѣта—никого не обижать понапрасну, то онъ, вѣроятно, заимствованъ изъ былинны объ отъѣздѣ Ильи Муромца, которому родители наказываютъ: „На пути своемъ не дѣлай обиды, не проливай крови христіанской напрасно“; или:

„Поѣдешь ты путемъ и дорогою...—
„Не убей въ чистомъ полѣ христьянина“ ²⁾.

Во всѣхъ трехъ пересказахъ разбираемой группы Добрыня, заплывши въ третью струю, выходитъ на камень; эту подробность мы увидимъ и далѣе ³⁾. Особенность № 3 составляетъ еще то, что Добрыня находитъ на камнѣ сукно, а на немъ золоченый гребень змѣи. Трудно сказать, откуда попала въ пересказъ эта деталь. Можетъ быть, представленіе о гребнѣ, принадлежащемъ змѣѣ, явилось въ тѣхъ вариантахъ, которые взяли изъ былинны о Козаринѣ причитаніе похищенной дѣвицы (I, а; II, б; III, е); она жалуется на то, что заплетала ей косу мать, а расплетать стали змѣеныши въ пещерахъ. Въ былинѣ о Козаринѣ есть указаніе и на чесаніе косы:

¹⁾ Бѣломорск. был., № 70.

²⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, I, стр. XVII, 34.

³⁾ Въ с. Поновъ, на Терскомъ берегу, я слышалъ прозаическій пересказъ былинны, въ которомъ тоже находится эта подробность.

„Какъ вечеръ у мня матушка на святой Руси,
На святой Руси головушку у мня учесала,
Запела она мою трубчату косу,
Обвивала у мня она краснымъ золотомъ,
Пересыпала у мня она скатымъ жемчугомъ“¹⁾.

По № 2, змѣя налетаетъ съ западной стороны, что отвѣчаетъ
I, б. Въ № 5 иначе:

Какъ со той стороны было съ восточною
Тутъ вѣдь грозная туча подымается.

Это—общее мѣсто въ былинахъ пѣвицы, отъ которой записанъ № 5; такую же картину мы находимъ въ былинѣ о женитьбѣ
Дюка Степановича²⁾ и въ пѣснѣ и взятіи Казани³⁾.

Въ № 3, когда змѣя налетаетъ на богатыря, онъ, чтобы спастись, прибѣгаетъ къ обману, говорить, чтобы змѣя оглянулась и посмотрѣла, что происходитъ въ Москвѣ, а тѣмъ временемъ ныряетъ въ воду. Къ такому обману прибѣгаетъ Алеша въ битвѣ со змѣемъ Тугариномъ. Онъ ему говорить:

„Бился ты со мною о великъ закладъ
Биться-драться одинъ на одинъ,
А за тобою нынѣ силы—смѣты нѣтъ
На меня, Алешу Поповича“;

Или:

„На что ты, Тугаринъ, за собой силу ведешь?
Я одинъ да одинъ, какъ да перстичекъ,
Ты, Тугаринъ, да за собой силу ведешь“;

Или:

„Кабы что у ты взади-то за шумъ шумить,
Кабы что у ты взади-то за громъ гремять?“

Тугаринъ оглядывается, а Алеша отрубаетъ ему голову⁴⁾.
Къ подобному обману онъ прибѣгаетъ и въ другой версіи былины;
онъ говорить Тугарину:

¹⁾ Вѣлом. был., № 16; ср. Сборникъ Кирши Данилова, с. 87; Григорьевъ, I, №№ 25, 56.

²⁾ Труды Музыкально-Этнографической Комиссiи, вып. I, мои матеріалы, № 7.

³⁾ Вѣлом. был. № 58.

⁴⁾ Сборникъ Кирши Данилова, 80; Тихонравовъ и Миллеръ, Русскія былины, № 29; Ончуковъ, Печорскія былины, № 64.

„Поѣзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь“;

Или:

„Ты кричи мнѣ-ка, змѣй, пуще, чтобы слышалъ я;
Ничего-то я теперь да все не слышу вѣдь,
Я не слышу-то, не вижу я рѣчей твоихъ“¹⁾.

Дальнѣйшій рассказъ не соответствуетъ олонеккимъ пересказамъ: тамъ мы видѣли Добрыню пѣшимъ и безоружнымъ; здѣсь же Добрыня, вынырнувъ у берега, одѣвается, садится на коня и беретъ саблю. Это измѣненіе произошло отъ того, что пѣвцы переместили сюда черты второго боя; поэтому-то № 2 и 3 оканчиваются смертью змѣи. Перенесеніе изъ второго боя (которое мы видѣли уже не разъ) я вижу и въ слѣдующемъ описаніи:

Онъ вѣдь скоро же поѣхалъ да въ чистѣ поле.
Налетѣла злѣдѣйка-змѣя лютая,
Да брала его на хоботы все змѣйныя,
Вынимала его вдвоемъ со добрымъ конемъ,
Вынимала его она высокохонько:
Да пониже-то облака ходячаго,
Да повыше она дѣса стоячаго.
Онъ вѣдь сталъ скоро плеточкой.. постегивать,
Онъ вѣдь, сталъ пуще вѣдь плеточкой пошевеливать;—
Отлетѣли у ней хоботы все змѣйныя;
Еще падаетъ змѣя-та на сыру землю (№ 5).

Мы видѣли, что въ I, d Добрыня во время второго боя со змѣей именно плеткой отрываетъ у ней хоботы и заставляетъ ее спуститься на землю. Дальнѣйшій рассказъ сходенъ съ обычнымъ: Добрыня соглашается отпустить змѣю съ тѣмъ условіемъ, чтобы она не летала на Русь и не губила людей (въ № 2 искаженіе: „ужъ ты дай мнѣ полетать да по святой Руси“), и они братаются крестами. Описаніе второго боя въ единственномъ № 5 излагается кратко: змѣя уноситъ у князя Петра Перваго племянницу Забаву Путятичну; Добрыня приѣзжаетъ въ Кіевъ, узнаетъ объ этомъ и тотчасъ ѣдетъ въ пещеру змѣи; онъ топчетъ змѣенышей, убиваетъ змѣю и привозитъ Забаву къ дядѣ.

Въ двухъ пересказахъ разбираемой группы имя Добрыни замѣнено другими названіями: въ № 2 онъ названъ Никитой, и въ № 3—Оксенышкомъ Никитичемъ. Въ различныхъ былинахъ До-

¹⁾ Сборникъ К. Дан., 76; Вѣлом. был., № 47.

брыня нерѣдко называется Никитой-Добрыней ¹⁾, иногда Никитой Добрыничем ²⁾; этотъ фактъ, я думаю, можетъ служить подтвержденіемъ взгляда акад. А. Н. Веселовскаго, что отчество богатыря явилось благодаря созвучію прозвища „Аникитъ“ (*ἀνικήτης*) съ именемъ „Никита“ ³⁾. Поэтому можно предположить, что въ болѣе древнемъ пересказѣ былины Добрыня былъ названъ „Аникитой“. Извѣстны духовные стихи объ Аникѣ-воинѣ и находящееся съ ними въ связи вологодское преданіе: „За Спасо-Прилуцкимъ монастыремъ, верстахъ въ десяти отъ Вологды начинается *Аникинъ лѣсъ*. Аника былъ ужасный разбойникъ и жилъ въ этомъ лѣсу..., называемомъ теперь *Оникиевскимъ*. Въ лѣсу есть пустынь *Заоникіевская*. Тамъ, въ глуши, на полянкѣ, стояла избушка безъ оконъ, гдѣ жилъ Аника и откуда ходилъ на большую дорогу грабить прохожихъ и проѣзжихъ, а иногда и въ сосѣднія деревни. Долго жилъ онъ и нажилъ себѣ всякаго богатства, серебра и золота, и камня самоцвѣтнаго“. Въ лѣсу указываютъ и могилу Аникину—высокій курганъ ⁴⁾. Заоникіевская пустынь была основана въ концѣ XVI вѣка преп. Іосифомъ ⁵⁾. Къ тому же времени приурочиваетъ пѣсни и похождения Оксенка (или Орсенка).

Иванъ Грозный задумалъ строить вторую Москву на рѣкѣ Вологдѣ, но построилъ только Никольскую церковь въ городѣ Вологдѣ и положилъ казны сорокъ тысячъ. Разбойники ограбили церковь, но у нихъ отнялъ всю казну Оксенко, за что его хотѣли казнить въ Вологдѣ ⁶⁾. Въ пятидесятыхъ годахъ XIX в. въ Вологдѣ еще сохранялось преданіе о томъ, что Иванъ Грозный хотѣлъ основать столицу на рѣкѣ Вологдѣ близъ города и построилъ Успенскую церковь. Въ основѣ этого преданія лежитъ

¹⁾ Григорьевъ, № 109; мои записи въ г. Кеми и на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, не напечатанныя. Опчужковъ, Печорскія былины, № 35.

²⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, № 27.

³⁾ Разысканія въ области русскихъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 159.

⁴⁾ Пѣсни, собр. Кирѣевскимъ, IV, изд. 2, стр. 150—151.

⁵⁾ Протопоповъ, Житія святыхъ. М. 1884. Мѣсяць июнь, 23, стр. 449.

⁶⁾ Бѣломорскія былины, № 86; Пермскій сборникъ, т. II, отд. II, 166, № 6; безъ имени Аксенки: Кирѣевскій, VI, 194—199 (Иванъ Грозный); VII, прилож., 54; VIII, 30—35 (церковь Никольская); Опчужковъ, Печорскія былины, 158 (монастырь Николы).

тотъ фактъ, что Грозный дѣйствительно построилъ въ Вологдѣ крѣпость въ 1566 году ¹⁾.

Итакъ, съ конца XVI ст. въ Вологдѣ появляются преданія о мѣстномъ героѣ-разбойникѣ, который теперь называется и Аникой, и Оксѣнкомъ. Можно думать, что Аника (Аникита) было прозвищемъ Оксенка, и такимъ образомъ вмѣсто Добрыни Аникиты въ былинѣ явился Оксенышко-Микитушка или Микитичъ.

Пересказъ, записанный въ Симбирской губ. (Кирѣевскій, II, 40)—дѣ—отличается слѣдующими особенностями. Отецъ Добрыни не упоминается, хотя въ Симбирской губ. сохранилась память о Никитѣ Романовичѣ: въ былинѣ о неудавшейся женитьбѣ Алеши Добрыня проситъ у матери благословенія ѣхать въ поле, поискать противника; мать говоритъ, что онъ молодецъ и зленецъ; Добрыня возражаетъ, что некому его выучить дома:

„Еще жилъ былъ родной дядюшка,
Свѣтъ сударь Микита Ромаявичъ;
Живши-бывши самъ состарился,
Состарившись переставился“ (Кир. II, 4—5, изд. второе).

Ясно, что эти слова взяты изъ начала быliny о змѣборствѣ; „дядюшка“—искаженіе, вмѣсто „батьюшка“. Добрыня родится въ Кіевѣ, что, какъ увидимъ дальше, тоже есть искаженіе, вмѣсто Рязани ²⁾. Добрыня выросъ:

Сталъ Добрынюшка конемъ владать,
И кошемъ шурмовать ³⁾.

Это выраженіе мы увидимъ въ другихъ пересказахъ нашего типа. Повидимому, рассказъ о дѣтствѣ Добрыни нѣкогда былъ извѣстенъ и въ Олонецкой губ. О дѣтствѣ говоритъ начало быliny у Гильфердинга, № 187, но здѣсь замѣтно заимствованіе изъ быliny о боѣ Добрыни съ Ильей Муромцемъ. Въ № 227 мы находимъ выраженіе, которое въ этой послѣдней былинѣ не встрѣчается: Добрыня—

На десятое-то гѣто сталъ конемъ владать.

Дальнѣйшія особенности нашего пересказа. Добрыня купается въ Петровскія жары, что увидимъ и далѣе. Змѣнице Горынице

¹⁾ Кирѣевскій, VI, 192. Приводимое здѣсь стихотвореніе, конечно, не народная пѣсня, но излагаетъ, очевидно, мѣстное преданіе.

²⁾ Такое же искаженіе у Григорьева, I, № 113.

³⁾ Ударять.

называется Притугалищем¹⁾, оно собирается Добрыню живого проглотить. Условія: змѣю не ходить въ Кіевъ, Добрынь не купаться въ рѣкѣ Костроухѣ. Далѣе идетъ былина о Добрынь и Маринкѣ.

Пересказъ въ сборникѣ Кирши Данилова (стр. 147)—го-раздо полнѣе, хотя тоже значительно искаженъ. Начало рассказываетъ о дѣтствѣ Добрыни, и здѣсь мы впервые встрѣчаемъ Рязань:

Досегѣва Рязань она селомъ слыла,
А нынѣ Рязань слыветь городомъ.
А жилъ во Рязанѣ тутъ богатой гость,
А гостя-та звали Никитою.

Никита называется купцомъ, а не княземъ, что мы увидимъ и далѣе.

А будетъ Добрынюшка во двѣнадцать лѣтъ,
Извольтъ Добрыня погулять молодець
Со своею дружиною хоробраю
Во тѣ жары Петровскія.

Рѣка называется сначала „Сафать“, а потомъ, нѣсколько разъ,—Израй. Первое названіе встрѣчается въ трехъ былинахъ у Кирши Данилова (стр. 75—79, 154) и зашло въ нашу былинку изъ быliny о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, въ вариантахъ которой этому названію соответствуютъ Сахатаръ, Софа, Салфа. Мать наказываетъ не плавать за вторую струю (судя по дальнѣйшему,—за третью). О вооруженіи Добрыни не говорится; упоминается лишь, что онъ надѣлъ шляпу земли Греческой.

Пришелъ онъ Добрыня на Израй на рѣку,
Говорилъ онъ дружинишки хоробрія:
„Ай гой еси вы молодцы удалыя!
Не мнѣ вода грѣть, не тешити еѣ“.

Добрыня, конечно, приглашаетъ спутниковъ купаться: „я не могу ни нагрѣть воду, ни сдѣлать еѣ тихой“. Ср. обычное въ былинахъ выраженіе: „синему морю на утишенье“. Спутники Добрыни оказываются робкими:

Никто молодцы не смѣеть, никто нейдеть.

¹⁾ Притугалищникомъ названъ Тугаринъ въ другой былинѣ изъ Симбирск. губ., стр. 48.

Въ слѣдующемъ пересказѣ спутники Добрыни названы вѣрными слугами. Въ былинахъ слово „дружина“, кромѣ обычнаго употребленія, употребляется также въ смыслѣ младшаго товарища, спутника, что соотвѣтствуетъ понятію „паробокъ“¹⁾; а такъ именно названъ спутникъ Добрыни въ I, б и д. Изъ этого видно, что нашъ пересказъ (какъ и слѣдующій) не понялъ выраженія „хоробрый дружина“ и замѣнилъ одного спутника Добрыни многими. Угрозы налетѣвшаго змѣя излагаются нѣсколько иначе, чѣмъ въ II, а:

„А стары люди пророчили,
Что бытъ змѣю убитому
Отъ молада Добрынюшки Нивитича;
А нынѣ Добрыня у меня самъ въ рукахъ“.

Отвѣтъ Добрыни выраженъ такъ же, какъ въ III, а.

Добрыня бѣется со змѣемъ своей шляпой, но предварительно нагребаетъ въ нее песку:

Глаза заporошилъ и два хобота ушибъ.
Упалъ змѣй Горынчишша
Во ту во матушку во Израй-рѣку.
Когда ли змѣй исправляетца,
Во то время и во тотъ же часъ
Свапалъ²⁾ Добрыня дубину, тутъ убилъ до смерти,
А вытощилъ змѣя на берегъ ево,
Повѣсилъ на осину на кляпую³⁾:
„Сушися ты, змѣй Горынчишше,
На той-та осинѣ на кляпья!“

Мы видимъ тутъ, во-первыхъ, соединеніе двухъ боевъ, а во-вторыхъ — комическій элементъ, несомнѣнно, новый; змѣй здѣсь утрачиваетъ свой страшный образъ и получаетъ образъ колдуна, который боится осины. Затѣмъ Добрыня плыветъ (нагимъ?) въ пещеры змѣя, разрываетъ пополамъ его дѣтей (ср. II, а), находитъ тамъ много злата-серебра и выводитъ изъ пещеры свою тетушку Марью Дивовну. Далѣе слѣдуетъ мелодраматическій эпизодъ прятанія тетушки въ домѣ Добрыни и ей

¹⁾ См. мои Бытовья черты р. былинъ, 54—55, 61 (Этн. Об. LVIII, 95—96, 102).

²⁾ Вмѣсто „схваталъ“.

³⁾ Пригнутую внизу.

торжественнаго появленія у князя. Въ другихъ пересказахъ мы этого эпизода не находимъ. Князь Владимиръ называется дядюшкой Добрыни, а Марья Дивовна сестрой князя.

Дальнѣйшіе пересказы всё говорятъ о купаньѣ въ морѣ. Пучай не упоминается совсѣмъ; въ двухъ упоминается рѣка, но она смѣшивается съ моремъ.

Въ группу *д* я соединяю пересказъ, записанный въ Средне-Колымскѣ Якутской области ¹⁾, и одинъ изъ пересказовъ, записанныхъ А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Кулоѣ, въ Архангельской губ. (№ 269) ²⁾. Эти пересказы отличаются отъ всѣхъ другихъ тѣмъ, что Добрыня возвращается домой на кораблѣ. Особенности этой группы слѣдующія. Упоминается отецъ Добрыни Микита, но названія Рязани нѣтъ. Охота за птицами у моря, которое въ якутскомъ пересказѣ называется Греческимъ (въ другихъ пересказахъ этого названія нѣтъ). Купанье въ „зори Петровскія, солнцепеки меженные“ ³⁾. Третья струя откоситъ Добрыню въ горы Пещарымскія (= горы-пещеры, ср. II, б—Пещорскія) или къ камешку Алатырю. „Слуги вѣрные“ упоминаются только въ якутскомъ пер. Змѣй здѣсь описывается такъ:

Вѣютъ крылья его бумажныя,
Звенять его хоботы желѣзные.

Это описаніе взято отъ Тугарина ⁴⁾. Слова змѣя:

„Святы отцы писали—прописалися,
И волшебники волшили—проволшилися,
Будто мнѣ отъ Добрыни-то и смерть принять;
А теперь ты, Добрыня, во моихъ рукахъ.
Еще хошь ли, Добрыня, хоботомъ схвачу?
Еще хошь ли, Добрыня, во огнѣ спалю?
Еще хошь ли, Добрыня, цѣликомъ сглочу?“

Отвѣта Добрыни нѣтъ. Упомянуто, что Добрыня, вышедши изъ воды, не нашель ни коня, ни сабли, но почему—объ этомъ не говорится. Выраженіе „шляпа земли Греческой“ не понято:

1) Всев. Миллеръ, Очерки, 426.

2) Приношу глубокую благодарность А. Д. Григорьеву за предоставленіе мнѣ возможности пользоваться еще непечатанными его записями. II и III тт. сборника г. Григорьева печатаются. Разбираемые мною пересказы будутъ здѣсь напечатаны подъ указанными мною нумерами.

3) Межепь—середина лѣта.

4) Ср. въ „Очеркахъ“ стр. 431.

Нагребалъ онъ въ тоѣ шляпу хрущата песка,
Еще той ли земли, земли Греческой,
Ну стрѣлялъ онъ во змѣйница Горыница.

Тотчасъ затѣмъ Добрыня его и убиваетъ его же ножомъ. По № 269, змѣй выносить Добрыню на землю, гдѣ послѣдній видитъ человѣчьи кости; боя нѣтъ. Убивши змѣя, Добрыня идетъ по берегу возлѣ моря и видитъ корабль:

„Ой вы гости, вы гости-корабельщики!
Увезите меня въ столичный Кіевъ-градъ,
Довезите къ родимой моеи матушкѣ“.

Приворотилъ корабль и повезъ Добрыню въ его мѣсто. Такого окончанія не встрѣчается въ другихъ пересказахъ. Можетъ быть, оно явилось вслѣдствіе желанія какого-нибудь пѣвца объяснить, какъ Добрыня добрался домой. Корабельщиковъ онъ могъ взять изъ общаго мѣста въ былинахъ: орелъ вьетъ гнѣздо на камнѣ Алатырѣ, роняетъ перья въ море; плаваютъ гости-корабельщики, вывозятъ перья на Русь.

Изъ трехъ другихъ пересказовъ, записанныхъ на рѣкѣ Кулоѣ— группа е—(№№ 213, 228, 301), оба боя находятся въ одномъ № 301; два другіе пересказа сильно искажены. № 213 соединяетъ въ себѣ отрывки изъ четырехъ сюжетовъ: Добрыня-змѣборецъ, бой его съ Ильей Муромцемъ, бой Ильи съ сыномъ и Дюкъ Степановичъ. Въ № 228 два сюжета: Добрыня-змѣборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши.

Рязань. Старый Никита, богатъ человѣкъ. Охота за птицами на заводахъ. Купанье происходитъ въ „упечинки Петровскія“ въ морѣ. Третья струя уноситъ Добрыню и прибываетъ къ сѣрому камню (№ 213), къ горѣ Саворской (№ 228). По № 228, Добрыня передъ купаньемъ прощается съ конемъ. Эта черта (встрѣчающаяся также въ мезенскомъ пересказѣ № 342), несомнѣнно, взята изъ былины о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ, который передъ своей смертью прощается съ соколомъ и собакой ¹⁾. Змѣя—огненная (213), семиглавая (228), треглавая, летитъ, по поднебесью хоботы заметываетъ (301), хочетъ Добрыню спалить или живкомъ сглонуть. Добрыня проситъ дать ему выплыть на берегъ и одѣться; нечѣмъ ему оборониться; онъ кла-

¹⁾ Веселовскій, Южно-русскія былины, 309, 312, 316—7.

деть въ пуховой колпакъ песку-хрящу и бросаетъ имъ въ змѣю, отшибаетъ три хобота. Змѣя просить ее отпустить и общаетъ принести сапоги, рукавицы, рубашку и колпакъ земли Греческой; послѣдній сюда перенесенъ изъ момента боя. [Въ №№ 213 и 228 этого нѣтъ: или змѣя приноситъ Добрыню къ коню и Добрыня убиваетъ ее ножомъ, или она просить Добрыню кормить ея дѣтей въ гнѣздѣ 3 года, пока заживутъ ея 3 хобота; черезъ три года змѣя прилетаетъ и приноситъ его на Русь.] Затѣмъ Добрыня ѣздитъ около заводи и видитъ, что змѣя летитъ съ Руси и песеть въ пещеры красну дѣвицу. Добрыня ѣдетъ къ змѣиной дырѣ и слышитъ плачь дѣвицы. Плачь этотъ, взятый изъ былины о Козаринѣ, встрѣчался намъ уже не разъ. Добрыня приглашаетъ дѣвицу ѣхать съ нимъ на Русь и принять законъ Божій (повѣнчаться), а затѣмъ входитъ въ дыру и отрубаетъ у змѣи всѣ головы. Далѣе дѣвица называется Настасьей Викуличной, и слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши; отсюда, несомнѣнно, — и имя для дѣвицы, и бракъ съ нею.

Въ слѣдующую группу—ж—я соединяю два пересказа, записанные г. Григорьевымъ на рѣкѣ Мезени, №№ 342 и 408; первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ два сюжета: Добрыня-змѣборецъ и неудавшаяся женитьба Алеши. Рязань (въ № 408 городъ Романовъ, конечно—отъ отчества Никиты). Никита Романовичъ. Охоты нѣтъ. (Наказъ женѣ въ № 342—изъ былины о неудавшейся женитьбѣ Алеши). Наказъ матери не плавать на третью (или вторую, 342) струю, когда Добрыня поѣдетъ „ко синему морю да ко студеному, къ Самофирию, бѣлу камню, ко Латырю“. Насколько я знаю, это—единственное упоминаніе сапфира въ русскомъ эпосѣ. Приѣхавши къ морю, Добрыня поставилъ коня къ дубу, снялъ платье, положилъ подъ дубъ и оставилъ на головѣ пуховой колпакъ. Указаніе на дубъ мы видѣли въ II, б. Добрыню относить на море:

А заносило тутъ Добрынюшку по морскимъ волнамъ.

Что змѣй налетѣлъ на Добрыню, когда онъ былъ въ водѣ, объ этомъ говорятъ и другіе пересказы.

А не темная туча да накатила,
Какъ не оболоко да навалилося,—
Налетѣло змѣице да зло Горынище...

„Какъ святы отцы писали—да прописались:
Какъ сказали—отъ Добрынюшка змѣю смерть придетъ;
А теперь я съ Добрынюшкой, что хочу, сдѣлаю“.

Змѣй грозитъ его живкомъ сглотнуть; Добрыня прибѣгаетъ къ его чести. Какъ и въ группѣ *д*, у Добрыни нѣтъ ни коня, ни сабли, но почему—не говорится. Въ дальнѣйшемъ два пересказа расходятся. № 408 остается вѣренъ традиціи: колпакомъ съ пескомъ Добрыня бьетъ змѣя и отшибаетъ три хобота; змѣй падаетъ, Добрыня хочетъ пороть его грудь; змѣй обѣщаетъ подарить ему рубашку, сапоги, коня и дѣвицу, племянницу князя Владимира. Добрыня убиваетъ змѣя, беретъ коня и вмѣстѣ съ Дѣвицей ѣдетъ къ матери.

Еще были тутъ радости великія.

Послѣднее выраженіе, повидимому, указываетъ на то, что Добрыня женился на дѣвицѣ. Такое окончаніе явилось благодаря тому, что забыто порученіе князя, и двѣ поѣздки соединены въ одну.

По № 342, змѣя хватается Добрыню въ когти, выноситъ изъ моря, но онъ ее хватается за правое крыло ¹⁾ и ударяетъ о землю. Змѣя проситъ не убивать. Добрыня спрашиваетъ, гдѣ у нея находятся живая и мертвая вода и коверъ самолетный; узнавши это, онъ убиваетъ змѣю, въ ея палатахъ находитъ воду, становится на коверъ и переносится на немъ черезъ море. Нечего и говорить, что такая развязка—чисто сказочная. Далѣе слѣдуетъ былина о неудавшейся женитьбѣ Алеши.

Въ слѣдующемъ пересказѣ—з—, записанномъ на рѣкѣ Пинежѣ ²⁾, упоминается кака-то „меньшая рѣка“, но купанье происходитъ въ морѣ. О родителяхъ Добрыни не упоминается. Добрыня, не въ великомъ возрастѣ, ѣдетъ, повидимому, охотиться, п. ч. беретъ съ собою только лукъ и стрѣлу. Угроза змѣя—не только „дѣлкомъ сглотнуть“, но и „конемъ стонтать“ что является полной бессмыслицей, п. ч. змѣй плаваетъ въ морѣ. Битва—пуховымъ колпакомъ съ пескомъ; Добрыня спибааетъ не только три хобота, но и три головы, что тоже не имѣетъ смысла. Змѣй обѣщаетъ не носить съ Руси людей и даетъ Добрынѣ платье,

¹⁾ Ср. жабы въ I, ж.

²⁾ Григорьевъ, Архангельскія былины и историч. пѣсни, I, № 114.

коня и племяннику князя Владимира. Условія записываются, что, вѣроятно, перенесено изъ сцены пира. Нѣтъ убійства змѣя, что вноситъ поправку къ *д*, *е*, *ж*.

Замѣтимъ, что просьба Добрыни къ змѣю изложена такъ:

„Ужь ты дай мнѣ сроку на малый часъ
Еще выплыть Добрынюшкѣ на кругъ берегъ“.

Изъ этой просьбы, какъ сейчасъ увидимъ, развился цѣлый разговоръ между Добрыней и змѣемъ: Добрыня проситъ срока на три года—змѣй не даетъ и на три мѣсяца, Добрыня проситъ на три недѣли—змѣй не даетъ и на три дня; Добрыня проситъ на три часа, змѣй не даетъ срока и три слова молвить. Такой разговоръ, несомнѣнно, неудачно перенесенъ изъ такихъ былинъ, гдѣ нападающій на городъ врагъ даетъ нѣкоторое время, отсрочку, чтобы жители рѣшили, принимать ли его условія сдачи ¹⁾.

Такой разговоръ мы находимъ въ двухъ пересказахъ, записанныхъ на Пинегѣ и на Мезени ²⁾ и нѣчто подобное—въ пересказѣ, ведущемъ свое происхожденіе съ рѣки Ишима ³⁾. Въ послѣднемъ Добрыня проситъ сроку на три дня, на три часа и на три минуты; змѣй даетъ, и Добрыня три дня плаваетъ въ морѣ, а затѣмъ выскакиваетъ на песокъ. Эта бессмыслица произошла отъ того, что пѣвецъ заставилъ змѣя согласиться на отсрочку. Въ виду этого я эти три пересказа соединяю въ одну группу—и.

Соединеніе это дастъ возможность исправить весьма полный, но искаженный сибирскій пересказъ путемъ сличенія его съ другими пересказами, содержащими одну лишь первую побѣдку Добрыни, а также установить нѣкоторыя искаженія въ этихъ пересказахъ. Въ двухъ пересказахъ названа Рязань, въ № 370—Кіевъ; въ этомъ же пересказѣ Никита Романовичъ названъ княземъ, въ № 21—богатымъ гостемъ. Въ сѣверныхъ пересказахъ далѣе рассказывается о дѣтствѣ Добрыни (какъ и во многихъ другихъ пересказахъ); сибирскій пересказъ передъ этимъ вводитъ новый эпизодъ. Девяносто-лѣтній Никита ѣдетъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру, снимаетъ съ себя латы и панцырь и про-

¹⁾ См. напр. Бѣломорскія быliny, 41, 245, 425.

²⁾ Архангельскія быliny I, № 87; новая запись № 370.

³⁾ Тихонравовъ и Миллеръ, II, № 21

сить у князя монаха-пострижника, чтобы спасти под старость свою душу. Князь спрашивает, на кого он оставляет Киев; Никита отвѣчаетъ, что можно надѣяться на его сына. Князь возражаетъ, что его сыну всего три года, но все-таки даетъ ему монаха. Что этотъ эпизодъ введенъ очень поздно, видно изъ того, что купеческое званіе Никиты не мѣшаетъ ему носить воинскіе доспѣхи и оборонять Киевъ. Этотъ эпизодъ, несомнѣнно, вставленъ изъ былины о Михайлѣ Даниловичѣ, гдѣ онъ вполне умѣстенъ ¹⁾. Отсюда же взята и одна подробность одѣванія Добрыни:

Надѣвалъ на себя платье со-отцовое;
Со-отцово платье ему узѣхонько и коротохонько (ст. 104—5).

Въ нашемъ пересказѣ эта подробность вставлена не на мѣстѣ: богатырь выѣзжаетъ на подвигъ въ узкомъ платьѣ; въ былинѣ о Михайлѣ Даниловичѣ подобная деталь вполне осмысленна: отецъ Михайлы говоритъ о томъ, что его сынъ, хотя и малолѣтній, можетъ его замѣнить:

„Онъ вѣдь можетъ владѣть моимъ добрымъ конемъ,
Всею моею сбруей ²⁾ богатырскою;
Латы-гѣ мои-ти ему не сходятся ³⁾“.

Послѣ отца Добрыня остается семи лѣтъ. Стало ему 12 лѣтъ (по № 21 — пятнадцать);

Сталъ онъ палицей помахивать,
Зачалъ сабелькой пофыркивать,
Сталъ онъ копыцомъ подпиратися.

Онъ задумалъ ѣхать къ морю, на заводи, стрѣлять гусей, лебедей и утокъ. Наказъ матери (по № 87 — отца, еще живого) не плавать на третью струю. Охота. Купанье, по сѣвернымъ пересказамъ, происходитъ въ морѣ. № 21 говоритъ, что Добрыня сталъ купаться въ Днѣпрѣ, но далѣе говорится, что онъ плаваетъ въ морѣ; слѣд., введеніе рѣки здѣсь очень позднее. Добрыня заплываетъ на третью струю, —

¹⁾ Вессловскій, Южно-русскія былины I, 15, 19; Миллеръ, Очерки, 346, 421—2.

²⁾ Въмѣсто „сбрудой“ или „бруней“ — вооруженіемъ. См. Бѣлом. был., 482, 576, сл. „собрунатпее“.

³⁾ Бѣломорскія былины, 403.

И тут струи вмѣстѣ сходилися,
Унесло его къ горамъ, горамъ ко пещерамъ (21).

По другимъ пересказамъ—просто въ море, что соотвѣтствуетъ большому количеству пересказовъ; горы взяты изъ второй повѣдки. Пророчество святыхъ отцовъ упоминается во всѣхъ пересказахъ, но въ № 87 оно очень неудачно вложено въ уста Никиты Романовича, которому Добрыня, плавая въ морѣ, пишетъ письмо! Троеглавый (№ 370) змѣй грозитъ Добрыню живымъ сглонуть, хоботомъ убить, дымомъ задуть или искрой засыпать. Добрыня прибѣгаетъ къ чести змѣя, а затѣмъ отшибаетъ ему три (№ 21—тридцать) хобота (№ 370—и всѣ три головы; „тутъ змѣищу славы поють“—этимъ пересказъ сканчивается) камнемъ (№ 87—въ пять пудовъ) или комомъ песка (№ 21). Змѣй даетъ обѣщаніе не летать по Кіеву и не уносить княгиню Апраксию; это имя взято, конечно, изъ второй половины пересказа. Затѣмъ они братаются, и змѣй даетъ въ подарокъ коня (комоня) со всей сбруей и сѣдломъ и платьемъ. № 87 говоритъ, что Добрыня побужденъ отъ змѣя также красную дѣвицу, родную сестру князя Владимира. Пересказъ, повидимому, не конченъ, и сестру князя дѣвица, вѣроятно, запомнила изъ забытой ею второй половины былины. Эта половина уцѣлѣла въ одномъ сибирскомъ пересказѣ.

Добрыня отпустилъ змѣя живымъ; змѣй полетѣлъ въ Кіевъ, къ князю Владимиру.

И ходила княгиня въ зеленомъ саду,
И ступала княгиня съ камня на камень,
Со бѣла камня ступала на люта змѣя.
Вкругъ ногъ ея змѣице обвивается,
Садитъ ее на могучи плеча
И унесъ ее въ пещеры свои глубокія.

Такой образъ не разъ встрѣчается въ былинахъ ¹⁾, но онъ относится не къ похищенію женщины, а къ чудесному зачатію героя отъ змѣя; таково, на примѣръ, начало былины у Кириши Данилова о Волхѣ Всеславьевичѣ (стр. 18):

По саду, саду зеленому
Ходила-гуляла молада княжна
Мароа Всеславьевна.
Она съ каменю скочила на лютова на змѣя;

¹⁾ См. Веселовскаго, Разысканія въ области русскыхъ духовныхъ стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 117—8; Жданова, Русскій былевой эпосъ, 415—8.

Оббивается лютой змѣй
Около чебота-зеленъ-сафьянъ,
Около чулочига шелкова,
Хоботомъ бьетъ по бѣлу стегну.
А втапору князю поносъ понесла.
А поносъ понесла и дитя родила.

Мы видѣли, что похищенная змѣемъ дѣвица называлась Марою (Дмитріевной) и Марфидой Всеславьевной; поэтому можно думать, что это имя, Марѳа Всеславьевна, было и въ нашемъ пересказѣ и лишь впоследствии было замѣнено именемъ Апраксіи. Самый образъ похищенія взятъ былъ изъ такой былины, гдѣ отъ княгини Марѳы Всеславьевны и змѣя долженъ былъ родиться герой. Но откуда взято имя Апраксіи? Что оно введено въ пересказъ очень поздно, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Мы видѣли въ № 87 сестру Владимира. Такой версіи вполне отвѣчало бы имя Марѳы *Всеславьевны* (ср. I, д). Въ нашемъ пересказѣ Апраксія—жена Владимира, а между тѣмъ, когда Добрыня привозитъ ее къ князю, тотъ предлагаетъ ему взять ее замужъ; ясно, что княгиня введена вмѣсто княжны, сестры Владимира.

Замѣтимъ, что въ нашемъ пересказѣ содержится цѣлый рядъ деталей, взятыхъ изъ былинь о боѣ Алеши съ Тугаринимъ: у змѣя — бумажныя крылья; когда онъ налетаетъ на Добрыню (во второй битвѣ), послѣдній молится, чтобы Богъ послалъ дождь; идетъ дождь и подмачиваетъ у змѣя бумажныя крылья; Добрыня бьетъ его шельгой. Все это мы находимъ во многихъ пересказахъ былины объ Алешѣ Поповичѣ ¹⁾, и, наоборотъ, ничего этого нѣтъ въ другихъ пересказахъ нашей былины. Несомнѣнно, оттуда же зашло и имя Апраксіи, къ которой летаетъ змѣй Тугаринъ.

Отпустивъ змѣя, Добрыня ѣдетъ въ Кіевъ, къ матери, и тутъ узнаетъ о несчастьѣ, которое случилось у князя. Добрыня поворачиваетъ коня и тотчасъ же ѣдетъ на горы, къ пещерамъ змѣя Горынища. Мать даетъ ему указанія, какъ биться со змѣемъ, — стоя у стремени. Угрозы змѣя перенесены и на вторую битву, чего нѣтъ въ другихъ пересказахъ. Змѣй бьется при помощи оружія, чему вовсе не соответствуютъ его угрозы — проглотить, убить хоботомъ, задушить дымомъ или засыпать иск-

¹⁾ См. Очерки Миллера, 431—8.

рами. И это описаніе боя палицами, саблями, копьями и ручного боя, конечно, взято изъ какой-нибудь былины о боѣ двухъ богатырей, напримѣръ, Ильи Муромца съ сыномъ ¹⁾. Мы видѣли выше, что во второмъ боѣ Добрыни главную роль играетъ его плетка, которою онъ стегаетъ коня (I, а, 1, d; II, а; III, а, б). Въ нашемъ пересказѣ мать совѣтуетъ Добрынѣ стегать змѣя „шелыгой подорожной“ и прибавляетъ:

„Застегашь ты его до смерти
Своей плетью шелковой.“

Очевидно, здѣсь слово „шалыга“ (или „солыга“ = дубина, палица) смѣшано со словомъ „шелепуга“ (или „шелепъ“ = плетъ изъ толстаго ремня); взято оно изъ былины о Тугаринѣ, съ которымъ Алеша бьется или шелепугой подорожной ²⁾, или шалыгой подорожной ³⁾. Самый бой описывается такъ:

Распахиваль Добрыня полу правую,
Вытягиваль шалыгу подорожную
И стегаль онъ змѣя по могучимъ плечамъ,
И стегаль, самъ приговариваль:
„Отъ конскаго поту змѣя пухла“.
И застегаль Добрыня змѣища до смерти,
Изрубилъ змѣища въ куски во мелкіе.

Въ пещерахъ Добрыня находитъ Апраксию:

Лежить княгиня на перинѣ на перовыя,
На подушечкахъ на пуховыхъ;
На правой рукѣ у ней лежитъ змѣинчишко
И на лѣвой рукѣ змѣинчишко.

Добрыня разрываетъ и растаптываетъ змѣенышей и везетъ княгиню къ Владимиру. Дорогой они вступаютъ между собой въ крестовое братство. Когда князь предлагаетъ, въ награду за освобожденіе Апраксиа, ее въ жены Добрынѣ, послѣдній возражаетъ, что это невозможно, потому что княгиня—его крестовая сестра. Только въ одномъ пересказѣ (I, 1) дѣло оканчивается бракомъ, но тамъ мы видѣли вмѣсто Добрыни—Дуная и вмѣсто

¹⁾ См. Веселовскаго, Южно-русскія былины, 323.

²⁾ Сборникъ *Кирши Данилова*, 75—6. Ср. Бѣлом. был., 578.

³⁾ *Опчужковъ*, Печорскія былины, 336—7.

сестры или племянницы князя Владимира—царскую дочь. Большинство пересказовъ оканчивается привозомъ дѣвицы въ Кіевъ.

Нѣкоторыя особенности мы находимъ въ пересказѣ, записанномъ на рѣкѣ Печорѣ ¹⁾ — *i*. О рожденіи Добрыни въ Рязани рассказывается нѣсколько иначе: Никита Романовичъ преставился;

Вотъ осталася у него да молода жена,
Вотъ осталася она право беременна.
А немножко прошло да поры-времени,
Вотъ родила она свое да чадо милое.
Собирали тутъ поповъ, дьяковъ, причетниковъ;
Окрестили ея да чадо милое,
Нарекали ему баско ²⁾ новое имячко,
Молодыя Добрынюшка Никитичъ младъ.
А растеть тутъ ли Добрыня лѣтъ до двѣнадцати;
Онъ сталъ хватать приправу богатырскую:
Онъ сперва хватилъ копейце бурземецкое —
Хорошо владѣть удалый добрый молодець.
Онъ еще хватилъ ли палицу боевую —
Хорошо владѣть удалый добрый молодець;
Онъ еще хватилъ саблю право вѣдь вострую —
Хорошо владѣть удалый добрый молодець.

Отправляясь къ морю, Добрыня вооружается и беретъ три прута, желѣзный, мѣдный и оловянный, противъ змѣи, которая, по словамъ его матери, не боится простого оружія. Третья струя вынесла Добрыню въ море, и его стало носить по морю. Змѣя грозитъ живкомъ сглонуть, на водѣ стопить или на огнѣ спалить. Она представлена дѣвушкой: Добрыня хватаетъ ее за косы и стегаеть прутьями. Такое искаженіе объясняется вліяніемъ былины о Потыкѣ, котсрый стегаеть змѣю, по многимъ вариантамъ, прутьями ³⁾. Самый способъ боя посредствомъ *стганія*, несомнѣнно, перенесенъ сюда изъ второй поѣздки Добрыни. Змѣя общаетъ ему дать подарки:

Она вылевала сперва ему золоту казну,
Она вылевала затѣмъ да копя добраго,
Еще вылевала ему да красну дѣвицу.

¹⁾ *Оичуковъ*, Печорскія былины, № 59.

²⁾ Красное.

³⁾ См., напр., у г. *Оичукова*, № 57, ст. 237 — 241, 259 — 279. Былина о Потыкѣ извѣстна и тому лицу, отъ котораго записанъ разбираемый пересказъ.

Дѣвица взята, конечно, изъ второй части былины, которая не уцѣлѣла въ пересказѣ. Способъ доставленія подарковъ является въ немъ однимъ. Окончаніе былины, женитьба Добрыни на дѣвицѣ, представляетъ несомнѣнное искаженіе.

Чтобы покончить разборъ вариантовъ, остается еще указать на пересказъ, записанный А. Д. Григорьевымъ на рѣкѣ Мовени, № 351. Этотъ пересказъ представляетъ собою не чистую былинку, а вольное изложеніе, очень нескладное, нѣсколькихъ сюжетовъ: бой Добрыни съ Ильей Муромцемъ, неудавшаяся женитьба Алеши и бой Добрыни со змѣемъ. Послѣдній сюжетъ вначалѣ излагается отъ лица Добрыни. Змѣй — трехглавый. Когда Добрыня проситъ пощады,

Тутъ на то змѣй, змѣй, оглянувшись вдругъ,
Онъ помогъ тутъ Добрынѣ (доплыть) до сырой земли.

Эти слова въ искаженномъ видѣ сохранили намекъ на обманъ Добрыни, который мы видѣли въ III, б. Добрыня бросаетъ въ змѣя камень въ 50 пудовъ; змѣй даетъ коня съ принадлежностями, но Добрыня отнимаетъ ему голову.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

№ 1.

(Былина записана мною въ д. Федосеевъ, близъ Канда拉克и, Архангельской губ., отъ крестьянки М. С. Борисовой).

Ужъ какъ жиль-то былъ Микитушка да все богатыи князь.
У его-то было да цядо милое,
Какъ Добрынюшка да все Микитичъ младъ.
Какъ Никитушка-то пожилъ по сѣму свѣту,
Оставалась у его вдова, да вдова цѣ(ч)есная,
Какъ цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна.
Какъ была-то тамъ прослышила Плакунъ-рѣка:
Какъ збирались туды богатыри пресильниа;
А купались онѣ да во Плакунъ рѣки.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичъ младъ
Онъ купатисе да во Плакунъ рѣкѣ.
Не спушшала-то его да рѣдна маменька,

Какъ цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна:
„Ты не ѣди-ко, Добрынюшка Микитичъ младъ;
Ищѣ есть-то тамъ три струи, да струи быстрыя:
Заповѣшь, Добрынюшка, да за третью струю,
Прилетить зъ горы да зъмѣя лютая;
Зъмѣя лютая двѣнадцати-хобѣтная,
Унесѣтъ она тебя на высоку гору
Малымъ дѣтоцкамъ да на съѣденицѣ“.
Тутъ спроговорилъ да все Добрынюшка,
Какъ Добрынюшка да онъ Микитичъ младъ,
Онъ спроговорилъ да рѣдной маменька:
— Ты послушай-ко, да моя рѣдна маменька,
Ты цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна!
Благословишь—пойду, и не благословишь—пойду
Я купатисе да во Плакунъ-рѣку.—
Тутъ спроговорить да все цѣсна вдова,
Офимья есь да Олѣксандровна:
„Ты послушай-ко, Добрынюшка Микитичъ младъ:
На кого ты оставляешь золоту казну,
На кого ты сповидаешь молоду жону?“
Какъ спроговорилъ Добрынюшка Микитичъ младъ:
— Ты послушай-ко, моя да рѣдна маменька,
Ты цѣсна вдова Офимья Олѣксандровна:
Какъ не прѣйду-то я къ вамъ двѣнадцать лѣтъ—
Роздѣли-ко ты да золоту казну,
Золоту казну да ты на три части:
Ужъ ты первую часть бери сама себѣ,
Да другую часть да молодой жоны,
Ужъ ты третью часть да по Божимъ цѣрквамъ,
По Божимъ цѣрквамъ все по манастырямъ.—
Брала маменька да золоты ключи,
Отмыгала тамъ да кованы замки,
Приносила тамъ ему да ему плѣтоцку,
Она плѣтоцку да и' семи шолковъ.
Завоженьица да рѣдна дѣдушка,
Подареньица да рѣдна батюшка.
Поѣжжалъ Добрынюшка Микитичъ младъ
Онъ купатисе да на Плакунъ-рѣку.
Прѣжжалъ Добрынюшка да онъ къ Плакунъ рѣки,
Онъ пошолъ купатисе да во Плакунъ-рѣку;
Ужъ онъ заплылъ тамъ Добрынюшка да за первую струю,
Переплылъ онъ да за вторую струю,
Ищѣ заплылъ онъ да за третью струю.
Приля(ѣ)тала тамъ да зъмѣя лютая,
Зъмѣя лютая двѣнадцати-хобѣтная,
Роспусътила-то она свои востры кохти,

Да хотѣла тамъ хватить Добрынюшку Микитица.
Тутъ спроговорилъ Добрынюшка Микитиць младъ:
„Какъ не цесь тебѣ, да зымѣя лютая,
Зымѣя лютая дѣвѣнадцати-хобѣтная,
Какъ не цесь тебѣ хватать да со быстрой струи.
Полетай-ко ты, зымѣя, да во чисто полѣ,
Во чисто полѣ, да зымѣя, битисе,
Зымѣя, битисе, зымѣя, рубитисе“.
Полетала тамъ зымѣя да во чисто полѣ.
Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка Микитиць младъ,
Привѣжалъ Добрынюшка да во чисто полѣ;
Какъ схватилисе оны съ лютой зымѣей,
Какъ бросила тамъ зымѣя люта да о сыру землю,
Тутъ Добрынюшки да мало можитце.
Ужъ ка вспомнилъ тутъ Добрынюшка да эту пѣтоцьку,
Эту пѣтоцьку да и семи шоловъ
Завоженъица да рѣдна дѣдушка,
Благословеньица да рѣдна батюшка, —
Изломилъ какъ у зымѣи дѣвѣнадцать хоботовъ.
Тутъ змолиласе Добрынюшки люта зымѣя:
„Ты спусти, Добрынюшка, да всё Микитиць младъ,
Малымъ дѣтоцькамъ на воспитаньцѣ.
Я даю ¹⁾ тебѣ силу несъмѣтную —
Некого не будетъ какъ сильнѣ тебя.
Ты поди, Добрынюшка, да во чисто полѣ:
Ищѣ есь тамъ три колодца три глубокія;
Ужъ ты выпей тамъ да ключѣвой воды, —
Какъ прибудѣтъ тебѣ сила несъмѣтная“.
Ка спустилъ тутъ Добрынюшка люта зымѣю,
Какъ поѣхалъ тамъ Добрынюшка да во чисто полѣ,
Онъ нашолъ тамъ три колодца три глубокія,
Три глубокія да три ключѣвыя;
Ужъ онъ выпилъ тамъ воды да изъ колодца перьвого — силы прибыло;
Какъ въ другомъ колодци выпилъ — услышилъ силу несъмѣтну ²⁾;
Онъ изъ третьѣго колодци выпилъ ключѣвой воды —
Онъ и здѣлалсе во гноицы, во болицы.
Тамъ лѣжалъ Добрынюшка да во цѣстѣмъ поли,
Онъ просилъ, молил да ужъ онъ Господа,
Онъ просилъ молил себѣ здоровъица;
Какъ услышалъ тамъ Господь ёго молитву всё,
Онъ послалъ ёму да всё аньдела,
Ёму аньдела да всё арханьдела,
Излицить Добрынюшку Микитица.

¹⁾ Т. е. дамъ, буд. вр.

²⁾ Последніе два стиха пѣвица сказала словами.

Приляталъ къ ему аньделъ, арханьделъ всё,
Изляцилъ тутъ Добрынюшку Микитиця
Лучше старого да храбрѣ прежнего.
Ка скрыцалъ-зыцалъ Добрынюшка да зыцнымъ голосомъ:
„Ужъ ты лошадь ты моя, да лошадь добрая!
Ты лети ко мнѣ да ись цистѣ поля;
Мы поѣдемъ-ко домой да къ родной маменьки,
Къ родной маменьки Офимѣи къ Олѣксандровны,
Ли къ мойей жоны да къ молодой жоны“.
Прилеталъ къ ёму да его доброй конь;
Обуздаль онъ своёго добра коня,
Полеталъ Добрынюшка да онъ къ лютой змѣи,
Онъ убилъ прѣхалъ всё люту змѣю,
Онъ убилъ у ей да малыхъ дѣтоцѣкъ,
Розорилъ её да её жительство.
Прѣтжалъ домой Добрынюшка да ко свою двору—
Не выходитъ тамъ стрѣцетъ да родна маменька,
Не выходитъ тамъ стрѣцетъ да молода жона.
Онъ увидялъ тутъ да мала юныша:
„Ты скажи-ко мнѣ, да малой юнышокъ,
Ишише есь ли у меня жива да родна маменька,
Какъ цесна вдова Офимѣи Олѣксандровна?
Ишише есь ли у меня жива да мелода жона?“
Тутъ спроговоришь да малой юнышокъ:
— Ишише есь жива да твоя родна маменька,
Какъ цесна вдова Офимѣи Олѣксандровна:
Какъ ушла она до по Божьимъ церквамъ,
По Божьимъ церквамъ да всё по манастырямъ
Отдавать она да золоту казну;
Какъ уѣхала твоя да молода жона
Во Божью церковь да всё вѣчатисе
Со Олѣшенькой да со Поповицѣмъ.—
Поѣжалъ Добрынюшка ко Божьей церкви,
Заходилъ Добрынюшка да во Божью церковь,
Онъ срубилъ-то у Олѣшеньки да буйну голову.
Ужъ онъ бралъ Добрынюшка да молodu жону,
Олѣ прѣхалъ вѣдь Добрынюшка во свой онъ домъ.

№ 2.

(Былина записана Б. А. Богословскимъ въ с. Варзуй, на Терскомъ берегу Бѣлаго моря, отъ Ульяны Вопіящиной.)

Какъ поѣхалъ Микита во цистѣ полѣ,
Со цистѣ-то поля да во тѣмны лѣса,
Ись тѣмныхъ-то лѣсовъ да на Почай-рѣкѣ.
Онъ задумалъ купатьце во Почай-рѣкѣ;

Скинывалъ съ себя Микита платьё верхное,
Поскорѣ того Микита платьё нижное,
Ужъ какъ падалъ Микита во Почай-губѣу,
И нырнулъ Микита съ крута бережку,
Ужъ какъ высталъ ¹⁾ Микита на сѣрой камешокъ,
Какъ смотрѣлъ-глядѣлъ Микита во вся чѣтыри стороны:
Ай отъ западной сторонки туча тучитьце,
Кабы туча тучилась да громъ гремѣлъ,
Кабы громъ-отъ гремѣлъ да цастой дожикъ шолъ.
Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая:
„Ужъ ты хоцѣшь ли, Никита, я живкомъ сгоню ²⁾,
Ужъ ты хоцѣшь ли, Никита, я водой стоплю,
Ужъ ты хоцѣшь ли, Никита, я огнѣмъ сожгу?“
Какъ умѣлъ нырять по-рыбѣму,
Ай нырнулъ онъ со сѣрого камешка,
Ужъ онъ высталъ у крута красна берешка;
Надѣваётъ Микита платьё нижное,
Поскорѣ того Микита платьё верхное,
Ужъ какъ падалъ Микита на добра коня.
Налетѣла тутъ змѣя, да змѣя лютая;
Ужъ какъ тутъ съ Микитушкой схватилисе.
Оны билисе день до вѣчера;
А збивалсе Микита на цѣрны груди,
Вынималъ ли Никита свой булатной ножъ.
Замолиласе змѣя, да змѣя лютая:
„Не пори ты, Микита, у меня цѣрныхъ грудей.
Ужъ ты дай мнѣ полѣтать да по святой Руси;
Ужъ мы ставѣмъ крестамы брѣтатъце съ тобой“.
Какъ ни смотреть Микита ей прошеньица,
Отрубилъ у ей Микита по плецъ голову.

№ 3.

*(Былина записана мною отъ с. Кузомень, отъ 18 верстахъ отъ с. Варзуги отъ
М. О. Кожимой).*

Жилъ былъ Микитушка, онъ преставилса.
Оставалось у Микитушки цядышко милое,
Ищѣ молодой Оксѣнышко да Микитицъ младъ.
Ужъ какъ сталъ Микитушка да на возросети,
Какъ женила ёго маменька да родимая.
Захотѣлось Оксѣнышу вхатъ да во чисто полѣ
Какъ людей-то посмотрѣтъ да какъ себя назатъ.
Проважаётъ ёго матушка родимая,

¹⁾ Выстать—подняться изъ воды.

²⁾ Виѣсто „сгону“, прогложу.

Проважайтъ ёго да молода жона.
Проважайтъ ёго матушка да наказывать:
„Ты поведёшь, моё да цядо милоё,
Ты найдёшь въ цистомъ поли старого,
Въ поли старого найдёшь, въ поли т' малого,—
Со коня соходи да низко кланейсё,
Не обижай понапрасну не единого.
Какъ рознѣжитце твоё да тѣло бѣлоё,
Розгоритце твоё да ретиво сердце,
Ты захошь какъ купатисе да въ Пучай-рѣки,—
Ужъ ты перьву ту струёцьку заплывай,
Ужъ ты другу-ту струёцьку да заплывай.
Ужъ ты третей-то струёцьки не плавай-ко,
Ты послушай-ко матушкина наказаньяца“.
Какъ поѣхалъ Оксёнышко да Микитиць младъ,
Онъ наѣхалъ въ цистомъ поли старого,
Въ поли старого наѣхалъ да въ поли малого,
Со коня соходитъ да низко кланелсё,
Не обижалъ понапрасну да не единого.
Какъ рознѣжилось ёго да тѣло бѣлоё,
Розгорѣлось ёго да ретиво сердце,
Захотѣлъ онъ купатисе да въ Пучай-рѣки.
Ужъ онъ перьву-ту струёцьку заплывалъ,
Ужъ онъ другую струёцьку заплывалъ,
Ужъ онъ третью-ту струёцьку заплывалъ,
Не послушалъ онъ матушкина наказаньяца.
Да за третей струёцькой стоитъ великъ камень,
Да на этомъ камени лёжить драго сукно,
А на этомъ на сукни лёжить зладѣнъ ремень.
Заходилъ тутъ Оксёнышко на великъ камень,
Ужъ онъ взялъ какъ во руки зладѣнъ ремень ¹⁾.
Ишше самъ онъ говорилъ да таковы рѣци:
„Ишше хто этимъ ремешкомъ цѣшитце,
Ишше мнѣ кабы теперецю въ глаза видать“.
Сколыбаласе матушка да Пучай-рѣка,
Выходила злодѣйка да змѣя лютая:
Ужъ ты гой еси, Оксёнышко да Микитиць младъ!
Какъ осмѣлилсё зайти ты на мой великъ камень,
Да мoinъ ты гребешкомъ какъ цѣшишьсё?
Я хошъ тебя, Оксёнышко, да жива зглону,
Я хошъ тебя, Оксёнышко, на дно згружу,
Я хошъ тебя, Оксёнышко, да подъ хоботы,
Унесу я тебя да къ малымъ дѣтоцькамъ,
Да къ малымъ дѣтоцькамъ сънесу тебя на сиденьцо.—

1) „Ремень“ — вмѣсто „гребень“.

Говорилъ тутъ Оксёнышко таковы рѣци:
„Огледись-ко ты, злодѣйка змѣя лютая,
Ишше-то на Москвы топерь двитца?ѣ“
Огледѣлась злодѣйка змѣя лютая,
Какъ Оксёнышко со камешка да унырнулъ,
Ужъ какъ масьтѣрь былъ ходить Оксёнышко по-рыбному,
Ишше масьтѣрь былъ нырять да по-звѣриному.
Да крутѣхонько бѣжалъ Оксёнышко гъ добру коню,
Надѣвалъ на себя да платьецо нижное,
Надѣвалъ на себя да платьецо верхное,
Ишше всю на себя збрую богатырьцкую,
Какъ садилса Оксёнышко на добра коня,
Ужъ онъ взялъ какъ во руки да саблю вострую,
Тутъ скрипягъ какъ зыпягъ да зысьнымъ голосомъ:
„Прошу милосоти, злодѣйка, со мной поотвѣдате“.
Налегла злодѣйка да змѣя лютая,—
Отрубилъ у злодѣйки да буйныя головы ¹⁾.....

№ 4.

(Былина записана Б. А. Боголюбовскимъ на Зимнемъ берегу Бѣлаго моря, въ с. Нижней Зимней Золотицы отъ Г. Л. Крюкова).

Какъ не бѣлая берѣска она къ земли клонитца,
Какъ не сырой дубъ да погибаитца,
Какъ Добрынюшка Микитичъ въ ноги падаѣтъ,
А просилъ-то своей-то родной матушки благословленьица:
„Ушь ты гой еси, моя родна маменька,
А какъ молода вдова Омельфа Тимоеевна!
А ушь ты дай же мнѣ благословленьицо съѣздить во чисто полѣ,
Ай во чисто полѣ съѣздить только на двѣнадцать лѣтъ,
А да што мнѣ съѣздить по Святой земли
Ай да што мнѣ съѣздить въ прокляту Литву“.
Давала ёму благословленьицо да на двѣнадцать лѣтъ
Ай какъ ѣхать во чисто поле,
Говорила ёму родна матушка:
—Ушь ты гой еси, да чядо милоѣ!
Ты уѣдѣшь во чисто полѣ подальче,
Ты уѣдѣшь въ прокляту Литву поганую,
Уѣдѣшь ты да на дунай-рѣку—
Какъ тамъ тибя да роспекѣтъ да красно соднышко,
Природуютъ ты да вѣтры буйныя,—
Не куайсе ты да во дунай-рѣки:
А дунай рѣка весьма быстра,

1) Далѣе слѣдуютъ другіе эпизоды, которые и выпускаю.

Какъ вывалить тебя да на синё морё.—
Да какъ тутъ поѣхалъ Добрыня на Почай-рѣку.
Роспекло Добрынюшку красно солнышко,
А роздули ёго вѣтры буйныя;
А отъ того жару захотѣлось Добрыни закупатисе
А во той ли во дунай-рѣки.
Скидывалъ съ себя платьё цвѣтной,
Какъ купался во дунай-рѣки.
Отвалило Добрыню на первую струю;
Нырнулъ какъ Добрыня во второй наконъ,
Отвалило Добрыню на втору струю;
Какъ нырнулъ Добрыня во третей наконъ,
Отвалило Добрыню да на синё морё;
А какъ начать Добрыня плавати.
А какъ съ тихъ-то горъ увидѣла змѣя-та лютая,
Она съ тихъ же со Пещерь-горы;
Налетѣла она на Добрынюшку Микитича,
А сама она говорить да такovy рѣ(ч)ди:
„Какъ писи-ти писали—описалисе,
А волхи-то волховали—провоховалисе:
А да шьто связали-ти; убьётъ меня Добрынюшка;
А топерь Добрынюшка у меня въ когтяхъ.
А да хошь ли ты, Добрынюшка, я тебя огнёмъ сожгу,
И хошь ли ты, Добрынюшка, водой залью,
Ише хошь ли ты, Добрыня, схвачу во двѣнацеть большихъ хоботовъ
А какъ хошь ли то, Добрыня, унёсу ты на Пещоръ-гору,
Да какъ во свой всё высокъ теремъ
А да ко своимъ-то малымъ дѣтоцкамъ тебя да на съѣденыцѣ?“
Говоритъ Добрыня такovy рѣци змѣи лютой:
— А да на воды человекъ взеть—вѣдь какъ мертвогo!
А дай ты мнѣ-ка выплыть на сыру землю,—
Тогда мнѣ убей, хошь ты живѣмъ неси,
Тогда, шьто хошь, то дѣлай-то.—
Да какъ спустила змѣя Добрыню на сыру землю;
Выплывалъ-то Добрыня на крутой-отъ жёлтой песокъ,
Какъ пошѣлъ-то Добрыня по матушки сырой земли.
А какъ лѣту у Добрыни платьѣ чвѣтного,
Ише лѣту ни доброго коня, лошади,
Нѣту у ёго да сабли вострыя.
Какъ по Божьей было милосъти,
По Добрыниной-то было учесъти:
Какъ лёжалъ то тутъ да сѣрой камешокъ.
Какъ увидѣла съ Пещерь-горы змѣя лютая,
А да хочѣтъ нести, схватить въ двѣнацеть большихъ хоботовъ.
Схватилъ-то Добрыня этотъ сѣрой камешокъ,
Какъ бязъ-то онъ змѣю лютую по хоботамъ,

Отшибъ у ей-то вси двѣнадцать больши хоботы.
Какъ падала змѣя да на сыру землю,
Какъ у ней отшибъ вси буйны головы.
А какъ змѣя всё взмолиласе:
„Для моихъ то малыхъ дѣточекъ!
Какъ да дамъ платьѣ чвѣтнѣй,
Чвѣтно платьѣ богатырьскоѣ,
Отдамъ-то я свою палицю чяжолую,
Отдамъ-то я тебѣ свою саблю вострую,
Отдамъ вдосталі своёго коня да Воронеюшка.
Да приложь ты ко мнѣ вси двѣнадцать хоботовъ“.
А да притянулъ, приложилъ двѣнадцать хоботовъ;
И полетѣла змѣя на Пещерь-горы,
А пошѣлъ-то Добрыня за змѣей за лютою.
Какъ приходитъ тутъ Добрыня къ высокому ко терѣму,
Какъ выходитъ тутъ змѣя всё изъ терѣма,
Выносить Добрыни платьѣ чвѣтнѣй.
Одѣвалсѣ, снаряжалсѣ Добрыня въ платьѣ чвѣтнѣй,
А въ чвѣтнѣй платьѣ, богатырьскоѣ;
Отдала она своё платьѣ богатырьскоѣ,
Какъ одѣлъ-то Добрынюшка Микитичъ младъ;
Выводила она коня, лошадь добрую,
Да своёго любимого да Воронеюшка,
Говорила она ему коню доброму:
„Ужъ ты конь, ты конь, да Воронеюшко!
Какъ мнѣ служилъ, такъ и Добрынюшки служи“.
Выносила она саблю вострую:
А какъ взялъ Добрыня у ей саблю вострую,
Отсѣлъ-то Добрыня у змѣи да буйну голову,
Какъ зажѣгъ-то Добрыня змѣинъ высокъ терѣмъ.
Онъ скакалъ скорѣ да на добра коня,
Какъ началъ добра коня постѣгивать
Какъ той жа плѣточкой шолковою;
Подымать его конь выше лѣса стоячого,
Выше лѣса стоячого, ниже облака ходячого,
А какъ скачѣтъ онъ съ горы на гору,
А какъ рудѣйки, озѣры мелки перескакивать.
Какъ прѣхалъ ту Добрыня во свои села ¹⁾....

---

¹⁾ Далѣе слѣдуетъ разсказъ о пудавшейся женитьбѣ Алеши Поповича, мною выпускаемый.

V.

Добрыня-змѣборецъ. Происхожденіе былины.

Исполнивши въ предыдущей главѣ (IV) черновую работу, разобравши многочисленные пересказы былины о Добрынѣ-змѣборцѣ, выдѣливши изъ нихъ все наносное и позднее и установивши старые традиціонные элементы, я теперь могу перейти къ вопросу о прототипѣ былины, времени и мѣстѣ ея происхожденія и о классѣ, въ которомъ она была сложена. При этомъ я буду исходить изъ того, что уже установлено или поставлено на очередь въ трехъ статьяхъ проф. В. Ө. Миллера ¹⁾. Напомню то, что указано въ „Экскурсахъ“.

Символизмъ первыхъ вѣковъ христіанства широко воспользовался старой фигурой дракона-змѣя и сдѣлалъ его постояннымъ символомъ дьявола, ада и всего враждебнаго христіанству. Иногда драконъ ясно изображаетъ язычество, побѣждаемое проповѣдниками христіанства; значеніе борьбы съ язычествомъ, а иногда и съ ересью имѣетъ драконъ на изображеніяхъ многихъ епископовъ первыхъ вѣковъ христіанства. Часто какъ на изображеніяхъ, такъ и въ легендахъ драконъ замѣняется змѣею. Какъ язычество или какъ дьяволъ, драконъ не позволяетъ людямъ получить новую жизнь въ крещеніи, почему иногда изображенія или легенды заставляютъ его не допускать людей къ водѣ.

---

¹⁾ Экскурсы въ область р. нар. эпоса. М. 1892, стр. 32—55; Очерки р. нар. словесности. М. 1897, стр. 144—148; Новые записи былины въ Арханг. губерніи. Спб. 1899, стр. 31—34 (Оттискъ изъ Извѣстій Отдѣленія русск. яз. и слов. И. Акад. Наукъ, т. IV, кн. 2).

Иногда мотивъ этотъ затемняется: драконъ не оберегаетъ воду, но погибаетъ у воды.

Битва съ дракономъ удобно локализуется именно у того источника или той рѣки, гдѣ происходило крещеніе народа.

Подобно тому какъ въ церковно-народной средѣ къ имени великомученика Георгія нѣкогда прикрѣпился мотивъ змѣборства, повидимому, какъ внѣшняя оболочка религіознаго подвига—распространенія христіанства и сокрушенія язычества, — подобно тому въ былинѣ о Добрынь-змѣборцѣ отразилась энергическая и памятная нѣкогда широко на Руси дѣятельность яди князя Владимира, Добрыни, по распространенію христіанства, сопровождавшаяся сверженіемъ идоловъ и массовымъ крещеніемъ язычниковъ. Въ народномъ преданіи Добрыня всего крѣпче связана съ религіознымъ культомъ. Въ свою бытность въ Новгородѣ посадникомъ, онъ ставитъ кумирь надъ Волховомъ и приносить ему жертвы, а затѣмъ, вмѣстѣ съ воеводой Путятой, огнемъ и мечомъ водворяетъ въ томъ же городѣ христіанство и креститъ жителей. Пословица: „Путята крести мечомъ, а Добрыня огнемъ“—свидѣтельствуетъ о томъ, что эти имена крѣпко вѣзались въ народную память. Добрыня, сломившій упорство новгородцевъ въ ихъ язычествѣ, являлся въ представленіи христіанъ ихъ спасителемъ отъ лютои язычниковъ, ихъ освободителемъ отъ діавола. Народная пословица связала имена Добрыни и Путяты. Мѣсто воеводы Путяты заняла въ былинѣ о змѣборствѣ его дочь, Забава Путятична, племянница Владимира, которую Добрыня выводитъ изъ змѣиной пещеры. Едва ли это случайность. Когда борьба Добрыни съ язычниками отлилась въ эпическую форму борьбы со змѣемъ, то согласно съ шаблонною чертой сюжета должна была явиться дѣвица, царская дочь, освобождаемая героемъ отъ змѣя. Соответственно съ общественнымъ положеніемъ Добрыни, родственника Владимира, она должна была стать именно родственницею князя, а тѣсная связь Добрыни и Путяты, намѣстника и воеводы новгородскихъ, сдѣлала ее Путятичной.

Въ „Очеркахъ“ В. О. Миллеръ повторяетъ, что имя Путяты, врученнаго Добрыней при осадѣ Новгорода, сохранилось въ отчествѣ Забавы, вручаемой Добрыней отъ змѣя. Здѣсь авторъ припоминаетъ мѣстное новгородское преданіе о томъ, что на

мѣстѣ, гдѣ стоитъ Перынской скитъ, жилъ звѣрь-змѣяка, который ходилъ въ Ильмень къ волховской коровницѣ. Когда князь Владимиръ приказалъ Новгороду креститься, змѣяку-Перюна схватили и бросили въ Волховъ. Змѣяка, находящійся въ связи съ женщиной, напоминаетъ змѣя, который унесъ Забаву Путятичну. Новгородское преданіе отождествляетъ Змѣяку съ Перуномъ, и это отождествленіе даетъ звено, которое связываетъ былиннаго змѣя съ языческимъ божествомъ. Есть полное основаніе думать, что это преданіе, а также преданіе о крещеніи новгородцевъ, въ Якимовской лѣтописи, послужили въ древности, по крайней мѣрѣ, отчасти матеріаломъ для быliny о Добрынь-змѣборцѣ. Въ виду тѣсной связи историческаго Добрыни съ Новгородомъ можетъ быть поставленъ вопросъ, не былъ ли именно въ Новгородской области сложенъ прототипъ быliny о змѣборствѣ Добрыни.

Таковъ взглядъ проф. В. О. Миллера на происхожденіе быliny о Добрынь-змѣборцѣ. Исслѣдователь оговаривается, что онъ не разрѣшилъ всѣхъ вопросовъ, являющихся при изученіи быliny. Поэтому новый пересмотръ ихъ можетъ быть полезенъ. Такъ, можно поставить вопросъ: нѣтъ ли въ старинной русской литературѣ произведеній, ближайшимъ образомъ связанныхъ съ сюжетомъ быliny? Почему Добрыня имѣетъ отчество „Никитичъ“? Откуда въ былину проникло названіе волхововъ? Откуда явилось представленіе о пещерѣ, въ которой живетъ змѣя? Сравненіе быliny съ нѣкоторыми житіями поможетъ намъ разрѣшить эти и подобныя вопросы, являющіеся при детальномъ изученіи быliny.

Въ одной изъ версій быliny (I, d) Добрыня побѣждаетъ змѣю карманнымъ шелковымъ платкомъ. Нѣчто подобное мы находимъ въ апокрифѣ о св. Георгіи и дѣвицѣ и въ духовномъ стихѣ, передѣлкѣ апокрифа; Георгій говоритъ спасенной дѣвицѣ:

Ты разрушай (т.е. развяжи), дѣва, свой
шелковъ поясъ,

Свяжи имъ змѣю за шею,
Ты веди змѣю въ чисто поле.

Въ проложномъ житіи Тимоея, еп. Прусійскаго, говорится о томъ, что святой „змѣя превелика, въгнѣздъшася въ пещерѣ нѣкоей подъ кюпарисомъ и врежающа человекѣ, помолвився уби, и

вдавъ ехерій, сирѣчь платъ ризный, въ уста его, иже носяше¹⁾. Житіе не говоритъ, для чего нужно было святому вложить въ ротъ дракона платокъ; но послѣдній былъ вложенъ тотчасъ же по убіеніи дракона; слѣдовательно, платокъ необходимъ былъ при борьбѣ. Изъ подобнаго произведенія одна изъ версій былинны могла взять платокъ, какъ средство борьбы со змѣемъ. Указанное житіе показываетъ, что въ агиографической литературѣ существовало представленіе о томъ, что змѣй (драконъ) имѣеть *мъздо*, живеть въ *пещерѣ* и уничтожаетъ людей. Такое же представленіе мы находимъ и въ былинѣ.

Въ житіи св. Тимофея драконъ не символизируетъ язычества или грѣха, но въ основѣ всѣхъ подобныхъ легендъ лежитъ символика. Часто символическій образъ въ послѣдствіи искажается, теряетъ свое первоначальное значеніе и дѣлается чисто-сказочнымъ. Такъ, въ греческомъ прологѣ относительно преп. Агапита говорится, что онъ молитвою умертвилъ дракона („δράκοντα εὐχῆ ἐθανάτωσε“²⁾), т.-е. удалилъ грѣховныя мысли. Въ русскомъ переводѣ мы читаемъ слѣдующее: „Змія великаго, близъ монастыря являющаяся, губяща человекъ и скоты, молитвою своею умори его“³⁾. Очевидно, переводчикъ не понялъ символа и явно реализировалъ его. Въ проложномъ житіи св. Феодора Тирона⁴⁾ рассказывается о томъ, что онъ сжегъ идольскую церковь; еще раньше этого, прежде чѣмъ объявить себя христіаниномъ, Феодоръ думалъ: „аще побѣжду змѣя, побѣжду и діавола“, что онъ и сдѣлалъ⁵⁾.

Очевидно, сожженіе языческаго храма и открытое заявленіе Феодора христіаниномъ символизируется какъ побѣда надъ змѣемъ. Но въ позднихъ рукописяхъ Пролога замѣтно реализованіе этого символа. Въ Прологѣ XIV в. слово „побѣжду“ замѣнено словомъ „убію“⁶⁾. Въ Прологѣ XVI в. Феодоръ не только видитъ змѣя, но и убиваетъ его копьемъ: „внегда мимо

1) Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, т. I, прилож., стр. 176.

2) *Synaxarium Ecclesiae Constantinopolitanae e codice Sirmondiano, nunc Berolinensi. Bruxellis. 1902.* Стр. 473.

3) Рукоп. Румянцевскаго музея: Унд. № 225, л. 457 об., и № 227, л. 403.

4) Прологъ XIII в. Румянцевскаго музея, № 319, л. 74.

5) Напечатанъ г. Пономаревымъ: Славяно-русскій Прологъ, ч. II. Спб. 1898. стр. 46.

нѣкое мѣсто хотяше минути, и видѣ змій (вм. „увѣдѣвъ, яко змій“) превеликъ зѣло... и помысли, яко аще змѣя сего убію, побѣжду и дьявола. И си глаголавъ, уби змѣя копіемъ своимъ“¹⁾).

Приведенныхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы составить себѣ представленіе о той работѣ воображенія, которую возбуждали христіанскія символическія легенды. Одна изъ такихъ легендъ, апокрифическое житіе св. Никиты, содержитъ въ себѣ нѣсколько чертъ, близкихъ къ былинѣ. Вотъ содержаніе апокрифа²⁾).

У царя Максиміана былъ благочестивый и мудрый сынъ Никита. Однажды онъ увидѣлъ во снѣ изображеніе креста надъ своей головой. Проснувшись, онъ сталъ ходить по городу и спрашивать: „Кто мнѣ покажетъ изображеніе, которое я видѣлъ этой ночью?“ Одна женщина Ульяна сказала ему:—Я показала бы тебѣ это изображеніе, но я боюсь твоего отца.—Никита обѣщавъ дать ей много денегъ; тогда она вынула изъ пазухи крестъ, и Никита узналъ въ немъ видѣнное имъ во снѣ изображеніе. Онъ облекся въ нищенское суконное платье и сталъ молиться Богу. Малый отрокъ Юліанъ-отступникъ, которому царь обѣщавъ дать замужь свою дочь, рассказалъ Максиміану, что сынъ его отрекся отъ кумировъ. Царь подстерегъ сына и увидѣлъ, какъ онъ молится на востокъ. Никита сказалъ ему: „О, беззаконникъ! боги глухи, нѣмы, слѣпы и безгласны: уста имѣютъ—не говорятъ, глаза имѣютъ—не видятъ, уши имѣютъ—не слышатъ, руки имѣютъ—не осязаютъ, ноги имѣютъ—не ходятъ, ноздри имѣютъ—не обоняютъ, падаютъ—не встаютъ“. Затѣмъ Никита разбилъ вдребезги двѣнадцать изображеній боговъ въ судилищѣ. Тогда царь сказалъ: „Дитя мое, кто тебя обманулъ—не Егорій ли, котораго замучилъ мой братъ Дадіанъ?“

Далѣе слѣдуетъ описаніе различныхъ мученій, которымъ подвергъ Никиту Максиміанъ. Послѣ мученій царь велѣлъ наложить на него оковы и посадить въ темницу. Діаволь въ видѣ ангела явился въ темницу и совѣтовалъ ему принести жертву богамъ. Но Никита узналъ объ обманѣ отъ архангела Михаила. Онъ

¹⁾ Рукоп. Румянцевскаго музея, № 320, л. 469 об.

²⁾ Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко, вып. III, стр. 146—149. На стр. 146 напечатано „аръ влати быхъ“, нужно— „а рьела ти быхъ“.

простеръ руку, схватилъ діавола, бросилъ его подъ себя, наступилъ на его шею и сталъ его давить; затѣмъ онъ снялъ съ себя оковы и сталъ ими бить діавола, заставляя его рассказать, кто его прислалъ. Діаволь сознался, что его прислалъ Сатана, а самъ онъ—Вельзаулъ. „Я—тотъ, который борется съ епископами, вводя ихъ въ гнѣвъ; я—тотъ, который вводитъ людей въ огонь и въ водахъ потопляетъ; я—тотъ, который заставляеть людей во всемъ согрѣшать и плату давать женщинамъ; я—тотъ, который заставляеть людей говорить, что такой-то попъ грѣшенъ, и мы не примемъ причастія отъ его руки“.

Прошло три года. Царь вспомнилъ, что Никита сидитъ въ темницѣ, и велѣлъ привести его на судъ. Никита привелъ и бѣса на судъ за руку и заставилъ его упасть ницъ предъ царемъ. Царь сказалъ ему: „Никита, это—твой богъ?“—Нѣтъ, это не мой Богъ, но поспѣшникъ твоимъ волхбамъ.—Слѣдуетъ новое мученіе, послѣ котораго Никита опять остался невредимъ.

И вотъ, явились два волхва-вѣдуна („два волхва ведны“), Пахомей, и стали хвалиться передъ царемъ, что они могутъ предать смерти Никиту. И сказалъ имъ царь: „Волхвы мои, если вы это сдѣлаете, то будете моими друзьями, и я дамъ вамъ много денегъ“. Волхвы пошли ¹⁾ за травю, змѣиной пищей, зная хорошо лютое ²⁾ волхвованіе, и дали Никитѣ выпить изъ чаши. Тогда роса упала съ неба въ чашу, все волхвованіе выкипѣло и пролилось на землю, а въ чашѣ оказались тѣло и кровь Христовы. Волхвы, увидѣвъ чудо, крестились. Затѣмъ слѣдуетъ новое чудо—воскрешеніе двухъ мертвецовъ.

И возстали всѣ жители съ царицею на царя. Блаженный Никита крестилъ весь городъ: 12 тысячъ мужчинъ, 9 тысячъ женщинъ и тысячу дѣтей.

Основная черта, сближающая легенду о Никитѣ съ былинной о Добрынѣ, та, что и тотъ, и другой являются борцами противъ злыхъ духовъ. Какъ Добрыня побѣждаетъ змѣя, такъ Никита—Вельзаула. Борьба Никиты съ діаволомъ особенно сильно дѣйствовала на народное воображеніе. Именно этотъ эпизодъ изъ житія изображенъ на металлическихъ маленькихъ образкахъ и

¹⁾ Въ текстъ „И доста“ вм. „Идоста“.

²⁾ Въ текстъ „лѣто“ вм. „люто“.

на амулетахъ, называемыхъ „змѣвиками“: св. Никита держитъ лѣвою рукой діавола за волосы, а въ правой рукѣ у него круглая палка ¹⁾. Въ апокрифѣ діаволь не выводится подъ видомъ дракона, но этотъ символъ такъ часто встрѣчается въ агиографической литературѣ, что замѣна Вельзаула, изображаемаго въ человѣческомъ видѣ, змѣемъ не представляла затрудненія для человѣка, близкаго къ церкви. Но легенда о св. Никитѣ должна была припомниться слагателями былины о Добрынѣ потому, что въ ея содержаніи они могли найти сходство съ дѣятельностью дяди князя Владимира. Никита креститъ городъ съ 22 тысячами населенія; Добрыня креститъ также многолюдный городъ—Новгородъ. Никита—сынъ правителя; Добрыня—дядя великаго князя. Въ виду этого коренного сходства дѣятельности Добрыни съ дѣятельностью героя византійской легенды можно думать, что она оказала нѣкоторое вліяніе на былинку, отразившую въ себѣ память о крещеніи Новгорода. Дѣйствительно, мы находимъ въ былинѣ нѣсколько деталей, сближающихъ ее съ легендой. Никита одѣвается въ суконное платье нищаго. Добрыня носятъ шлцу земли Греческой—принадлежность нищаго странника. Діаволь обманываетъ Никиту, являясь къ нему въ видѣ ангела; змѣй обманываетъ Добрыню, не исполняя даннаго ему обѣщанія. Діаволь говоритъ Никитѣ: „Я—тотъ, который вводитъ людей въ огонь и въ водахъ потопляетъ“. Змѣй говоритъ Добрынѣ:

„Хочешь ли, Добрыня, я тебя огнемъ сожгу?
Хочешь ли, Никитичъ, я тебя водой стоплю?“

Никита живетъ въ темницѣ съ діаволомъ и приводитъ его на судъ за руку, но потомъ отрекается отъ него; Добрыня вступаетъ въ договоръ со змѣемъ, называетъ его крестовымъ братомъ, но потомъ его убиваетъ. Въ легендѣ волхвы хвалятся, что могутъ Никиту предать смерти; въ былинѣ волхвы предсказываютъ Добрынѣ смерть отъ змѣя; и Никита и Добрыня избѣгаютъ смерти.

Несмотря на сходство цѣлаго ряда деталей, былинку нельзя считать передѣлкой легенды. Послѣдняя послужила для слагате-

¹⁾ Жезневскій, Описаніе Тверскаго музея. Археолог. отдѣлъ, № 473, 289; Журналъ Мин. Н. Пр. 1889, июнь, стр. 363.

лей былины однимъ изъ образцовъ, но они кореннымъ образомъ обработали агиографическій матеріалъ.

Переработка зависѣла отъ двухъ причинъ: 1) героемъ былины былъ не христіанскій мученикъ, а храбрый воинъ; 2) правитель, родственникъ героя, стоялъ на его сторонѣ и не былъ его мучителемъ. Поэтому столкновение Добрыни съ княземъ Владимиромъ, которое должно было бы отвѣчать столкновению Никиты съ Максиміаномъ, не играетъ въ былинѣ большой роли; наоборотъ, столкновение Никиты съ діаволомъ легло въ основу былиннаго сюжета. Тѣмъ не менѣе, легенда повліяла на былинку, вслѣдствіе чего типы Добрыни-воителя и его покровителя, князя Владимира, недостаточно выдержаны. Добрыня въ одно и то же время—и воинъ на конѣ, вооруженный, и странникъ въ паломнической греческой шляпѣ. Князь Владимиръ, съ одной стороны,—христіанскій правитель, которому служить Добрыня; съ другой стороны, это—человѣкъ, явшающійся съ волхвами и волшебницами, подобно своему прототипу, царю Максиміану. Послѣдняя черта особенно характерна.

Очевидно, по взгляду слагателей былины, князь не защитникъ своего народа, а просто деспотъ и трусъ, растерявшійся при вѣсти о нападеніи змѣя. Когда змѣй уноситъ его племянницу, онъ въ теченіе трехъ дней скликиваетъ волхвовъ и колдуній, которые научили бы его, какъ достать племянницу. Узнавъ о томъ, что Добрыня уже приходилось биться со змѣемъ, онъ беретъ съ него слово и закрѣпляетъ его обѣщаніе ѣхать на выручку письменнымъ договоромъ. Однимъ словомъ, это—типъ сказочнаго правителя, посылающаго героя на опасное предпріятіе.

Въ виду значительнаго сходства былины съ легендой, мнѣ представляется весьма вѣроятнымъ то, что Добрыня получилъ свое отчество отъ имени героя легенды. Я уже указывалъ (разбирая пересказы III, б), что Добрыня нерѣдко называется въ былинахъ Никитой и Никитой-Добрыней.

По мнѣнію акад. Веселовскаго, отчество Добрыни восходитъ къ героическому прозвищу „Аникитъ“ (Ἀνίκητος = непобѣдимый). Можетъ быть, къ тому же прозвищу восходитъ и имя Максиміанова сына, который въ дѣйствительности оказывается непобѣдимымъ: его не могутъ одолѣть ни отецъ, ни судья, ни діаволъ, ни

волхвы; онъ свергаетъ отца съ престола и крестить городъ. Форма „Аникитъ“ могла быть искажена и дать другое имя—„Никита“. Греческое имя Ἀνικήτος (лат. Anicetus и Anica) переводится и „Аникитъ“ и „Аникита“¹⁾.

Разбирая различныя версіи былины, я указывалъ на то, что она состоитъ изъ двухъ частей, описывающихъ двѣ различныя поѣздки Добрыни: 1) поѣздка къ Пучай-рѣкѣ или къ морю, купанье и первая встрѣча съ змѣемъ; 2) поѣздка на гору Сорочинскую для освобожденія княжеской племянницы. Первую поѣздку Добрыня предпринимаетъ по своей собственной волѣ, при чемъ обыкновенно пѣвецъ оставляетъ ее безъ мотивировки, или же—Добрыня ѣдетъ охотиться (I, 1, d, ж; II, a, б; III, d, e, з, и). Самое купанье его въ рѣкѣ Пучай проф. В. Θ. Миллеръ считаетъ отголоскомъ крещенія киевлянъ на Почайнѣ. Съ тѣхъ поръ какъ В. Θ. Миллеръ писалъ о былинѣ, появились новые матеріалы, дающіе возможность кое-что прибавить къ прежнимъ выводамъ. Разбирая пересказы II типа (раньше неизвѣстные), я сдѣлалъ тотъ выводъ, что они подверглись влиянію отдѣльной былины о доставаніи воды, имѣющей свойство молодить людей. Князь съ княгиней умываются привезенной съ Пучай-рѣки водой и дѣлаются молодыми. Эта былина въ полномъ своемъ видѣ до насъ не дошла, но сохранилась въ видѣ вставки въ былины о Добрынѣ и змѣѣ, о Добрынѣ и Алешѣ и объ Алешѣ и его сестрѣ. Въ послѣдней былинѣ подвигъ Добрыни приписанъ Алешѣ, и это перенесеніе, несомнѣнно, позднее. Борьба Добрыни со звѣрежскимимъ (львенкомъ) также въ одномъ пересказѣ (Тихонравовъ и Миллеръ, II, 67) приписана Алешѣ.

Достать воду съ Пучай-рѣки мѣшаетъ змѣй. Подобное представленіе находится въ Голубиной книгѣ: въ озерѣ лежитъ змѣй и не даетъ людямъ пить воды; они могутъ запастись водой лишь въ то время, когда прибѣгаетъ къ водѣ инорогъ, пугающій змѣя.

Въ новгородскихъ преданіяхъ змѣю, заграждающему воду—соотвѣтствуетъ Зміяка-Перюнгъ или крокодилъ, котораго языч-

---

¹⁾ Сергій, Мѣсяцесловъ Востока, I, 10, 17, 35, 73, 167. Въ Прологъ Синодальной бібліотеки, № 240, л. 167: „Страсть святою мученику Фотия и Аникиты“. Далѣе—„И пришедь Аникитъ...“

ники называли Грономъ, или Перуномъ.¹ Извѣстно, что старые боги проповѣдниками христіанства отождествлялись съ бѣсами, почему змѣй-драконъ, символъ діавола, въ то же время былъ символомъ языческаго главнаго бога. Итакъ, змѣй и въ разсматриваемой (отрывочной) былинѣ—символъ діавола. Что же значить омовеніе водою съ Пучай-рѣки? На аллегорическомъ языкѣ XI столѣтія „омыться“ значило креститься, и язычникъ—человѣкъ грязный. „Повѣсть временныхъ лѣтъ“, рассказывая о кончинѣ княгини Ольги, говоритъ, что ея современники, язычники, „кальни бѣша, грѣхъ не омовени (не омыты отъ грѣховъ) крещеньемъ святымъ. Си (т.-е. Ольга) бо омыся купѣлью святою, и совлечеса грѣховныя одежа ветхаго человѣка Адама и въ новый Адамъ облечеса, еже есть Христосъ“. Итакъ, человѣкъ, переходящій изъ язычества въ христіанство, умывается¹⁾ и надѣваетъ новую одежду. Такое же представленіе находимъ и въ былинѣ: князь Владимиръ и княгиня умылись водою, привезенной съ Пучай-рѣки,—

Ай умылися они да нарядилися,
Нарядилися, помолодилися.

Такимъ образомъ, былина о привозѣ воды для князя и княгини заключаетъ въ себѣ смутное воспоминаніе о крещеніи князя Владимира. Второй бой Добрыни со змѣемъ и освобожденіе Забавы Путятичны намекаетъ на крещеніе новгородцевъ.

Теперь является вопросъ: какого рода историческіе намеки содержитъ первый бой Добрыни и его купанье?

По словамъ проф. В. Ө. Миллера (Экскурсы, 44), „Добрыня, сгонявшій силою въ воду цѣлыми толпами народъ, могъ въ ображеніи полуязыческой среды вызвать образъ какого-то купальщика-фанатика, какого-то любителя купать и купаться, потому что то и другое могло заключаться въ такомъ, напримѣръ, имени, какъ Купало“. Для подкрѣпленія этой догадки В. Ө. Миллеръ ссылается на обрядовыя купальскія пѣсни, въ которыхъ Иванъ Купало, т.-е. Креститель, изъ лица купающаго сталъ лицомъ купающимся. Мнѣ думается, нѣтъ никакой нужды въ такого рода предположеніи. Образъ Добрыни, съ опаской купаю-

¹⁾ Егорій Храбрый говоритъ сестрамъ: „Идите на Иорданъ-рѣку, умойте вы лица бѣлыя: вы набралися духу басурманскаго“.

цагося въ рѣкѣ или въ морѣ и неосторожно заплывающаго на третью струю, гдѣ его могла ожидать гибель, ничего не имѣеть общаго съ тѣмъ крещеніемъ „огнемъ“, которое потомъ долго вспоминалось въ пословицѣ. На этотъ подвигъ Добрыни намекаетъ второй его бой, кончающійся сожженіемъ змѣйнаго гнѣзда. Что же касается купанья Добрыни, то, вѣроятно, оно составляло предметъ отдѣльной былины, рассказывавшей о дѣтствѣ героя. Я не могъ бы указать прототипъ этой былины, но подобный рассказъ находится въ одномъ изъ отдѣловъ „Девгеніева дѣянїя“. Какъ и въ былинѣ о Добрынѣ, въ греческой поэмѣ говорится о рожденїи героя, нареченїи имени, крещенїи, обученїи владѣть копьемъ и ѣздить на конѣ и объ охотѣ на звѣрей. Описанїе первыхъ подвиговъ Девгенїя оканчивается слѣдующимъ эпизодомъ. На охотѣ отецъ Девгенїя видитъ, что платке на его сынѣ испачкалось отъ звѣринаго пота и медвѣжьей слюны, и говорить ему: „Пойдемъ, мой сынъ, изъ этого темнаго лѣса; въ лѣсу есть водный источникъ, въ которомъ словно свѣча свѣтится; изъ простыхъ людей никто не можетъ къ нему подойти, потому что въ немъ совершаются многїя чудеса. Пойдемъ же, дитя, къ источнику, и я самъ своими руками омою лицо твое, руки и ноги“.

Когда они пришли къ источнику, Девгенїй сказалъ: „Отецъ, ты моешь мои руки, а имъ еще предстоитъ быть грязными“. Какъ только онъ сказалъ это, прилетѣлъ къ источнику тому большой змѣй съ четырьмя человѣчьими головами. Девгенїй поскакалъ къ нему навстрѣчу, ударилъ его мечомъ и отрубилъ у него всѣ головы. Затѣмъ отецъ вымылъ Девгенїя и надѣлъ на него дорогое платье.

Этотъ эпизодъ имѣеть нѣкоторое сходство съ былиной о купаньѣ и первомъ боѣ Добрыни. Но въ былинѣ бой со змѣемъ занимаетъ центральное мѣсто—даже святые отцы предсказываютъ гибель змѣя отъ Добрыни, — между тѣмъ какъ въ греческой поэмѣ это—только одинъ изъ эпизодовъ охоты. Во всякомъ случаѣ, сравненїе этихъ двухъ произведенїй даетъ основанїе утверждать, что былинный рассказъ о купаньѣ Добрыни не можетъ быть намекомъ на дѣятельность его въ Новгородѣ. Скорѣе, онъ представляетъ собою отдаленный отголосокъ преданїя о крещенїи самого Добрыни.

Извѣстныя въ настоящее время былины о Добрынѣ представляютъ цѣлый циклъ сказаній, конечно, появившихся въ разное время и въ различныхъ областяхъ. Можно думать, что нѣкоторыя былины объ этомъ героѣ до насъ не дошли. По крайней мѣрѣ, извѣстно нѣсколько эпизодовъ, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является Добрыня и которые не представляютъ законченныхъ былинъ, а сохранились какъ вставки въ другія былины. Мы уже пришлось указать такого рода вставки: бой съ Невѣжей, съ бабой Ягой (1, е); сюда можно причислить бой съ бабой Горыниной¹⁾, съ Латынгоркой²⁾, со львомъ или скимномъ³⁾, съ силой невѣрною⁴⁾; встрѣчу со смертью⁵⁾, гибель въ рѣкѣ Смородинѣ⁶⁾, самоубійство⁷⁾.

Все эти эпизоды, какъ можно думать, нѣкогда представляли изъ себя болѣе цѣльныя былины, но дошли до насъ въ отрывочномъ видѣ. Возможно, что и о дѣтствѣ и купаньѣ Добрыни существовала отдѣльная былина, которая впоследствии была соединена съ былиной, гдѣ герой выручаетъ отъ змѣя княжескую племянницу. Въ такомъ случаѣ, купанье Добрыни въ морѣ или рѣкѣ символически воспроизводитъ преданіе о переходѣ его изъ язычества въ христіанство.

Что многое изъ эпической біографіи Добрыни не дошло до насъ, объ этомъ можно заключить изъ намековъ, содержащихся въ извѣстныхъ намъ пересказахъ. Таково предсказаніе. Въ былинѣ о боѣ Ильи Муромца съ сыномъ Ильи вспоминаетъ о томъ, что „смерть ему на бою не писана“; въ соответствіи съ этимъ мы знаемъ былинку, въ которой передается рассказъ о такомъ предсказаніи странниковъ (Христа и апостоловъ). Что касается Добрыни, то изъ словъ змѣя мы знаемъ о предсказаніи святыхъ отцовъ, что онъ долженъ погибнуть отъ руки Добрыни.

1) Сборникъ Кирши Данилова, стр. 154—157; Рыбниковъ, I, 65.

2) Бѣломорскія былины, 489—491.

3) Кирѣевскій, II, 1—2, 9—11; Гильфердингъ, № 234; Соболевскій, I, № 485; Этнографическій сборникъ, VI, статья г. Потанина, стр. 96; Тихомировъ и Миллеръ, II, 65—68, 278.

4) Рыбниковъ, II, 33.

5) Тамъ же, стр. 36.

6) Соболевскій, I, 363.

7) Бѣломорскія былины, 38.

Очевидно, объ этомъ предсказаніи сообщалось въ недошедшей до насъ былинной версіи. Оно должно было помѣщаться при описаніи дѣтства героя. Извѣстное теперь описаніе дѣтства Добрыни принадлежитъ другому Добрынь—рязанскому храбру Добрынь, Златому поясу, подвиги котораго лѣтопись относитъ къ первой четверти XIII в. Добрыня—сынъ рязанскаго купца. Начало былинны ясно обнаруживаетъ свое происхожденіе изъ мѣстныхъ рязанскихъ преданій:

Доселѣва Рязань слободой слыла,
А нынѣ Рязань славенъ городъ сталъ.

Хотя крѣпость („градъ“) подъ названіемъ Переяславля Рязанскаго была заложена еще въ 1095 году, но до конца XII ст. Рязань могла называться слободой, потому что въ церковномъ отношеніи она была подчинена черниговской епископіи. „Свободой“ или „слободой“ называлось вновь заведенное поселеніе, пользовавшееся свободой отъ извѣстныхъ повинностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ принадлежавшее къ „городу“, какъ болѣе крупной единицы. Рязанская самостоятельная епископія возникла въ 1198 г., и съ того времени Рязань могла уже слыть городомъ, такъ какъ тамъ въ это время жилъ великій князь ¹⁾.

Слѣдовательно, описаніе дѣтства Добрыни (входящее въ составъ также былинны о боѣ его съ Ильей Муромцемъ) присоединено къ былинѣ о купаньѣ сравнительно поздно и, какъ мы видѣли, вошло въ составъ пересказовъ лишь одного III типа. Былинны, записанныя въ Олонецкой губерніи, не знаютъ Добрыню рязанцемъ; тѣмъ не менѣе и въ нихъ мы находимъ намеки на описаніе рожденія и дѣтства героя (I, б, 1). Изъ этого слѣдуетъ заключить, что это описаніе составляло принадлежность древнѣйшей версіи былинны о змѣборствѣ. Быть можетъ, въ составъ этого описанія входила пѣсня о звѣрѣ скимнѣ (львѣ, индрикѣ), которую начинаютъ нѣкоторыя былинны о Добрынь. Какъ смотрѣть на эту пѣсню?

По словамъ проф. В. О. Миллера ²⁾, „враждебныя богатырю-

¹⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, I, 704, 1520, прим. 4; Иловайскій, Исторія Рязанскаго княжества, 27, 97. Переяславль Рязанскій (теперь село Рязань) въ старыхъ извѣстіяхъ носитъ названіе „Старой Рязани“.

²⁾ Эскурсы, 42.

змѣборцу силы почували его рожденіе: представитель этой силы, какой-то страшный скимень звѣрь (левъ), носящій всѣ признаки эпического змѣя, кричащій по-звѣриному, шипящій по-змѣиному, подбѣгаетъ со стадомъ звѣринымъ-змѣинымъ къ Нѣпрѣ рѣкѣ (на которой совершилось крещеніе киевлянъ), и отъ этого всколебалась земля, посыпался съ крутыхъ береговъ песокъ, и помутилась вода. Діавольская сила заволновалась, предчувствуя, что ея власти наступаетъ конецъ съ нарожденіемъ Добрыни⁴.

Дѣйствительно ли скимень—олицетвореніе діавольской силы? Описание этого чудеснаго звѣря не соотвѣтствуетъ такому предположенію: у него шерсть буланая, золоченая, на каждой шерстинкѣ по жемчужинкѣ, на спинѣ два серебряныхъ блюда, на блюдечкахъ два яблочка катаются, жемчугъ по блюдамъ рассыпается; глаза у него горять, какъ звѣзды. Такого рода представленіе свойственно величальнымъ пѣснямъ: подобнымъ образомъ описывается плугъ въ южно-русскихъ колядкахъ или чудесный пахарь Микула со своей сохой:

Сошка у оратая кленовая,
Присошечень у сошки серебряный,
А рогачикъ-то у сошки красна золота.
А у оратая кудри качаются—
Что не скатень жемчугъ рассыпается¹⁾.

Таково же описаніе Егорія Храбраго, у котораго руки въ золотѣ, ноги въ серебрѣ, голова жемчужная, по вискамъ звѣзды катаются, за ушами зори занимаются. По мнѣнію В. Θ. Миллера, скимень носитъ всѣ признаки эпического змѣя. Наоборотъ, описаніе скимна до извѣстной степени соотвѣтствуетъ дѣйствительному виду бросающагося льва: его шерсть—буланая, т.-е. темно-желтая, усы стоятъ какъ щетка, уши—какъ копыя; его щетина опрокинулась напередъ, онъ становится на заднія лапы и кричить. Въ одномъ изъ варіантовъ пѣсни у „скипера“—рога и копыта булатные²⁾. Это указаніе, очевидно, пересено изъ другихъ варіантовъ, гдѣ вмѣсто скимна является Индрикъ-звѣрь³⁾: ---

¹⁾ Гильфердингъ, № 156.

²⁾ Кирѣевскій, II, 2.

³⁾ Соболевскій, I, № 485; Тихонравовъ и Миллеръ, II, 66.

у Индрика копыта булатныя и шерсть сиво-желѣзнаго цвѣта ¹⁾, что опять до извѣстной степени отвѣчаетъ дѣйствительному виду носорога.

Изъ одиннадцати извѣстныхъ намъ пересказовъ пѣсни въ двухъ звѣрь называется *индрикомъ*, въ одномъ ²⁾—*львомъ*, а въ остальныхъ—*скименомъ* (скимеромъ, скиперомъ, скимономъ, устиманомъ). „Левъ“, очевидно, есть переводъ греч. *σκίμνος* (дѣтенышъ льва и вообще дикаго звѣря). Возможность перевода показываетъ, что пѣсня долгое время вращалась въ грамотной средѣ; описаніе льва и иворога какъ будто прямо снято съ затѣливаго рисунка старинной иконы. Слѣдовательно, составитель пѣсни долженъ былъ отнестись къ своей задачѣ вполне сознательно. Какого рода картина представлена въ пѣснѣ? Бѣжить стадо звѣрей, впереди всѣхъ—львенокъ; онъ подбѣгаетъ къ Днѣпру и входитъ по колѣна въ воду. Посыпались берега, помутился Днѣпръ:

Заслышали рожденьце Добрынино,
Дать въ тое время родился Добрыня-князь ³⁾.

Очевидно, появленіе на берегу Днѣпра львенка—символь рожденія героя, который долженъ повести за собою впоследствии людей въ Днѣпръ для крещенія. Добрыня только-что родится; потому символомъ его является дѣтенышъ, скимнъ. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ скимнъ называется воромъ и собакой; въ двухъ—герой даже убиваетъ его ⁴⁾, но это представляетъ собою искаженіе первоначальнаго образа звѣря,—въ противномъ случаѣ трудно было бы объяснить вполне осмысленную замѣну скимна индрикомъ, отцомъ звѣрей и благодѣтелемъ человѣчества. Сравненіе героя со львомъ и вообще съ хищнымъ звѣремъ вполне отвѣчаетъ духу древней поэзіи. Вспомнимъ, что одинъ изъ героевъ Слова о полку Игоревѣ—аръ туръ и буй туръ Всеволодъ; Святославъ, отецъ Владимира Святого, ходилъ какъ барсъ; о князѣ Романѣ Волинская лѣтопись говорить: „Онъ одолѣлъ

¹⁾ Ср. въ малор. колядкѣ: Господь подбираетъ все вороныхъ коней, чей черезъ годъ будетъ „сивоазізі“ (Потебня, Объясненія мр. и средныхъ пѣсней, II, 137).

²⁾ Кирѣевскій, II, 11.

³⁾ Кирѣевскій, II, 11.

⁴⁾ Тихопр. и Миллеръ, II, 278; 67.

всѣ языческіе народы, мудро исполнялъ Божьи заповѣди; онъ устремлялся на язычниковъ какъ левъ, былъ сердитъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ ихъ землю какъ орелъ, храбръ былъ какъ туръ⁴.

Изъ приведенныхъ фактовъ я дѣлаю тотъ выводъ, что появленіе скимна на берегу Днѣпра выражаетъ предвѣстіе будущихъ подвиговъ Добрыни. Нужно замѣтить, что пѣсня о скимнѣ представляетъ большое сходство съ описаніями знаменій, сопровождающихъ рожденіе многихъ эпическихъ героев¹⁾. Такъ, при рожденіи Вольги (Вольха) на небѣ просвѣтился мѣсяць, задрожала земля, море всколебалось, туры и олени за горы пошли, зайцы, лисицы, волки, медвѣди, соболи, куницы спрятались въ лѣсъ, рыбы ушли въ моря, птицы улетѣли за облака. Подобными знаменіями сопровождается рожденіе Егорія Храбраго:

Еще туры, олени по горамъ пошли,
Еще сѣры-ти заюшки по засѣкамъ,
Еще бѣленьки горностаюшки по темнымъ лѣсамъ,
Тутъ вѣдь рыба ступила во морску глубину,
Еще на небѣ взошелъ да младъ свѣтелъ мѣсяць,
На землѣ зародился могутъ богатырь
Да по имени Егорій свѣтъ Храбрыя²⁾.

Намекъ на одно изъ такихъ знаменій сохранился въ побывальщинѣ объ Алешѣ Поповичѣ: „На небесахъ зародился младъ свѣтелъ мѣсяць,—на землѣ-то у стараго соборнаго у Леонтя попа зародился сынъ—могучій богатырь; а имя нарекли ему младъ Алеша Поповичъ“³⁾. Переполохъ, происходящій въ природѣ, имѣетъ непосредственное отношеніе къ будущимъ подвигамъ героя:

Когда на небѣ родился свѣтелъ мѣсяць,
Тогда на Руси родился могутъ богатырь,
Молодыи Вольга Всеславьевичъ.
Рыба отступила во морску глубину,
Все слышачи на Руси багатыря
Молодого бы Вольгу Всеславьевича;

¹⁾ См. Веселовскаго, Разысканія въ области р. дух. стиховъ, II. Спб. 1880, стр. 117—119; Ждановъ, Русскій былевой эпосъ, 296, 416; Стасовъ, Собраніе сочиненій, III, 1003.

²⁾ Бѣломорскія былины, 151—2.

³⁾ Аванасевъ, Народныя русскія сказки, III, 136.

Азод. 312

Птица солеталась по поднебесью,
Все слышачи на Руси богатыря
Молодого Вольга Всеславьевича;
Тонки горносталя—во сыру землю,
Все слышачи на Руси богатыря
Молодого Волью Всеславьевича;
Да буры лисицы по темнымъ лѣсамъ,
Все слышачи на Руси богатыря
Молодого Волью Всеславьевича ¹⁾.

Рыбы, птицы и звѣри предчувствуютъ свою участь: они знаютъ, что родившійся богатырь будетъ великимъ охотникомъ. И дѣйствительно, былина о Вольгѣ рассказываетъ о чудесныхъ ловахъ героя. Рожденіе Добрыни сопровождается почти такими же знаменіями, что и рожденіе Вольги: выбѣгаетъ стадо звѣрей (въ одномъ пересказѣ—два соболя съ кунцею), впереди бѣжитъ скимнѣ; онъ подбѣгаетъ къ Днѣпру, кричить, и вотъ Днѣпръ помутился, море всколебалось.

Еще мелкая-та-ли рыбица на дно ушла ²⁾.

Весь этотъ переполохъ въ природѣ происходитъ оттого, что она слышитъ о рожденіи героя:

Какъ слышалъ лютый Скименъ да невзгодушку:
Ужъ какъ на небѣ родился свѣтель мѣсяць,—
На землѣ-то народился могучъ богатырь ³⁾.

Въ другомъ пересказѣ:

Какъ зачужь воръ-собака нарожденъице:
Народился на святой Руси на богатой
Молодешенекъ Добрыня сынъ Никитѣвичъ ⁴⁾.

Теперь является вопросъ: не знаменуетъ ли рыканіе скимна то, что ему предстоитъ погибнуть отъ руки Добрыни? Я уже указалъ на то, что изображеніе скимна мало подходитъ къ представленію о дьявольской, вражеской силѣ. Нужно обратить вниманіе также на то, что Добрыня предназначенъ къ другому подвигу: святые отцы писали, волхвы волховали и старые люди

1) Ончуговъ, Печорскія былины, 331—2.

2) Гильфердингъ, № 234; ср. Кирѣевск. II, 1.

3) Тихомировъ и Миллеръ, II, 65.

4) Кирѣевскій, II, 2. „На богатой“, вѣроятно, — искаженіе, вмѣсто „да богатырь“.

пророчили, что смерть придетъ отъ Добрыни *змью*; основной подвигъ Добрыни—убійство змѣя Горынича. Слѣдовательно, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что скимнъ, левъ, индрикъ—не противники Добрыни, а его прообразы.

Мы видѣли, что рожденіе Добрыни и Егорія Храбраго сопровождается одними и тѣми же знаменіями. Егорій воспитывается въ горѣ, которая принимаетъ его въ свои нѣдра, какъ мать. По стиху и Голубиной книгѣ, „малый Индрикъ звѣрь“ живетъ также въ горѣ. Это—Мессія, кроткій и сильный, покоряющійся только непорочной дѣвѣ. Въ средневѣковомъ Физиологѣ мы читаемъ объ инорогѣ: „Инорогъ мало животное есть, подобенъ козляти, кротокъ же зѣло; и не можетъ приблизиться къ нему ловець, зане силенъ есть; единъ же рогъ имать посредѣ главы“. ¹⁾ Онъ живетъ пока въ горѣ какъ въ чревѣ матери.

Когда Кондырь-звѣрь *возиграется*,
Всѣ святія горы всколыхаются ²⁾.
Молокита (т.-е. малый китъ!) звѣрь вострепетаетъ—
Еще вся гора да востробоцетъ,
Еще всѣ звѣри испугаются
И съ крутой горы да убираются ³⁾.
Малый Ногиръ ⁴⁾ звѣрь всколыблетъ—
Сіонъ-гора вся поворотится;
Тогда всѣ звѣри ему поклонятся ⁵⁾.
Когда Индеръ звѣрь въ горѣ ⁶⁾ воротится,
Тогда вся земля да восколеблетъ ⁷⁾.

Итакъ, инорогъ живетъ въ Сіонской горѣ ⁸⁾, мѣстопребываніи Бога; когда онъ выйдетъ оттуда, основанія земли поколеб-

¹⁾ Веселовскій, Славянскія сказанія о Соломонѣ 258, прим.; Галаховъ, Исторія русской словесности, I, 203 (ст. Кирпичникова).

²⁾ Варенцовъ, Сборникъ р. духовныхъ стиховъ, 14.

³⁾ Григорьевъ, Архангельскія быliny, I, 602.

⁴⁾ Смѣшеніе съ птицей Ногай, Ногаръ и т. п. См. у Веселовскаго, ор. с., 213—215.

⁵⁾ Григорьевъ, I, 609.

⁶⁾ Въ текстѣ явная ошибка: „въ гору“; ср. далѣе: „поворотится“.

⁷⁾ Дютшъ и Истомянъ, Пѣсни русскаго народа, 2С.

⁸⁾ Представленіе о томъ, что Индеръ живетъ въ горѣ, т.-е. подъ землею, дало основаніе отождествить это животное съ мамонтомъ. Въ Воронежской губерніи записано преданіе о томъ, что Индеръ, т.-е. мамонтъ, живетъ подъ землею и по временамъ оттуда выходитъ. Такъ какъ кость носорога считалось цѣлеб-

лются, и будетъ второе пришествіе Мессіи. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ Голубиной книги мѣсто инорога занимаетъ левъ:

Левъ-звѣрь поворотится—
Всѣ звѣри ему поклонятся ¹⁾.

Единорогъ—противникъ лютаго звѣря льва, которому писано быть царемъ надъ звѣрями ²⁾. Это, конечно,—намекъ на царство Антихриста. Онъ же—противникъ лютаго змія, который не подпускаетъ людей къ водѣ. Извѣстно, что въ Голубиной книгѣ смѣшиваются единорогъ и индрій (hydros)—„звѣрекъ маленекъ, иже убиваетъ коркодила“. Поэтому не только индрикъ (авандрій и т. п.), но и единорогъ очищаетъ источники, достаетъ воду во время засухи ³⁾, какъ символъ Мессіи, источника жизни.

Народная фантазія воспользовалась образомъ второго пришествия Мессіи, и знаменія этого пришествия привлекла къ рожденію героя-распространителя христіанства. Прообразъ Христа—малый звѣрь, живущій въ горѣ, и источающій воду; прообразъ Добрыни—львенокъ, прибѣгающій къ Днѣпру со стадомъ звѣрей. Голубиная книга предсказываетъ, что всѣ звѣри поклонятся индрику; при рожденіи Добрыни впереди всѣхъ звѣрей бѣжитъ скимнъ или индрикъ.

Можетъ быть поставленъ вопросъ: соотвѣтствуетъ ли представленіе о Добрынѣ какъ о христіанскомъ героѣ, русскомъ Мессіи, подвигъ котораго издавна предсказанъ святыми отцами и рожденіе котораго сопровождается чудесными предзнаменованіями,—міросозерцанію въ первые вѣка христіанства на Руси? Что касается предсказанія о крещеніи кіевлянъ, то мы находимъ его въ древнемъ жизнеописаніи князя Владимира (пророкъ говорилъ о русскихъ: „нареку не люди моя—люди моя“ ⁴⁾) и въ позд-

ною, то и мамонтовы клыки стали считать такими же: простой народъ до сихъ поръ грызетъ ихъ при зубной боли. Встарину изъ мамонтовой кости дѣлались небольшія иконы, представлявшія большую цѣнность. См. Исторію Россіи Соловьева, кн. I, 1708; Потанина; Восточные мотивы въ сред. евр. эпосѣ 525,820, прим. 2; Древности, изд. Археол. Общ., VII, 6 (ст. В. Ф. Миллера).

¹⁾ Варенцовъ, 18; ср. Добровольскій, Смоленскій этнографич. сборникъ, IV 171.

²⁾ Сборникъ Кирши Даналова, 172—3.

³⁾ Веселовскій, ор. с., 257; Сочиненія Тихонравова, I, 176—7.

⁴⁾ См. моя Бытовья черты русскихъ былинъ, 77. Ср. Полное Собр. Р. Лѣт. I, 51; X, 58.

нѣйшей легендѣ объ апостолѣ Андреѣ. Извѣстно, что лѣтописцы находили въ византійскихъ сочиненіяхъ, въ особенности эсхатологическаго характера, предсказанія современныхъ имъ историческихъ событій. Также вполне соответствуетъ духу времени и вѣра въ чудесныя знаменія. Въ началѣ XI в., вскорѣ послѣ крещенія Руси, одинъ волхвъ предсказывалъ, что скоро Днѣпръ потечетъ обратно и что Русская и Греческая земля обмѣняются мѣстами ¹⁾. Во второй половинѣ того же вѣка рѣка Волховъ потекла вверхъ передъ разгромомъ, которому подвергъ Новгородъ князь Всеславъ Полоцкій. Въ 1091 г. солнце было какъ мѣсяць во второмъ часу дня. Во время охоты князя Всеволода упалъ съ неба большой змѣй; всѣ пришли въ ужасъ. Въ это же время многіе слышали, какъ земля гремяла. Въ 1064 году, передъ нашествіемъ половцевъ солнце потемнѣло и стало въ родѣ мѣсяца; невѣжды говорили, что его кто-то съѣдаетъ. Въ лѣтописи мы находимъ тѣ же знаменія, что и въ былинахъ; между прочимъ она объясняетъ намъ, почему при рожденіи Добрыни и другихъ богатырей „на небѣ всходитъ младъ свѣтелъ мѣсяць.“ Это—не что иное, какъ солнечное затменіе, при которомъ солнце становится похожимъ на мѣсяць.

Я указалъ, что описаніе дѣтства Добрыни входило въ древнѣйшую версію былины о змѣборствѣ. Разборъ пѣсни о Скименѣ показываетъ, что эта пѣсня представляетъ собою обособившееся начало этой древней версіи. Мы видѣли, что пѣвцы поняли скимна какъ противника Добрыни. Забвеніе истиннаго смысла этого звѣря, какъ прообраза героя, должно было повести къ тому, что начало былины о змѣборствѣ выдѣлилось и стало механически присоединяться къ сюжету „Добрыня въ отъѣздѣ“; нѣкоторые варианты забыли даже имя богатыря и обратились въ безымянную пѣсню.

Выше я указалъ, что былина о змѣборствѣ Добрыни состоитъ изъ двухъ частей. Первая часть, какъ я старался объяснить, носитъ характеръ біографической и описываетъ жизнь героя, начиная съ его рожденія и кончая тѣмъ договоромъ, который установилъ побратимство между Добрыней и змѣемъ. Вторая часть описываетъ поѣздку героя въ жилище змѣя на вы-

---

¹⁾ П. С. Р. Л. X, 97.

ручку родственницы князя. В. О. Миллеръ, не разграничивая этихъ двухъ частей, всю вообще былинку сопоставляетъ съ преданіями и историческими фактами эпохи Владимира Святого. По взгляду уважаемаго профессора, обѣ поѣздки Добрыни представляютъ собою отголосокъ преданій о крещеніи Новгородѣ. Но этому взгляду противорѣчитъ то, что въ первой части былинны упоминаются Почайна и Днѣпръ. Эти названія указываютъ на то, что здѣсь мы имѣемъ отголосокъ кievскихъ преданій, и только вторую часть былинны возможно сопоставлять съ дѣятельностью Добрыни въ Новгородѣ.

Для того, чтобы составить себѣ болѣе отчетливое представленіе объ отношеніи былинны къ преданію о крещеніи новгородцевъ, приводимому Татишевымъ, обратимся къ тому, что извѣстно намъ изъ лѣтописей о крещеніи Новгородѣ. Въ современныхъ событіяхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы находимъ двѣ замѣтки о немъ: 1) Въ 990 г. кievскій митрополитъ Михаилъ отправился въ Новгородъ Великій съ епископами патріарха Фотія (патріархъ Фотій далъ ему въ помощь шесть епископовъ), съ Добрыней, дядею Владимира, и съ Анастасомъ. Онъ сокрушилъ идолы, крестилъ много народа, построилъ церкви и поставилъ пресвитеровъ (священниковъ) по городамъ и селамъ. [На слѣдующій годъ всѣ они отправились (кромѣ двухъ священниковъ) въ Ростовъ.] 2) Въ 991 г. въ Кіевѣ митрополитомъ Леонтомъ въ Новгородъ Великій и Псковъ поставленъ былъ епископъ Іакимъ-курсунянинъ. Онъ пришелъ къ Новгороду, разорилъ „остальныя требища“, сокрушилъ идолы, а Перуна разрубилъ и бросилъ въ Волховъ. Въ позднѣйшихъ новгородскихъ лѣтописяхъ объ Іоакимѣ разсказывается нѣсколько иначе: „И приде епископъ Іоакимъ, и требища разори, и Перуна посече, что въ Великомъ Новѣградѣ стоялъ на Перыни, и повелѣ повлещи въ Волховъ. И повязавше ужи (веревками), влечаху ѣ по калу, біюще жезліемъ и пхающе. И въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ, и нача стонати и вопяти: „о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ!“ И вринуша его въ Волховъ. Онъ же, плыва сквозѣ Великій мостъ, верже палицу свою и рече: „на семъ мя помипають новгородскія дѣти!“ Еюже, и нынѣ безумніа людіе, убивающесе, утѣху творять бѣсомъ. И заповѣда архіепископъ нигдѣже никому переняти (перехватить) его. И плывущу ему и

ношь всю, и иде видблянинъ ¹⁾ порану на рѣку, хотя горницы (горшки) везти въ городъ,—аже Перунъ приплыль къ берегу; и онъ отрину (отпихнулъ) его шестомъ и рече: „ты, Перунице, досыта еси яль и пиль, а нынѣ попллови прочь!“ И плы и до свѣта во кошенье“ ²⁾. Весьма вѣроятно, что это народное преданіе, записанное уже тогда, когда черезъ Волховъ было нѣсколько мостовъ, т. к. въ немъ упоминается „Большой“ мостъ—слѣд., былъ и малый,—ведеть свое происхожденіе отъ монаховъ Перынского скита, поставленнаго на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Съ урочищемъ Перыня связано также и преданіе о звѣрѣ-зміякѣ, доселѣ живущее близъ Перынского скита. Подобное преданіе еще въ XVII в. было включено въ „Исторію еже о началѣ Русскія земли и созланіи Новограда и откуда влечашеся родъ словенскихъ князей“ ³⁾. Передача легенды оканчивается такъ: „Наше же христіянское истинное слово неложнымъ испытаніемъ многоиспытанне извѣстися о семь окаяннѣмъ чародѣи-волхвѣ, яко злѣ разбіенъ бысть и удавленъ отъ бѣсовъ въ Волховѣ, и мечтаніями (чарами) бѣсовскими окаянное его тѣло несено бысть вверхъ по оной рѣцѣ Волхову и извержено на берегъ противу волховнаго его городка, идѣже нынѣ зовется Перыня. И со многимъ плачемъ отъ невѣгласъ (язычниками) погребенъ бысть... съ великою тризною поганскою. И могилу ссыпаша надъ нимъ вельми высокоу, якоже есть обычай поганымъ. И по трехъ убо днехъ окаяннаго того тризница просѣдеса (осѣла, провалилась) земля и пожре мерзкое тѣло коркодилово, и могила его пресыпаса съ нимъ во дно адово. Иже и донынѣ,

¹⁾ Горшечникъ съ рѣки Витьбы.

²⁾ Кошеніе = бросаніе жребія (Срезневскій). Не есть ли это искаженіе словъ: „до святаго крещенья“?

Цитирую изъ хронографич. сборника: „Книга, глаголемая Времянникъ, сирѣчь лѣтописецъ русскій“. М. 1820, т. I, 52. Последняя фраза въ Свейскомъ Времянникѣ, л. 88, читается такъ: „плы изъ свѣта некощное“. Некощный = презрѣнный. До сихъ поръ это мѣсто цитировали по П. С. Р. Л. IV, 207, гдѣ есть цѣлый рядъ искаженій. Преданіе это, несомнѣнно, вошло въ лѣтописи изъ 2-ой редакціи Еллинскаго лѣтописца, составленной, вѣроятно, въ первой половинѣ XIII в. См. А. А. Шахматовъ, Къ вопросу о происхожденіи хронографовъ. Спб. 1899, стр. 70—71, 42—57.

³⁾ А. Н. Поповъ, Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій, внесенныхъ въ хронографы, стр. 442—447.

якоже повѣдаютъ, знакъ ямы тоя не наполнится“. Изъ приведеннаго отрывка видно, что преданіе относится къ смерти какого-то волхва, которому книжникъ придаетъ эпитетъ окаяннаго чародѣя; этотъ волхвъ былъ похороненъ съ тризною новгородцами-язычниками на урочищѣ Перыня, около рѣки. Но несомнѣнно, что волхва, похороненнаго на Перынь, книжникъ смѣшиваетъ съ Перуномъ, статуя котораго стояла на этомъ же мѣстѣ. „Исторія“ рассказываетъ слѣдующее.

Пытаясь объяснить названіе рѣки Волхова, книжникъ XVII в. говоритъ, что она получила свое названіе отъ волхва. Волхвъ былъ бѣсоугодный лютый чародѣй въ людскомъ образѣ; бѣсовскими ухищреніями и чарами онъ превращался въ различные образы и въ образъ лютаго звѣря крокодила. Онъ преграждалъ путь по Волхову тѣмъ, которые ему не поклонялись: однихъ пожиралъ, другихъ потоплялъ. „Сего же ради люди, тогда невѣгласи (язычники), Богомъ сущимъ (истиннымъ) того окаяннаго нарицаху“ и называли его Громомъ или Перуномъ. Для ночныхъ чаръ и собранія бѣсовъ онъ поставилъ малый городокъ на мѣстѣ, которое называютъ Перыня, гдѣ стоялъ и кумиръ Перуна. „И баснословятъ о семъ волхвѣ невѣгласи, глаголюще: въ Бога сѣлъ“.

Въ виду того, что въ послѣдней фразѣ авторъ „Исторіи“ ставитъ наст. вр. „баснословятъ“ и что въ концѣ разсказа онъ говоритъ: послѣ многихъ справокъ я вполнѣ удостовѣрилъ („истинное слово неложнымъ испытаніемъ многоиспытанне извѣстися“) смерть волхва въ Волховѣ и его погребеніе на Перынь съ языческой тризной,—преданіе о смерти волхва нужно считать далеко не позднимъ. Можно думать, что еще въ то время, когда новгородцы почитали волхвовъ (въ XI—XIII вв.) и христіанскіе проповѣдники писали поученія, направленныя противъ язычества, явилось и поученіе противъ боготворенія когда-то убитаго и пышно похороненнаго язычниками новгородскаго волхва.

Только изъ такого поученія и могъ почерпнуть свои свѣдѣнія книжникъ XVII ст. Я уже указалъ, что онъ смѣшиваетъ волхва съ Перуномъ. Превращеніе въ лютаго звѣря крокодила и плаваніе *вверхъ* по рѣкѣ (послѣднее сохранено и въ народномъ преданіи, записанномъ Якушкинымъ, о звѣрѣ-змійкѣ Перюнь) относятся, несомнѣнно, не къ волхву, а къ Перуну. Плаваніе

статуи Перуна по Волхову отмѣчено новгородскою лѣтописью и, несомнѣнно, вошло въ народную поэзію. Нѣкоторые пересказы былины о подвигахъ Ильи Муромца съ Идоломъ переносятъ эти подвиги изъ Царьграда въ Новгородъ. Въ одной олонечкой былинѣ, гдѣ Идолище насильничаетъ въ Царьградѣ, здѣсь же оказывается и рѣка Волховъ:

Ударилъ онъ (Илья) Идолище да между уши.
Покатилось головище какъ пивной котель,
Полетѣла глазища, будто селезни,
И поплыли по Волхову.
Понесло его тушу сѣнную несмѣтную.
Тутъ ему, проклятому, славы поють¹⁾.

Несомнѣнно, что образъ Идола Скоропита (скорпиѣ, дракона), поганого и нечестиваго²⁾, напомнилъ одному изъ сѣверныхъ пересказчиковъ былинъ мѣстное новгородское преданіе о сверженіи въ Волховъ Перунова идола, и онъ включилъ его въ былинѣ о гибели Идолища поганого.

Судя по тому, что надъ могилой волхва, по словамъ „Исторіи“, язычники насыпали большой холмъ, надо полагать, что онъ погибъ въ очень древнее время, и я думаю, что не будетъ особенно смѣлымъ сопоставить преданіе о волхвѣ съ тѣмъ „вышимъ жрецомъ“ Богомиломъ, прозваннымъ сладкорѣчія ради Соловьемъ, о которомъ говорить (у Татищева) Якимовская лѣтопись. Что при насильственномъ крещеніи новгородцевъ онъ былъ убитъ, не можетъ быть сомнѣнія: всѣ волхвы, о которыхъ только упоминается въ лѣтописяхъ (подъ годами 1023, 1024, 1071, 1093, 1227), были убиты князьями, ихъ восводами или намѣстниками.

А такъ какъ новгородское простонародье еще долго не усвоивало греческой вѣры, несомнѣнно, до конца XI в., а можетъ быть, и долѣе, то вполне естественно, что Богомилъ, какъ талантливый ораторъ и мученикъ, былъ обожествленъ—„въ Бога

1) Тихонравовъ и Миллеръ, стр. 56. Ср. замѣч. В. Ф. Миллера, Новыя записи былины въ Якутской области, 14 (Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. V, кн. 1). Григорьевъ, Арханг. былины, № 19, ст. 82.

2) Въ одномъ пересказѣ онъ прямо названъ *змищель*: Григорьевъ, Архангельскія былины, I, № 112, ст. 167.

сѣлъ⁴. Убитый кн. Глѣбомъ новгородскій волхвъ еще при жизни выдавалъ себя за Бога.

Въ виду связи, въ которую ставитъ легенда XVII в. Перуна съ его служителемъ, волхвомъ, можетъ быть поставленъ вопросъ: не отразился ли гдѣ-нибудь въ былинахъ образъ волхва,—противника Добрыни, по преданію Якимовской лѣтописи? Нужно замѣтить, что представители какъ языческой, такъ и христіанской религіи высоко ставятъ знаніе. Олегъ прозванъ вѣщимъ за то, что онъ узналъ, что греки, поднося ему питье и кушанье, хотятъ его отравить; оборотень князь Всеславъ имѣетъ вѣщую душу; вѣщимъ авторъ Слова о полку Игоревѣ называетъ и „смысленаго“ пѣвца Бояна, который растекался мыслью по лѣсу, леталъ умомъ подъ облаками и зналъ много мудрыхъ изреченій. Христіане называютъ язычниковъ „невѣгласами“, невѣждами, а себя „вѣгласами“, образованными. Новгородскій волхвъ при князѣ Глѣбѣ, выдавая себя за Бога, говорилъ, что онъ все знаетъ впередъ („яко провѣдѣ вся“); „знаешь ли, что будетъ завтра и сегодня до вечера?“ спрашивалъ его Глѣбъ. Тотъ отвѣчалъ: „все знаю“. Самые термины: вѣдство, вѣдунъ, вѣдунья, вѣдьма, вѣдьмакъ, знахарь, знахарка, показываютъ, что отъ волхвовъ или лицъ, ихъ замѣнявшихъ, требовалось прежде всего знаніе, въ особенности, конечно, знаніе будущаго¹). Борель за христіанскую религію тоже высоко ставитъ знаніе и въ своей религіи видитъ истинное знаніе, между тѣмъ какъ въ представителѣ язычества его не признаетъ. Слѣдовательно, образованность должна быть необходимой принадлежностью героя, борющагося со змѣемъ, защитникомъ язычества. И дѣйствительно, при характеристикѣ героевъ былины всегда говорятъ, что Добрыня отличался вѣжествомъ:

Нѣтъ на вѣжество—Добрынюшка Никитича²).

Мать говоритъ Добрынѣ, что она рада была бы при рожденіи надѣлать его всеми талантами, между прочимъ, вѣжествомъ—самого Добрыни³). Въ одномъ пересказѣ былины объ отъѣздѣ

¹) Ср. мои Бытовые черты р. былины, 76—79.

²) Бѣлом. был. № 101, ст. 4; Тиховр. и Миллеръ, № 49, ст. 4; № 67, ст. 5; Опчуровъ, № 84, ст. 45.

³) Рыбниковъ, I, № 25, ст. 24; Гильердингъ, № 5, ст. 759; № 149, ст. 30; № 157, ст. 267.

Добрыни слово „вѣжество“ замѣнено словомъ „бѣгство“¹⁾, и эту замѣну объяснить нельзя иначе, какъ искаженіемъ слова „вѣдовство“. Теперешніе сказители (а также пѣвцы XVIII в.²⁾) понимаютъ это вѣжество какъ вѣжливость, умѣнье вести себя или знаніе грамоты³⁾, но въ XI—XII вв. это слово обозначало знаніе, образованность, мудрость⁴⁾.

„Вѣдать“, т.-е. быть мудрыми, могутъ лишь представители религіи. Естественно, что представители христіанской религіи не признаютъ этой способности за волхвами.

Лѣтописецъ подъ 1071 г. рассказываетъ, что волхвъ, убитый княземъ Глѣбомъ, не зналъ о своей смерти; о волхвахъ, пришедшихъ съ Волги въ Бѣлоозеро, онъ говоритъ, что „другимъ они предсказывали и гадали („вѣдуще и гадающе“), а о своей гибели не узнали; если бы они знали, они не пришли бы на то мѣсто, гдѣ они должны были быть схвачены; даже когда ихъ схватили, зачѣмъ они говорили, что не будутъ убиты, тогда какъ онъ (Янъ) намѣревался ихъ убить?“

Въ одной легендѣ, рассказывающей о постройкѣ первой христіанской церкви въ Бѣлозерской сторонѣ, на рѣкѣ Шекснѣ, говорится, что тамъ „жили люди некрещены; поставили церковь, а не вѣдаютъ, во имя котораго святого; нѣкто *невѣжа* взялъ просфиру, а просфира окаменѣла“⁵⁾. Легенда сохранилась въ рукописи Соловецкаго монастыря и, повидимому, передаетъ мѣстное бѣлозерское преданіе. Отсюда можно заключить, что въ Новгородской области нѣкогда употреблялся терминъ „невѣжа“ для обозначенія язычниковъ-финновъ.

Добрыня, какъ представитель христіанства, отличается вѣжествомъ. Естественнымъ врагомъ его является представитель старой религіи—Невѣжа. Разбирая группу *e* перваго типа былины о змѣборствѣ, я уже указалъ, что битва Добрыни съ Невѣжей составляетъ принадлежность былинь о Добрыни въ отъѣздѣ (Неудавшаяся женитьба Алеши) и что встрѣча съ Невѣжей представляетъ лишь отрывокъ былины, не дошедшей до насъ въ

1) Бѣлом. был., № 62, ст. 209.

2) Сборникъ Кириши Дан., 97.

3) Оичуковъ, стр. 8, 138; Бѣлом. был. 47, 434, 527.

4) Срезневскій, Матеріалы для словаря, слова: вѣжа, вѣжливый, невѣжество.

5) Ключевскій, Курсъ русской исторіи, I, 373.

цѣломъ видѣ. Слѣд., это—отдѣльная былина, не имѣющая отношенія къ змѣборству. Въ извѣстныхъ теперь отрывкахъ упоминаются два богатыря: Добрыня и Илья Муромецъ; значить, мы знаемъ позднюю версію столкновенія Добрыни съ Невѣжей. В. Ө. Миллеръ ¹⁾ говоритъ, что Добрыня, убивъ его, расправляется съ его тѣломъ „такъ, какъ нѣкогда историческій Добрыня расправлялся съ идолами въ Новгородѣ:

„И тутъ Невѣжу онъ разсѣкъ разрубилъ,
И огня-то расклялъ, на огнѣ его сожогъ“.

Я думаю, что былина намекаетъ на нѣчто другое. Вѣдь, Невѣжа выставляется колдуномъ: онъ обертывается чернымъ ворономъ и змѣемъ; въ другихъ пересказахъ былины объ отсѣздѣ (см. I, e) его замѣняетъ баба-Яга, колдунья. Невѣжа—противникъ христіанства, и его нужно наказать по церковнымъ законамъ. Извѣстно, что византійское церковное законодательство очень любило и заботливо разрабатывало тѣлесныя наказанія, осложняя физическую боль уродованіемъ человѣческаго тѣла, ослѣпленіемъ, отсѣченіемъ руки и другими бесполезными жестокостями ²⁾. По церковному греческому установленію, принятому въ древней Руси, люди, производившіе мятежъ противъ церкви, наказывались сожженіемъ. Въ 1169 г. кіевскій митрополитъ приказалъ еретика, ростовскому епископу Θεодору, „языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретика, и руку правую отсѣщи и очи вынять“. Татищевъ къ этому прибавляетъ, что тѣло Θεодора наконецъ сожгли на торговой площади предъ народомъ ³⁾. Сожженіе еретиковъ широко практиковалось въ Московскомъ государствѣ съ начала XVI в. и до конца XVII. По сожженію подвергались не одни еретики; имъ наказывалось вообще противленіе церковному началу. Такъ, въ 1174 г. была сожжена наложница галицкаго князя Ярославъ Осмомысла, при чемъ съ самого князя взяли присягу, что онъ будетъ жить съ одной законной женой ⁴⁾. Къ противникамъ церкви очень рано были отнесены и люди, занимавшіеся гада-

¹⁾ Эскурсы, 43.

²⁾ Ключевскій, Курсы русской исторіи, I, 310.

³⁾ Макарій, Исторія русской церкви, III, 254, прим. 35. Мои „Бытовые черты р. былинъ“, 92—93.

⁴⁾ П. С. Р. Л. II, 106.

ніемъ и тайнымъ врачеваніемъ, т.-е. волхвы и бабы-колдуньи. Въ Ярославовомъ церковномъ уставѣ есть статья, по которой женщину, занимавшуюся какимъ-либо родомъ волхвованія, надлежало строго наказывать. То же самое повторяетъ правило митрополита Іоанна II (1080—1089) по отношенію къ людямъ обоого пола, занимающимся волхвованіемъ¹⁾. Волхвы, какъ вожаки народнаго движенія, направляемаго противъ церкви, наказывались, подобно еретикамъ, сожженіемъ. Въ 1227 г. въ Новгородѣ сожгли четверыхъ волхвовъ на Ярославовомъ дворѣ, такъ какъ про нихъ говорили, что они производили отравы. „А Богъ вѣсть“, прибавляетъ правдивый новгородскій лѣтописецъ²⁾.

Въ одномъ „Сказаніи лѣтомъ вкратцѣ“ подѣ 1303 годомъ находится такое сообщеніе: „Хлѣбъ бысть дорогъ; сего ради сожгоша 4 жены злыхъ“ (Правосл. Палестинскій сборникъ, 12-й вып. Спб. 1887, стр. 30). Эти „злыя жены“,—конечно, бабы-колдуньи. Случай сожженія колдуній бывали, и недалеко отъ Москвы, еще въ концѣ XIX в. То, что теперь признается простонароднымъ суевѣріемъ, когда-то было вѣрой людей, близкихъ къ церкви. Память о такой расправѣ съ отравительницами (иногда, какъ въ новгородскомъ извѣстіи 1227 г., лишь подозрѣваемыми въ отравленіи) сохранилась въ пѣснѣ о томъ, какъ сестра хотѣла отравить брата. Братъ, узнавши объ этомъ, говоритъ ей:

„Ты и бойся, сестра, дубова костра!“
Онъ вложилъ дрова среди двора,
Какъ сжегъ ея тѣло бѣлое
Что до самаго до пепелу;
Онъ развѣялъ прахъ по чясту полю.

(Соболевскій, Великор. нар. пѣсни, т. I, №№ 135 и 134).

Такъ же развѣяли пепель отъ трупа „злого еретика“ Лжедмитрія. Въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины о Добрынѣ и Маринкѣ Добрыня расправляется съ ней, какъ съ колдуньей и еретицей, посредствомъ огня:

¹⁾ Ключевскій, 310—311.

²⁾ Новгородская лѣтопись по Синод. списку, 110.

Срубилъ-то Добрыня у Марины буйну голову,
И клалъ да на дрова дубовыя
И пепель разсыялъ по чисту полю.

(Тихонравовъ и Миллеръ, № 26; почти то же—у Гильфердинга, № 316).

Связь такого сожженія съ постановленіями церкви ясно обнаруживается въ другомъ пересказѣ: Гильфердингъ, № 163. Добрыня.

Отрубилъ Маринкину буйную голову...
Онъ собираетъ поповъ, протопоповъ всѣхъ.
Собиралися попы, протопопы всѣ,
Дѣлали огни палящіе,
Рыли (бросали) Маринкино бѣло тѣло
На эти на огни на палящіе.
Какъ у души у Маринки дочь-Игнатъевны
Во всякомъ суставѣ по змѣенышу.

Въ послѣднемъ выраженіи обнаруживается связь колдовства и еретичества съ образомъ змѣя-дѣвола, котораго можно уничтожить только огнемъ. Такъ поступаетъ Добрыня и съ Певѣжей, сжигая его тѣло на огнѣ. Въ одномъ изъ вариантовъ о Потыкѣ богатыри такъ расправляются съ его лихой женой: ее повѣсили, а затѣмъ:

Да расклали огонь, большой пожогъ (костеръ),
Повалили вѣдь Марешку на большой пожогъ
Да сожгли-то ея какъ тѣло бѣлое,
Еще пепель какъ развѣяли по чисту полю.

(Бѣломорскія былины, № 100.)

По мнѣнію акад. Веселовскаго, образъ жены Потыка сложился по образу Марины въ былинахъ о Добрынѣ (Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1905, № 4, стр. 313).

Огонь во всѣхъ этихъ казняхъ является средствомъ очищенія отъ злого духа, овладѣвшаго еретицей или колдуньей. Свойство огня уничтожать нечистую силу особенно ясно обнаруживается въ былинѣ о сорока каликахъ, которые жгутъ селитру на груди одного изъ товарищей, нарушившаго, по ихъ мнѣнію, ихъ постановленіе ¹⁾. Они судятъ его „своимъ судомъ“ ²⁾, т.-е. церковнымъ, который былина противопоставляетъ „княжескому“ ²⁾, т.-е. свѣтскому ²⁾.

¹⁾ Бѣломорскія былины, 449, 498, 526.

²⁾ См. мои Бытовыя черты р. былины, 92—3.

Селитрой прожигается грудь, очевидно, потому, что въ ней находится сердце, заключающее въ себѣ, по древнему представленію, источникъ всей духовной жизни человѣка; если сжечь сердце грѣшника, то будетъ уничтоженъ злой духъ, руководившій его поступками.

Я указалъ выше, что смерть главнаго новгородскаго волхва Богомила, о которомъ сохранила преданіе „Исторія“ Татищева, могла впоследствии дать легенду о волхвѣ, погребенномъ на урочищѣ Перыня. Впоследствии, когда подробности борьбы Добрыни съ новгородцами и ихъ предводителями, Богомиломъ и Уговаемъ, были забыты, пѣвцы могли воспѣть побѣду его надъ волхвомъ; а такъ какъ въ представленіи пѣвцовъ волхва, какъ противника церкви и носителя дѣвольской силы, слѣдуетъ сжечь, то и Невѣжа подвергается той же участи: его сжигаютъ. Судя по тому, что Невѣжа грозитъ самому князю Владимиру и что мать совѣтуетъ беречься Невѣжи, нужно думать, эта былина возникла еще въ то время, когда волхвы имѣли большую власть, слѣд., въ XI в. Въ рассказѣ о волхвахъ, помѣщенномъ въ лѣтописи подъ 1071 г., говорится, что у двухъ волхвовъ, пришедшихъ съ Волги на Бѣлоозеро, было 300 людей. Туда пришелъ сборщикъ дани Янъ, но бѣлозерцы не согласились выдать ему волхвовъ. Когда онъ отправился къ нимъ одинъ, безъ оружія, его отроки предупреждали его объ опасности. И дѣйствительно, во время стычки его дружины со сторонниками волхвовъ былъ убитъ бывший съ Яномъ попъ.

Обратимся опять къ былинѣ о змѣборствѣ. Теперь можно будетъ дать отвѣтъ на поставленный проф. В. О. Миллеромъ вопросъ, не въ Новгородской ли области сложенъ былъ прототипъ былины. Мы видѣли, что былина о второй поѣздкѣ Добрыни разработала мѣстное, живущее понынѣ близъ Новгорода, преданіе. Герою ея является новгородскій намѣстникъ, который былъ извѣстенъ жителямъ города гораздо раньше его „христіанскаго“ подвига, еще съ 970 г., когда онъ явился въ Новгородъ вмѣстѣ съ сыномъ его сестры Малки, или Малуши, Владимиромъ въ качествѣ его опекуна. Въ 980 г., когда Владимиръ сдѣлался кіевскимъ княземъ, Добрыня становится новгородскимъ намѣстникомъ. Послѣ вторичнаго крещенія новгородцевъ онъ остается въ Новгородѣ, судя по тому, что Татищевскій сводъ упоминаетъ

объ уходѣ оттуда одного лишь Путяты. О новгородскомъ происхожденіи былины говоритъ и то, что въ двухъ ея мѣстахъ упоминаются волхвы (I, а, б; II, а; III, з, д, ж, и), при чемъ во второмъ случаѣ они приравняются святымъ отцамъ. Такое отождествленіе христіанскихъ святыхъ съ языческими священнослужителями, а также представленіе, что князь Владимиръ скликивалъ къ себѣ волхвовъ, зелейницъ и волшебницъ, свидѣлствуютъ также о сѣверномъ происхожденіи былины; на югѣ волхвы никогда не имѣли большого значенія, тогда какъ на сѣверѣ они пользовались популярностью до XIII ст. Даже въ поздней новгородской былинѣ гость Терентій, у котораго захворала жена, идетъ „дохтуровъ добывать, волхи-то спрашивать“¹⁾.

Въ подтвержденіе новгородскаго происхожденія былины о второй поѣздкѣ Добрыни должно еще указать на то, что героиней является въ ней та же Забава Путятична, чтѣ и въ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ, несомнѣнно, новгородской. Самое имя „Забава, Запава“ представляется мнѣ эпонимическимъ. Вѣроятно, оно было такимъ же олицетвореніемъ мѣстности (можетъ быть, рѣчки), какимъ въ былинахъ о Садкѣ являются молодецъ Ильмень со своей сестрой Волховой, дѣвушка Чернава (рѣчка, впадающая въ Ильмень), или въ выше указанной „Исторіи о созданіи Новгорода“ Волховъ отъ Волхва, сына Словена, Шелонь отъ его жены, протокъ Жплотугъ отъ его внука²⁾. Вѣроятно, въ Новгородѣ было урочище, носившее имя Забавы или Запавы; это можно предполагать на томъ основаніи, что еще теперь въ Новгородѣ есть *Забавская* улица.

Что былины о Добрынѣ преимущественно сѣвернаго происхожденія, видно между прочимъ изъ того, что онъ иногда называется „племянникомъ“ князя Владимира, тогда какъ историческій Добрыня былъ его дядей. Да XVI в. слово „племянникъ“ не употреблялось въ теперешнемъ его смыслѣ. Какъ указалъ Н. В. Васильевъ³⁾, это слово обозначало только человѣка, принадлежащаго къ тому же роду, племени. Въ такомъ значеніи оно употреблено въ двухъ новгородскихъ грамотахъ XV в.: 1) Если

1) Сборникъ Кириши Давилова, 6.

2) Ср. Жданова, Русскій былевой эпосъ, 419—420

3) Этногр. обозр., кн. LXII. (1904, №3), 59—60.

игумену Савастыану не понадобится та земля, то мои „племянники“ должны дать ему сорочекъ за сорокоустъ, а въ пользу монастыря 30 бѣлокъ на ладанъ. Здѣсь племянники—вообще наследники послѣ смерти. 2) Въмѣсто истца представить (на судъ) его „племянника“ или друга съ простою грамотой. Здѣсь племянникъ, являющійся наравнѣ съ другомъ (ср. былинный терминъ „дружина“ = младшій товарищъ, слуга) представителемъ своего патрона на судѣ, вообще—родственникъ-клиентъ. Въ разсказѣ о Липицкой битвѣ 1216 г., помѣщенномъ въ Никоновской лѣтописи и восходящемъ къ суздальскому лѣтописному своду XIII в., ростовскій князь Константинъ говоритъ про своихъ дружинниковъ: „Едини суть въ родствѣ, и въ племяни, и въ кумовствѣ“¹⁾. Эти три термина я различаю такъ: родство даетъ единство кровное; племяни даетъ единство въ отношеніи житейскихъ, экономическихъ интересовъ; кумовство даетъ единство религіозное, церковное. Слѣдовательно, древнее значеніе слова „племянникъ“—человѣкъ принятый въ группу (семью, общину), пособникъ, младшій товарищъ.

Г. Васильевъ указываетъ (тамъ же), что въ восточныхъ великорусскихъ говорахъ до сихъ поръ употребляется слово „племяшъ“ и выраженіе „застольный племянникъ“ въ значеніи бѣднаго родственника-нахлѣбника. Такимъ образомъ, оказывается, что терминъ „племянники“, для обозначенія родственниковъ-клиентовъ до сихъ поръ распространенъ въ предѣлахъ стараго новгородскаго общественнаго вліянія. Въ этихъ же предѣлахъ употребляется слово шабѣрь (стар. сябрь) въ значеніи сосѣда, товарища; первоначальное значеніе этого слова—родственникъ (лат. consobrinus: см. Ключевскаго, Курсъ русской исторіи, I, 139). Въ смыслѣ младшаго товарища, какъ указано Н. В. Васильевымъ, употребляется слово племянникъ во многихъ бѣломорскихъ былинахъ. Могу къ этому прибавить, что и въ былинахъ, записанныхъ въ Олонецкой губ. а также въ Сибири, упоминаются племянники: такъ, Иванъ Годиновичъ почти всегда называется племянникомъ князя, Ермакъ—племянникомъ Ильи Муромца. Въ такомъ же значеніи, родственницы, употребляется слово „племянница“: такъ, въ нашей былинѣ и въ другихъ упоминается пле-

¹⁾ Полн. Собр. Р. Лѣт. X, 73.

мянница князя Владимира, въ пѣснѣ о Чурильѣ-игуменьѣ—княже-нецкая племянница Стафида Давыдьевна (Сб. Кириши Данилова, 165), въ пѣснѣ объ Иванѣ Дородоровичѣ—княжеская племянница Софья (Бѣлом. был., № 32).

Итакъ, новгородское происхожденіе былины о Добрынь-змѣборцѣ можно считать доказаннымъ. Можно еще поставить вопросъ о классѣ, среди котораго возникла былина въ своемъ первоначальномъ видѣ. Мы видѣли, что сюжетъ для нея былъ взятъ изъ христіанскихъ апокрифическихъ сказаній, что она имѣетъ тенденцію возвеличить образъ борца за христіанство противъ язычества, что героемъ ея является княжескій намѣстникъ, дѣйствовавшій заодно съ греческими епископами. Припомнимъ также, что Добрыня носитъ „шляпу земли Греческой“, обычную принадлежность каликъ, что змѣиная пещера, по бывшѣ, помѣщается на Сорочинской (Сарапинской) горѣ (I, а, б; II, а), которая иногда замѣняется горой Аравійской (II, б), Сіонской (II, в) и Саворской (III, е¹); упоминаются также Сорочинская земля (I, б), дорога (I, е), рѣка Ердань (III, а), Греческое море (III, д), камень Латырь и сапфиръ, извѣстный на Руси по Святославу Изборнику 1073 г. (III, ж). Все это свидѣтельствуетъ о томъ, что былина долго вращалась среди церковныхъ людей, близко знакомыхъ съ Палестиной и ея окрестностями, находившимися въ рукахъ сарацинъ. Въ XI—XII вв. церковные люди не составляли устойчиваго, однороднаго общественнаго класса. Въ число ихъ попадали лица разныхъ классовъ гражданскаго общества, и принадлежность къ нему обуславливалась волей или временнымъ положеніемъ, иногда случайными обстоятельствами. Къ нимъ принадлежали между прочимъ изгои, люди, по несчастію или другимъ причинамъ потерявшіе права, которыми обладали ихъ отцы: поповъ сынъ, не обучившійся грамотѣ, обанкрутившійся купецъ, выкупившійся холопъ, даже осиротѣвшій князь. Такіе люди были поставлены подъ особое попеченіе церкви и носили названіе церковныхъ, богадѣльныхъ и задушныхъ людей²). Изъ ихъ-то среды выходили многочисленные, „калики“, „сумы переметныя“,

¹) Такъ же называется Оаворъ въ стихѣ о Голубиной книгѣ у Ончукова, Печорскія былины, стр. 235. Вѣроятно, начальное с воспроизводитъ средне-греческое произношеніе буквы θ—с шепелявое.

²) Ключевскій, Бурсъ русской исторіи, I, 326, 305.

странники въ Палестину, въ XII в. настолько размножившіеся, что новгородское духовенство стало протестовать противъ ихъ хожденій ватагами. Я думаю, что среди этихъ паломниковъ, авторовъ древнѣйшихъ духовныхъ стиховъ, и была сложена былина о Добрынь-змѣборцѣ ¹⁾.

Въ связи съ вопросомъ о средѣ, сложившей былину, находится вопросъ о степени сознательности въ обработкѣ византийскаго сюжета змѣборства. Относительно этого вопроса проф. В. Э. Миллеръ ²⁾ высказалъ слѣдующее: „Во избѣжаніе недоразумѣнія, къ которому могла бы подать поводъ выдвинутая мною параллель между св. Егоріемъ и Добрыней по отношенію къ змѣборству, считаю необходимымъ замѣтить, что въ прикрѣпленіи сюжета змѣборства къ Добрынь я не усматриваю какой-нибудь сознательной аллегоріи въ народномъ творчествѣ. Змѣй, котораго истребилъ Добрыня, не символизируетъ язычество, сокрушенное историческимъ Добрыней. Мотивъ змѣборства приурочился къ Добрынь въ силу бессознательнаго психологическаго процесса, который нерѣдко былъ наблюдаемъ въ народной эпикѣ, но требуетъ особеннаго объясненія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. О томъ, какъ *приблизительно* совершался такой процессъ, можно судить по аналогіи“. И авторъ указываетъ на прикрѣпленіе сказки о змѣѣ къ мѣстнымъ преданіямъ о возникновеніи холмовъ, идущихъ отъ Кіева къ Каспійскому морю, и о голодѣ, который былъ въ нѣкоторыхъ аулахъ Осетіи во время войны дигорцевъ съ алагирцами. Но, вѣдь, приводитъ такіа аналогіи значить объяснять одинъ неизвѣстный фактъ другимъ, столь же мало извѣстнымъ.

Стоя на той точкѣ зрѣнія, что былина отражаетъ міровоззрѣніе класса людей, особенно близко стоявшихъ къ христіанской средне-вѣковой легендѣ, я ищу именно здѣсь выясненія интересующаго насъ вопроса. Извѣстно, что въ христіанскомъ искусствѣ всегда господствовало символическое и аллегорическое направленіе. Это направленіе, широко распространенное, между прочимъ, въ области поэзіи какъ на Западѣ, такъ и въ Византіи

¹⁾ Ср. Бытовые черты р. былинъ, 90—95; Изъ исторіи р. былевого эпоса, I, 2—6.

²⁾ Эскурсы, 50—51.

въ средніе вѣка, „уже въ XI вѣкѣ было усвоено нашими предками въ переводахъ разныхъ византійскихъ сочиненій“¹⁾. Былины, какъ произведенія, возникшія въ христіанскую эпоху и отразившія въ себѣ византійскую и вообще средневѣковую литературу, широко воспользовались христіанскимъ символизмомъ и по образцу заимствованныхъ символовъ создали цѣлый рядъ новыхъ, своихъ. Символизмъ является въ нихъ или въ формѣ простой метафоры, какъ, напр., въ выраженіи: богатырь всѣхъ побилъ,—

Не оставилъ силы на сѣмена;

или въ формѣ аллегорической рѣчи. Таковы слова новгородцевъ Василию Буслаевичу:

Тебѣ съ этою удалю молодецкою
Наквасить (т.-е. окровянить) рѣку будетъ Волховъ!

или слова старца пилигрима ему же:

Молодой курень (цыпленокъ), не попархивай!

или отвѣтъ Василя старцу:

Не дано тебѣ яичко о Христовѣ днѣ,—
А дамъ тебѣ яичко о Петровѣ днѣ.
Билъ его палицей булатной по головушкѣ;

или слова Ильи Муромца о Данилѣ и его женѣ:

Ужъ ты, батюшка Владимиръ князь,
Изведешь ты яснаго сокола,—
Не поймать тебѣ бѣлой лебеди!

Особенно часто символизмъ употребляется въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной²⁾. Въ такихъ случаяхъ пѣвцы изъ скромности затушевываютъ грубую реальность символизмомъ. Укажу на два примѣра. Въ „Повѣсти о Василии Златовласомъ“, одной изъ старыхъ параллелей къ былинѣ о Соловьѣ Будимировичѣ³⁾, рассказывается грубо о томъ, что Василій, получивъ отказъ въ сватов-

¹⁾ Лекціи Буслаева („Старина и новизна“, кн. VIII, 373).

²⁾ Сюда относятся „вѣнчаніе вокругъ ракитова куста“, загадка Ставровой жены, аллегорическая рѣчь Потыка у Рыбникова, I, № 37, ст. 144—150.

³⁾ См. Вс. Миллеръ, Очерки, 212—216.

ствѣ, „растлилъ дѣвство“ королевны, думая про себя: „поневолю будетъ ми жена“ (стр. 21). Въ былинѣ Соловей лишь впоследствии сватается за княжескую племянницу Забаву, а раньше получаетъ отъ князя „загонъ земли непаханой и неораной“ въ зеленомъ саду Забавы, въ вишеньѣ и орѣшнѣ, гдѣ строить дворъ. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ есть и грубыя подробности, отвѣчающія „Повѣсти“. Забава, какъ и королевна, сама послѣ этого проситъ взять ее замужъ.

Продѣлка Соловья повторяется въ былинѣ о Хотѣнѣ Блудовичѣ. Здѣсь, въ нѣкоторыхъ пересказахъ, тоже является „садъ“, или „виноградъ“.

- 1) Какъ развѣхался Котянко изъ чиста поля,
Какъ въ новъ теремъ онъ — тупымъ концомъ.
Какъ упалъ новы теремъ, виноградъ сломалъ,
Еще всѣ верей да помитусились (покривились);
Едва Чайна Часовична на ногахъ стоитъ ¹⁾...
- 2) Полтерема сшибъ, виноградъ подавилъ.
Втапоры (Авдотья) Часовична
Бросилась будто бѣшеная ²⁾...
- 3) Сшибъ того терема по окна прочь,
И слетѣлъ теремъ во зеленый садъ ³⁾...
- 4) Ударилъ палицей по терему, —
Теремъ палъ и загородъ поломалъ ⁴⁾...
- 5) Хотѣнъ со слугой:
Заѣхали ко вдовѣ да во широкій садъ,
Приломали, притоптали, все притравили.
И вдовы-то дома не случилось,
И одна Чадинка пригодилася..
Сама говорила таково слово:
И что за невѣжа появилась,
И надъ нашимъ домомъ насмѣхается! ⁵⁾

Дѣло кончается тѣмъ, что Чайна Часовична принуждена выйти замужъ за Хотѣна и униженно проситъ у него этой милости.

1) Моя записъ изъ Поморья, не напечатанная.

2) Сборникъ Кирши Данилова, 63.

3) Рыбниковъ II, № 22, ст. 91—2.

4) Гильфердингъ № 164.

5) Гильфердингъ, № 282. Ср. обычная выраженія въ сказкахъ: невѣжа воду пель, бочку не покрылъ; Бѣломорскія был., № 75, ст. 382; Ончуковъ, Печорскія былины, № 45, ст. 232.

Въ былинѣ она шествіи Батя („Василій Игнатьевичъ“) по^х чиненіе христіанскаго города Кіева татарамъ символизируется картиной Богородицы, ходящей по городской стѣнѣ и плачущей надъ Евангелиемъ. Въ духовномъ стихѣ, инокъ теряетъ въ морѣ ключъ отъ церкви, т.-е. въ житейской суетѣ утрачиваетъ чистоту вѣры¹⁾. Въ волочебной пѣснѣ церковнаго происхожденія, дѣвушка роняетъ въ море золотой вѣнокъ, т.-е. лишается своей дѣвственности²⁾. Во всѣхъ этихъ примѣрахъ мы видимъ такое же сознательное употребленіе символическихъ образовъ, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ. Проф. Павловъ-Сильванскій указываетъ цѣлый рядъ символическихъ дѣйствій въ древнемъ русскомъ правѣ³⁾. Многіе символы какъ въ правѣ, такъ и въ народной поэзіи съ теченіемъ времени дѣлаются непонятными и искажаются, но въ эпоху своего появленія они вполне ясны. Что касается образа змѣя или змѣи, то представленіе о немъ, какъ о символѣ всего злбнаго, обманчиваго и губительнаго, широко распространено въ народной поэзіи. Въ былинахъ „родъ змѣиный“—то же, что поганый, невѣрный, языческій, еретическій. Поэтому любовникъ иностранки Маринки, еретицы, у которой нѣтъ образа въ комнатѣ,—Змѣй Тугаринъ или Змѣй Горыничъ. Въ мѣстныхъ новгородскихъ легендахъ Коркодилъ-Перунъ или Зміяка-Перунъ, несомнѣнно, являются символами языческаго бога; а такъ какъ былина о змѣеборствѣ Добрыни основана на этихъ легендахъ, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что въ сознаніи слагателей ея заимствованный изъ агиографіи образъ змѣя-дракона отождествлялся съ образомъ языческаго бога, въ которомъ христіанинъ долженъ былъ видѣть бѣса. Такое отождествленіе было тѣмъ удобнѣе, что въ образѣ змѣя слагатель, знакомый съ языческими представленіями, легко могъ увидѣть черты, сближавшія его съ образомъ бога-громовника. Добрыня купается среди лѣта, въ жару; приближеніе змѣя описывается слѣдующимъ образомъ:

1) Варенцовъ, Сборникъ русск. дух. стиховъ, 183—5; Матеріалы и изслѣдованія по изученію народной пѣсни и музыки (Труды Этногр. Отд., т. XV), I, 25.

2) Шейнъ, Великорусск., I, 342.

3) Журналъ Минист. Нар. Просвѣщ. 1905 г., июнь.

Вѣтра нѣтъ, да тучу наднесло,
Тучи нѣтъ, да будто дождь дождить.
Ай дождя-то нѣтъ, да только громъ гремитъ,
Громъ гремитъ, да свищетъ ¹⁾ молнія.
Налетѣло змѣище Горынчище (I, а).

И въ другихъ пересказахъ говорится, что, когда налетала змѣя, туча тучилась, громъ гремѣлъ, и частый дождикъ шелъ (III, б). Иногда змѣя только сравнивается съ тучей:

А не темныя ли тѣмени затѣмнѣли,
А не черныя тутъ облаци попадали,—
А летить ко Добрынюшкѣ люта змѣя ²⁾.

Какъ олицетвореніе грозовой тучи, змѣя „по поднебесью хоботы (т.-е. хвосты) заметываетъ“ и представляется огненной (III, е); она гровитъ Добрынѣ сжечь его огнемъ (I, б; II, а, б, в; III, г, д, е, и, і) или залить водой (II, а, б, в; III, е). Подобное изображеніе змѣя-дѣвола встрѣчается въ легендѣ о св. Георгіи: здѣсь змѣя является олицетвореніемъ бури на морѣ, благодаря чему онъ называется сыномъ Посейдона; когда онъ летитъ, слышится свистъ и шумъ, клубится дымъ, и сыплются искры ³⁾. Если авторъ легенды могъ назвать змѣя-дѣвола сыномъ языческаго бога, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что слагатель быliny въ символическомъ образѣ змѣя Горынчища видѣлъ бога-громовника.

Въ заключеніе подведу итоги моихъ замѣчаній о былинѣ:

1) Содержаніе быliny ближайшимъ образомъ связано съ агіографической византійской литературой.

2) Отчество Добрыни восходитъ къ греческому прозвищу или имени Ἀνιχῆτος.

3) Былина о привозѣ воды для князя, не дошедшая до насъ въ цѣльномъ видѣ, заключаетъ въ себѣ смутное воспоминаніе о крещеніи князя Владимира.

4) Купанье Добрыни символически воспроизводитъ преданіе о переходѣ его изъ язычества въ христіанство.

¹⁾ Вѣроятно, искаженіе слова „сверчетъ“, сверкаетъ.

²⁾ Гильфердингъ, № 59 (I, д); ср. III, ж.

³⁾ Карпичниковъ, Св. Георгій и Егорій Храбрый, 59.

5) Пѣсни о скимнѣ представляетъ обособившееся начало древней версiи былины о змѣборствѣ; скимнѣ—прообразъ героя.

6) Въ преданiи о новгородскомъ волхвѣ, убитомъ бѣсами и брошенномъ въ Волховъ, сохранилась память о сверженiи Перунова истукана и гибели новгородскаго главнаго волхва. Отголосокъ преданiй о Добрынѣ, какъ о побѣдителей волхва, сохранился въ былинѣ о боѣ Добрыни съ Невѣжей.

7) Былина о Добрынѣ-змѣборцѣ сложена въ Новгородской землѣ людьми, близкими къ церкви.

8) Слагатели былины воспользовались византийскимъ символическимъ образомъ дракона-дiавола и сознательно обработали материалъ легенды въ примѣненiи къ подвигамъ Добрыни.

А. Марновъ.

Арк к № 2733.

Цѣна 75 коп.

Того же автора:

Бѣломорскія былины, съ предисловіемъ проф. В. О. Миллера.
М. 1901. Ц. 2 р. 50 к.

Бытовья черты русскихъ былинь. М. 1904. Ц. 1 рубль.

Что такое Овсень? Изъ исторіи русской и латышской весенней
обрядности. М. 1905. Ц. 20 к.

Матеріалы, собранныя въ Архангельской губерніи лѣтомъ
1901 г. Марковымъ, Масловымъ и Богословскимъ. Ч. I. Духовные
стихи, былины и историческія пѣсни, причитанія. М. 1905. Ц. 2 р.
(Вторая часть печатается).

Изъ исторіи русскаго былогого эпоса. Вып. I. М. 1905.
Ц. 50 к.

Къ вопросу о методѣ изслѣдованія былинь. М. 1907. Ц. 15 к.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine of five cents a day is incurred
by retaining it beyond the specified
time.

Please return promptly.

JUN - 5 24

